

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 4 (32)

Издается с 2008 года

Выходит 4 раза в год

Москва

2018

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 4 (32)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской
кафедрой всеобщей и российской истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

заместитель главного редактора

профессор общеуниверситетской кафедры
всеобщей и российской истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Андреев И.Л.

заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Жирыков И.Г.

профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии
МГОУ, доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

профессор общеуниверситетской кафедры
всеобщей и российской истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

Мальшева О.Г.

директор ИГН МГПУ, кандидат исторических наук, профессор

профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Орлов А.А.

профессор кафедры новой и новейшей истории МГПУ,
доктор исторических наук, доцент

Ртищева Г.А.

доцент общеуниверситетской кафедры
всеобщей и российской истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

заведующий кафедрой методики преподавания
истории, обществознания и права МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Токарева Е.А.

доцент кафедры отечественной истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории
МГИМО, доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

профессор общеуниверситетской кафедры
всеобщей и российской истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Болдов И.А.* Бытование «романовской» политической легенды в Смутное время 8
- Нижинская М.М.* Сохранение ордена иезуитов в Российской империи как отражение государственно-религиозной политики на присоединенных западных территориях во второй половине XVIII века 20

Новейшая история России

- Музафарова Н.И.* Позиции молодежных организаций в условиях революционных преобразований (1917–1925)..... 27
- Малхозова Ф.В.* Советы как политическое наследие революций 39
- Байкалов Н.С., Тихонов А.Л.* Строительный комплекс позднесоветской Бурятии: проблемы, достижения, перспективы (на материалах районов БАМа) 48
- Омельченко Е.А.* Проблема интеграции международных мигрантов в новейшей истории России 58

Всеобщая история

- Шеркова Т.А.* Додинастический и раннединастический Египет в контексте биполярности мифологического сознания..... 70

<i>Агуреев С.А., Болтаевский А.А.</i> Проблема трансформации внешней политики Болгарии в период Первой мировой войны	82
<i>Глебов М.С.</i> Левые партийные фонды Германии и социальные перемены в Латинской Америке (на опыте начала XXI века)	90

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Серов О.В.</i> Рецензия на книгу: Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М.: АИРО-XXI, 2017. 848 с.	97
---	----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2018, № 4 (32)	106
---	-----

Требования к оформлению статей	110
---	-----

CONTENTS

History of Russia: from ancient times to 1917

- Boldov I.A.* Existence of «Romanov's» Political Legend in Time of Troubles (Smutnoe Vremya)..... 8
- Nizhinskaya M.M.* Conservation of the Jesuit Order in the Russian Empire as a Reflection of the State-Religious Policy in the Annexed Western Territories in the Second Half of the XVIII Century..... 20

Modern History of Russia

- Muzafarova N.I.* Positions of Youth Organizations in the Conditions of Revolutionary Transformations (1917–1925) 27
- Malkhozova F.V.* Councils as the Political Heritage of the Revolution..... 39
- Baikalov N.S., Tikhonov A.L.* The Building Sector of the Late-Soviet Buryatia: Problems, Achievements, Prospects (on the Materials of the BAM Regions) 48
- Omelchenko E.A.* The Problem of International Migrants' Integration in the Contemporary History of Russia..... 58

General History

- Sherkova T.A.* Predynastic and Early Dynastic Egypt in the Context of Dual Mythological Consciousness 70

<i>Agureev S.A., Boltaevskiy A.A.</i> The Problem of the Transformation Bulgarian Foreign Policy at the Time of the First World War	82
<i>Glebov M.S.</i> Left Funds of Germany and the Social Changes in Latin America (on the Experience of the Beginning of the XXI Century)	90

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Serov O.V.</i> Review of the Book: Grosul V. Social Movement in Russia in the First Half of the XIX Century. M.: AIRO-XXI, 2017. 848 p.	97
---	----

Authors of «Vestnik Moscow City University», Series «Historical Studies», 2018, № 4 (32).....	108
--	-----

Style Sheet.....	110
-------------------------	-----

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

УДК 94(47)"08/16"

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.01

И.А. Болдов

Бытование «романовской» политической легенды в Смутное время

По своему сюжету политические легенды делятся на три группы: о предсмертном завещании царя Ивана Васильевича, о спасении царевича Дмитрия Ивановича, о предсмертном завещании царя Федора Ивановича. По характеру политической направленности могут быть выделены «годуновская», «шуйская», «мстиславская», «романовская» легенды, а также самозванческая легенда, представляющая собой разновидность народной социально-утопической легенды о возвращающемся избавителе. В настоящей статье рассматривается проблема возникновения, бытования и применения в Смутное время «романовской» политической легенды о завещании царя Федора Ивановича.

Ключевые слова: Смутное время; политическая легенда; завещание царя Федора Ивановича; Федор Романов и Борис Годунов; Земский собор 1613 года.

Наиболее ранними источниками, отразившими «романовскую» политическую легенду о завещании царя Федора Ивановича, являются «Московская хроника» немца Конрада Буссова, «Краткое известие о Московии» голландца Исаака Массы и так называемая «Повесть о Земском соборе 1613 года».

Последние мгновения жизни царя Федора Ивановича в «Московской хронике» описаны следующим образом: *«Царица Ирина Федоровна, родная сестра правителя (Бориса Годунова. — Прим. И. Б.), обратилась к своему супругу с просьбой отдать скипетр ее брату, правителю (который до сего дня хорошо управлял страной). Но царь этого не сделал, а протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей, Федору Никитичу, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру. Но Федор Никитич его не взял, а предложил своему брату Александру. Тот предложил его третьему брату, Ивану, а этот — четвертому брату, Михаилу, Михаил же — другому знатному князю и вельможе, и никто не захотел прежде другого взять скипетр, хотя каждый был непрочь сделать это, о чем будет сказано позднее. А так как уже*

умиравшему царю надоело ждать вручения царского скипетра, то он сказал: *“Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне невозможно больше держать его”*. Тогда правитель, хотя его никто и не упрашивал взять скипетр, протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон, столь долго заставлявших упрашивать себя, схватил его» [3: с. 80–81]. Таким образом, немецкий автор зафиксировал информацию о стремлении царя Федора передать власть представителям рода Романовых, но нерасторопность / благочестие Романовых и расторопность / властолюбие Бориса Годунова способствовали тому, что именно Годунов стал царем по смерти последнего правителя из династии московских государей.

Краткое упоминание о передаче управления царством Федору Никитичу Романову находим и в труде Исаака Массы: *«Перед смертью он (царь Федор Иванович. — Прим. И. Б.) вручил корону и скипетр ближайшему родственнику своему, Федору Никитичу, передав ему управление царством»* [9: с. 45].

«Повесть о Земском соборе 1613 года» (далее — «Повесть») представляет собой небольшое произведение, в котором оставшийся неизвестным автор собрал сведения об обстоятельствах проведения в Москве в январе – феврале 1613 года Земского избирательного собора. Согласно «Повести», право выбора нового государя принадлежало московским боярам. Присутствовавшие в рассматриваемое время в столице казаки находились в ожидании решения земского собора. Работа собора проходила в атмосфере взаимного недоверия и враждебности между боярами и казаками. Из представителей знати постоянный контакт с казаками поддерживал князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, который организовывал на своем дворе *«столы честныя и пиры многия на казаков»*, *«чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был»* (цит. по: [14: с. 95]). Единственным представителем рода Романовых в числе основных претендентов на царство значился боярин Иван Никитич Романов [14: с. 94].

Проблема материальной необеспеченности в холодной Москве спровоцировала всплеск казачьей агрессии: *«Казаки же не можаху дождати от бояр совету их, хто у них будет царь на Росии. И советовав всем казачьим воинством и приступиша казаков до пяти сот и больше ко двору крутицкаго митрополита, и врата выломали, и всыпали во двор, и глаголеша с грубыми словесы митрополиту: “Дай нам, митрополит, царя государя на Росию кому нам поклонитися и служити и у ково жалованья просити, до чево нам гладною смертию измирати!”»* (цит. по: [14: с. 95]). Таким образом, в понимании казаков перспективы их дальнейшей службы и последующей выдачи жалованья находились в зависимости от фигуры нового государя. Именно царское жалованье за ратную службу являлось основным интересом казаков.

Недовольство затягиванием принятия окончательного решения привело казаков на собор, на встречу с боярами: *«Атамань же казачей глагола на соборе: “Князи и бояра и все московские вельможы, но не по божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по божии воли*

и по благословению благоверного и благочестиваго, и христолюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Руси князю Феодору Никитичю Романова. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по божию воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всея Руси». И многолетствовали ему, государю» (цит. по: [14: с. 95]). Таким образом, именно казаки выдвинули на Земском соборе 1613 года кандидатуру Михаила Романова, обосновав свой выбор легендой о завещании царя Федора Ивановича.

Действия казаков застали бояра врасплох: утверждение Михаила Романова в качестве нового царя произошло под психологическим давлением со стороны казаков. Единственным человеком, осмелившимся вступить в дискуссию с атаманом, был дядя Михаила Романова: «Бояра же в то время все страхом одержими и трепетни трясущиеся, и лица их кровию пременяющиеся, и ни единого никак же возмозже что изреци, но токмо един Иван Никитичь Романов проглагола: “Тот князь Михайло Федорович еще млад и не в полном разуме, кому державствовати?” Казаки же глаголеша: “Но ты, Иван Никитичь, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будещи”» (цит. по: [14: с. 95]). Таким образом, для казаков при выборе государя не имела значения принадлежность кандидата к роду Романовых в принципе. Для казаков была важна родственная связь, существовавшая между отсутствовавшими в Москве Филаретом (Ф.Н. Романовым) и его сыном Михаилом.

Детали «романовской» легенды, переданные Конрадом Буссовым (упоминания о младших братьях Федора Никитича, об уклонении «важных персон» от власти и похищении скипетра Борисом Годуновым), позволяют предполагать, что ее возникновение относится к периоду борьбы Романовых и Годуновых за власть.

Первый момент обострения отношений между Романовыми и Годуновыми связан со смертью царя Федора Ивановича в январе 1598 года. Интересные сведения о начавшейся по смерти государя борьбе за власть сохранил в письмах Христофору Радзивиллу оршанский староста Андрей Сапега. В письме от 4 февраля 1598 года Сапега сообщил имена претендентов на великокняжеский престол: Борис Годунов, Федор Мстиславский, Федор Романов, Богдан Бельский. Наиболее вероятным претендентом при этом был назван Романов [15: с. 339–340]. В письме от 23 февраля того же года можно найти несколько иной состав претендентов: Александр и Федор Романовы, Федор Мстиславский, Борис Годунов [15: с. 344].

В более объемном по содержанию письме от 15 февраля основными конкурентами в борьбе за трон выступают только Борис Годунов и Федор Романов.

К моменту составления донесения исход борьбы между ними был еще не ясен. Автор сообщал об ожесточенности, царившей в отношениях между боярами («в этом замешательстве и придирках князь Федор Романович подбежал к Годунову с ножом, желая его убить, но остальные удержали его»), а также об отсутствии единства в обществе: Годунова поддерживала часть думных бояр и воевод, стрельцы и «чернь почти вся», Романова — большая часть воевод и думных бояр [15: с. 341, 343]. Вместе с тем в письме нашел отражение и сюжет о последних мгновениях жизни царя Федора: *«Когда Годунов увидел, что великий князь Московский не может быть жив, он пришел к нему (при этом была и сама княгиня и Федор Романович) и стал его с плачем спрашивать и просить, чтобы он объявил, кого считает достойным избрания после своей смерти на великокняжеский стол, надеясь, что он укажет на него; на что тот ответил ему: “ты не можешь быть великим князем, разве только если тебя выберут по общему соглашению, но сомневаюсь, чтобы тебя избрали по той причине, что ты приходишь от подлого народа”. Но он указал на Федора Романовича, предполагая, что скорее выберут его. А так как великая Московская княгиня, говорят, беременна, то если у нея родится сын, велел, чтобы знатнейшие воеводы воспитывали его под присягой, а пока сын возмужает, чтобы тот же Федор Романович был правителем, а Федора Романовича будто бы увещевал, если его выберут великим князем, чтобы он не оставлял Годунова и постоянно держал бы его при себе, как и он, и без его совета ничего не делал, убеждая его, что Годунов умнее»* [15: с. 340–341]. Как видно из текста, в письме говорится не о передаче власти одному из бояр, а о высказывании государем мнения относительно возможности избрания одного из двух претендентов.

Староста не скрывал, что для получения информации использовал услуги шпионов и проезжих купцов. Достоверность такой информации вызывает сомнения, тем более что в приписке к письму некоторые указанные в основном тексте сведения были опровергнуты. Например, о беременности царицы Ирины или об убийстве Бориса Годунова. Тем не менее представленная информация о последних мгновениях жизни государя дает основание предполагать, что идея обоснования притязаний Романовых на власть могла возникнуть в январе – феврале 1598 года.

В феврале 1598 года Борис Годунов был избран «всею землею» на царство [12: с. 50]. Венчание же на царство состоялось лишь в сентябре месяце. Пребывание Бориса Федоровича в положении нареченного, но еще не венчанного государя означало незавершенность процесса сакрализации власти нового монарха. Это обстоятельство позволяло политическим противникам Годунова продолжать оспаривать трон. Именно к периоду между февралем и сентябрем 1598 года может относиться возникновение «романовской» легенды, в той версии, которая была впоследствии изложена Конрадом Буссовым. До наречения подобная легенда была еще не уместна, после венчания любое ее упоминание могло сулить опалу.

Стоит, правда, отметить, что в письме Христофору Радзивиллу от 16 июня 1598 года Андрей Сапега сообщал о стремлении Романовых, Б.Я. Бельского низложить царя Бориса и заменить его на престоле служилым ханом Симеоном Бекбулатовичем, который в свое время был провозглашен царем Иваном Грозным «великим князем всея Руси» [15: с. 345].

Сообщенные Андреем Сапегой сведения сохранились в итальянском переводе, что свидетельствует, по мнению С.Ф. Платонова, об их известности в Европе. На основании этого иностранные путешественники, направлявшиеся в Россию, еще до прибытия в Московию могли иметь определенные представления о перипетиях политической борьбы при дворе московского государя. Конкретную информацию о желании царя Федора передать власть Федору Романову историк считал отголосками разговоров, преданием, достаточно рано созданным в московском обществе, а рассказы о Романовых в трудах Конрада Буссова, Исаака Массы — «позднейшею эпической обработкою исторического предания» [11: с. 149–153].

Однако известны и другие предания, сохранившиеся в официальных источниках и летописцах, что подтверждает тезис о целенаправленном, а не стихийном возникновении легенд. Так, составитель «Соловецкого летописца» сообщал, что царь Федор Иванович перед своей кончиной «*Московское царство и все государьства Росийскаго царствиа приказал правити шурина своему конюшему и боярину Борису Федоровичю Годунову*» (цит. по: [7: с. 242]). Согласно же соборному определению об избрании на царство Бориса Годунова московский престол боярину Борису Федоровичу был завещан по смерти царя Федора еще царем Иваном Грозным [2: с. 13–14]. Обе «годуновские» легенды в той или иной мере служили инструментом идеологической нейтрализации влияния легенды «романовской».

Второй момент обострения отношений между Годуновыми и Романовыми связан с возникшей и долго мучившей царя Бориса болезнью (государь недомогал с конца 1599-го до лета 1602 года). Возможная кончина правителя вновь поставила со всей остротой на повестку дня вопрос о власти. У царя Бориса оставались сын Федор и дочь Ксения, несовершеннолетие которых порождало, вероятно, надежды конкурентов на успешное отстранение Годуновых от власти. Именно к этому периоду также может быть отнесено возникновение или окончательное оформление «романовской» легенды. В октябре 1600 года Романовы были арестованы по подозрению в организации заговора против царя Бориса и его семьи и после разбирательства приговорены к различным видам наказания. Так, Федор Романов был насильно пострижен в монахи под именем Филарет и отправлен в Антониев Сийский монастырь; его близкие избежали пострижения, но были разосланы по тюрьмам в разные места [13: с. 20–35]. Дискуссионным остается вопрос о реальности организации переворота Романовыми. В.И. Ульяновский, проанализировав все имеющиеся сведения о причинах ареста Романовых, отметил, что версия обвинителя

и версия обвиняемых сходились «в отношении возможности Романовых претендовать на власть» [17: с. 127–128].

Характерной особенностью текстов иностранных авторов являются различия в объеме информации о последних мгновениях жизни царя Федора. И Исаак Масса, и Конрад Буссов появились в России лишь в 1601 году. Голландец покинул Россию в 1609-м, немец — в 1611 году. И тот и другой не были очевидцами избрания Бориса Годунова, Михаила Романова. Оба были лишь свидетелями возвращения в 1602 году из ссылки опальных лиц, что, собственно, и могло послужить основанием для возникновения интереса к взаимоотношениям Романовых и Годуновых. Но голландский купец, более близкий по роду своей деятельности к городской среде, ограничился лишь краткой констатацией факта передачи власти, тогда как немецкий наемник представил достаточно подробное описание всего события. На основании данных наблюдений можно сформулировать следующие предположения: 1) среди столичного населения бытовала легенда в версии, не имевшей четко развитого сюжета; 2) немецкий автор почерпнул легенду в версии, имевшей сюжетную линию, из иного источника. Вероятно, от людей из круга, близкого к Романовым.

Как видно из текста «Повести», легенда о предсмертном завещании царя Федора Ивановича была использована в 1613 году, во-первых, в качестве обоснования необходимости избрания на царство именно Михаила Романова, а во-вторых, в качестве инструмента реализации интересов казачества. Возникновение же самой легенды относится к событиям, в которых казачество не принимало никакого участия. Данные наблюдения дают повод для постановки вопроса об обстоятельствах приобщения казаков к «романовской» легенде и, соответственно, превращения этой легенды в инструмент достижения интересов казачества. Исключать возможность существования среди казачьих атаманов грамотных и хорошо осведомленных в нюансах придворной политической борьбы лиц мы не имеем оснований. Вместе с тем, предполагая, что круг Романовых мог стать той средой, в которой произошла актуализация «романовской» легенды, поставим под сомнение независимость политической мысли казачества. Исходя из этого, возникают два закономерных вопроса: где и при каких обстоятельствах могли пересечься интересы казачества и Романовых; где и когда Романовы могли актуализировать легенду?

Ссылка на какое-то время выключила Романовых из активной политической жизни. Появление же и воцарение в 1605 году чудом спасшегося царевича Дмитрия и вовсе, как казалось, поставило крест на политических амбициях не только Романовых, но и всех остальных бояр. Однако еще при жизни царя Бориса Федоровича некоторые члены «романовского круга» (в частности, И.Н. Романов) были возвращены ко двору. Последним частично реабилитированным оказался Филарет, получивший при царе Дмитрии назначение на ростовскую митрополицию кафедры.

По мнению В.И. Ульяновского, с конца 1605 года Романовы вели работу по свержению царя Дмитрия и его замене на «свою давнюю креатуру» — великого князя Симеона Бекбулатовича. Предпринятая царем контрмера (пострижение Симеона в монахи [12: с. 68]) расстроила данный план [17: с. 136–137]. Успех же заговора против Лжедмитрия I стал возможным благодаря временному союзу Шуйских и Романовых, а также благодаря соглашению между князем Василием и митрополитом Филаретом о разделе царства и священства. Вместе с тем вскоре после вступления первого на трон стороны вступили в противоборство уже между собой [17: с. 138–139].

Первое столкновение относится к лету 1606 года, когда царь Василий Иванович резко переменял свой выбор и одобрил митрополита Гермогена в качестве патриарха Московского и всея Руси вместо ранее названного Филарета. Основанием для подобного шага могли служить подозрения нового государя в нелояльности знати и в организации заговора [11: с. 198–202]. Летом 1608 года «шатость» возникла в правительственных войсках под командованием бояр князя М.В. Скопина-Шуйского и И.Н. Романова, направленных против сил Лжедмитрия II [12: с. 77–78]. С.Ф. Платонов рассматривал этот случай как организованную «романовским кругом» попытку измены царю Василию [11: с. 233, 237]. Причиной волнений в войсках могло стать стремление служилых людей городов от Литовской украины покинуть расположение войска с целью защиты семей и имущества, оказавшихся после сражения на Незнани под ударом противника [16: с. 223–225].

Начиная с лета 1608 года в тушинском лагере Лжедмитрия II происходит концентрация перебежчиков из числа представителей боярских и дворянских семейств, в том числе из «романовского круга» [16: с. 362–363]. Переход из стана царя Василия под знамена Самозванца был продиктован стремлением улучшить собственное материальное и социальное положение, служа новому государю. Осенью того же года главой тушинского Освященного собора стал старший в «романовском клане» человек — митрополит Филарет [3: с. 154–155]. Именно здесь на службе у Самозванца, вероятно, были установлены первые контакты, налажено взаимодействие между казаками и представителями «романовского круга». И все же сомнительной выглядит мысль, что в Тушино и Калуге у казаков обнаружили политические симпатии к Романовым, произошла актуализация «романовской» легенды, так как участники движения Лжедмитрия II (и казаки, и знать), рассчитывая сохранить полученные от Самозванца приобретения, были заинтересованы в стабильности и улучшении политического положения «царика». Кроме того, источники не сохранили сведения о контактах «нареченного патриарха» Филарета с казаками, а также о какой бы то ни было самостоятельной политической активности Филарета, которая позволила бы заподозрить бывшего боярина в намерении посадить на царство собственного сына уже в 1608–1610 годах.

Имя Михаила Романова в качестве претендента на московский престол впервые упоминается в мемуарах гетмана Станислава Жолкевского в связи

с возникновением в московском обществе летом 1610 года дискуссии о новом государе. Появление одного из Романовых в числе претендентов на царство создавало условия для актуализации «романовской» легенды, но, согласно «Запискам» польского военачальника, единственным обоснованием притязаний Михаила Романова на власть служила родственная близость Романовых к династии московских государей: *«митрополит Ростовский, отец его, был двоюродный брат (по матери) царя Феодора»* [4: с. 75].

По наблюдениям Станислава Жолкевского, кандидатура Романова вместе с фигурой князя Василия Васильевича Голицына имела поддержку патриарха Гермогена. Вместе с тем гетман зафиксировал существование больших симпатий архиерея к Михаилу Романову, нежели к князю В.В. Голицыну: *«однако ж к патриаршему мнению более склонялся народ, а все почти духовенство было на стороне Голицына»* [Там же]. Выдвижение Михаила Романова в качестве претендента на царство не могло пройти без участия вернувшегося весной 1610 года из Тушина ростовского митрополита [11: с. 283–289]. Поддержку этому кандидату Филарет должен был оказывать и как отец, и как архиерей, соблюдающий субординацию во взаимоотношениях с предстоятелем Православной церкви. В свою очередь, удачное совпадение статусов Филарета дает основание предполагать, что инициатором выдвижения Михаила Романова являлся сам митрополит. Так, по крайней мере, считали в Речи Посполитой. В 1615 году польско-литовские послы на встрече со своими русскими партнерами под Смоленском, вспоминая о событиях осени 1610 года, свидетельствовали: *«Филарет митрополит <...> але отновивши прежний умысл свой и хотение господарства на себе, што за господаря вашего Бориса на него, на жону и на братью его родную показалося было, и за што по суду и сыску братья его на горле показнены, а он с жоною в чернцы пострижен, как о том всему господарству Московскому ведомо; и што в ту пору на себе господарство доступати умышлял, то ныне на сына своего Михаила о господарстве Московском замыслил и с Гермогеном патриархом тайно советовал, и, будучи в посольстве, тайно и лукаво тым промышлял, как бы королевичу его милости Владиславу не быти на Московском господарстве»* [1: с. 475]. Таким образом, для польско-литовской стороны очевидной являлась связь между неудачей Романовых в борьбе за власть на рубеже XVI–XVII веков и выдвижением Михаила Романова в претенденты на царство в 1610 году. Отметим, что, по мнению В.И. Ульяновского, «избрание боярского царя, даже юного Михаила Романова, было бесперспективной акцией». Исследователь усматривает в действиях Филарета стремление организовать в столице временное правительство — «вариант позднейшей Семибоярщины, только во главе со “священством” (как “тушинское правительство”)» [17: с. 146].

Кроме того, послы Речи Посполитой на переговорах в 1615 году отмечали, что Иван Никитич Романов *«не ведаючи брата своего Филарета с патриархом тайного совету»* [1: с. 477]. Эта информация согласуется с реакцией Ивана

Романова на речь казачьего атамана на Земском соборе 1613 года и говорит об отсутствии широкой поддержки кандидатуры Михаила среди знати. Принимая во внимание сведения, сообщенные Станиславом Жолкевским, отметим, что поддержку Романову мог оказывать столичный посад, ориентировавшийся на мнение патриарха Гермогена. Выше отмечалось, что «романовская» легенда была хорошо известна жителям Москвы; в 1610 году ассоциативным, стихийным образом она могла возникнуть в общественном сознании вновь. Однако источники не зафиксировали следы бытования легенды о завещании царя Федора в 1610 году. Отметим, что, по мнению П.Г. Любомирова, в период проведения Земского избирательного собора в 1613 году казаки и посадские выступали по отношению друг к другу в качестве «врагов». Историк считал случайностью единение московских простых людей «на определенном кандидате и лишь с частью казаков» [8: с. 207–208].

Вновь имя Михаила Романова в качестве претендента на царство возникает уже в период подготовки Земского избирательного собора, который должен был пройти в освобожденной ополченцами Москве. Информация об этом сохранилась в показаниях плененного поляками дворянина Ивана Философова (ноябрь 1612 г.). Этот источник является и наиболее ранним, сохранившим сведения о политических симпатиях казачества к фигуре Михаила Романова [8: с. 208–209]. К этому времени относится, вероятно, и актуализация «романовской» политической легенды, а также приобщение к ней казачества.

Как было показано выше, в 1613 году казачество желало такого государя, который бы определил казаков на постоянную службу, обеспеченную государевым жалованьем, тем самым признав за ними приобретенный в Смутное время статус служилого сословия.

Текст «Повести о Земском соборе 1613 года» впервые был опубликован в 1985 году, и до этого момента данное произведение было неизвестно широкому кругу исследователей. Тем не менее родственная связь, имевшая место между первым царем из династии Романовых и главой тушинского Освященного собора, подсказывала историкам идею, что на Земском соборе 1613 года бывшие участники антиправительственных выступлений стремились легитимировать приобретенный по ходу Смуты статус через апеллирование к опыту взаимодействия с «нареченным патриархом» Филаретом. Расхождения в оценках касались вопроса об инициаторах выдвижения фигуры Михаила Романова в качестве претендента на царство. По мнению В.О. Ключевского, инициатива принадлежала непосредственно казакам: «Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно» [5: с. 58–59]. П.Г. Любомиров считал, что идея избрания на царство Михаила Романова попала в казачью среду под влиянием проводимой бывшими «тушинскими дьяками» агитации [8: с. 209].

Оценки современных исследователей также разнятся, но при этом имеют иную направленность. По мнению В.Н. Козлякова, политические симпатии казаков к кандидатуре Михаила Романова сформировались под влиянием совокупности факторов: «Сыграли свою роль какие-то отголоски воспоминаний о деятельности Никиты Романовича Юрьева, нанмавшего казаков на службу при устроении южной границы государства еще при царе Иване Грозном. Имела значение мученическая судьба Романовых при царе Борисе Годунове и пребывание митрополита Филарета (Романова) в тушинском стане в качестве нареченного патриарха. Из-за отсутствия в Москве пленного Филарета вспомнили о его единственном сыне стольнике Михаиле Романове» [6: с. 424–425]. Точка зрения Л.Е. Морозовой: «У казаков особого интереса к кандидатуре Михаила Романова быть не могло. Его воцарение не сулило им никакой выгоды» [10: с. 45].

Исходя из утверждения о стремлении казачества и близких к ним элементов легитимировать свой статус через опыт взаимодействия с определенным лицом на конкретном этапе гражданской войны в Московском государстве, можно предположить, что для казаков наиболее подходящим государем должен был стать князь Д.Т. Трубецкой, с которым казаков связывал опыт совместной ратной службы в рамках антиправительственного выступления 1608–1610 годов и освободительного движения 1611–1612 годов. Тем более что, согласно «Повести», сам воевода искал у казаков поддержки своему избранию на царство. Но новым царем стал не он: *«Князь же Дмитрий Трубецкой, лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»* (цит. по: [14: с. 95]).

По нашему мнению, казачество стремилось легитимировать свой социальный статус через апеллирование к опыту взаимодействия с Православной церковью. Наиболее интенсивно отношения между казачеством и духовенством развивались в период пребывания казаков под Москвой в составе Первого ополчения. Именно тогда так называемые вольные казаки впервые в масштабах всей страны получили признание в качестве самостоятельной силы. Их статус был освящен службой «по благословению патриарха», заступничеством Троицкого монастыря перед земством. Наиболее удачной фигурой, олицетворяющей это взаимодействие, среди прочих претендентов оказался Михаил Романов, чему в значительной степени могли способствовать и родство с бывшим главой тушинского Освященного собора митрополитом Филаретом, и желание патриарха Гермогена видеть в 1610 году на московском престоле князя В.В. Голицына или молодого Михаила Романова, а также проводимая в Москве в конце 1612 – начале 1613 года бывшими «тушинскими боярами и дьяками» агитация.

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 4. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1851. 583 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 2. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 416 с.
3. *Буссов Конрад*. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 400 с.
4. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб.: Типография Эд. Праца, 1871. 298 с.
5. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 415 с.
6. *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М.: Омега, 2007. 524 с.
7. *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 223–243.
8. *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М.: Соцэкгиз, 1939. 343 с.
9. *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэкгиз, 1937. 208 с.
10. *Морозова Л.Е.* Избрание на царство // Русская история. 2013. № 1. С. 40–45.
11. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.
12. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссии. Т. 14. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 158 с.
13. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 328 с.
14. *Станиславский А.Л., Морозов Б.Н.* Повесть о Земском соборе 1613 года // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.
15. *Титов А.А.* Из Львовского Архива князя Сапегы // Русский архив. 1910. № 11. С. 337–352.
16. *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
17. *Ульяновский В.И.* Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.

Literatura

1. Akty', odnosyashiesya k istorii Zapadnoj Rossii, sobranny'e i izdanny'e Arheograficheskoy komissiej. T. 4. SPb.: V tipografii E'duarda Pracza, 1851. 583 s.
2. Akty', sobranny'e v bibliotekah i arxivax Rossijskoj Imperii Arheograficheskoy e'kspediej Imperatorskoj akademii nauk. T. 2. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii, 1836. 416 s.
3. *Bussov Konrad*. Moskovskaya xronika. 1584–1613. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 400 s.
4. Zapiski getmana Zholkevskogo o Moskovskoj vojne. SPb.: Tipografiya E'd. Pracza, 1871. 298 s.
5. *Klyuchevskij V.O.* Sochineniya. T. 3. M.: My'sl', 1988. 415 s.
6. *Kozlyakov V.N.* Smuta v Rossii. XVII vek. M.: Omega, 2007. 524 s.
7. *Koreczkij V.I.* Soloveczkij letopisecz koncza XVI v. // Letopisi i xroniki. 1980 g. M.: Nauka, 1981. S. 223–243.

8. *Lyubomirov P.G.* Oчерk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg. М.: Socze'kgiz, 1939. 343 s.
9. *Massa Isaak.* Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. М.: Socze'kgiz, 1937. 208 s.
10. *Morozova L.E.* Izbranie na czarstvo // *Russkaya istoriya.* 2013. № 1. S. 40–45.
11. *Platonov S.F.* Oчерki po istorii Smuty' v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. Opy't izucheniya obshhestvennogo stroya i soslovny'x otnoshenij v Smutnoe vremya. М.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 1995. 470 s.
12. Polnoe sobranie russkix letopisej, izdannoe po Vy'sochajshemu poveleniyu Arheograficheskoy komissii. T. 14. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. 158 s.
13. *Skry'nnikov R.G.* Social'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. 328 s.
14. *Stanislavskij A.L., Morozov B.N.* Povest' o Zemskom sobore 1613 goda // *Voprosy' istorii.* 1985. № 5. S. 89–96.
15. *Titov A.A.* Iz L'vovskogo Arxiva knyazya Sapegi // *Russkij arxiv.* 1910. № 11. S. 337–352.
16. *Tyumencev I.O.* Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II. М.: Nauka, 2008. 686 s.
17. *Ul'yanovskij V.I.* Smutnoe vremya. М.: Evropa, 2006. 448 s.

I.A. Boldov

Existence of «Romanov's» Political Legend in Time of Troubles (Smutnoe Vremya)

According to their plot, political legends are divided into three groups: about the deathbed will of Tsar Ivan Vasilyevich, about the salvation of Tsarevich Dmitry Ivanovich, about the deathbed testament of Tsar Fyodor Ivanovich. By the nature of the political orientation, «Godunovskaya», «Shuiskaya», «Mstislavskaya», «Romanov» legends can be distinguished, as well as an impostor legend, which is a kind of popular social-utopian legend about the «returning savior». This article deals with the problem of the emergence, existence and use in the Time of Troubles of the «Romanov's» political legend about the testament of Tsar Fyodor Ivanovich.

Keywords: Time of Troubles; political legend; testament of Tsar Fyodor Ivanovich; Fedor Romanov and Boris Godunov; Zemsky sobor of 1613.

УДК 94(47)"17/1917"

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.02

М.М. Нижинская

Сохранение ордена иезуитов в Российской империи как отражение государственно-религиозной политики на присоединенных западных территориях во второй половине XVIII века

В статье рассматриваются причины, повлиявшие на сохранение ордена иезуитов в Российской империи во второй половине XVIII века. Автор приходит к выводу, что причины сохранения ордена имели как внутривластный, так и внешнеполитический характер.

Ключевые слова: Российская империя; Екатерина II; религиозная политика; орден иезуитов; католицизм.

В результате трех разделов Речи Посполитой (в 1772, 1793, 1795 годах) к Российской империи отошли земли современной Белоруссии, Литвы и большей части современной Украины. Жители присоединенных территорий являлись представителями различных конфессий. Новыми российскими подданными стало большое количество католиков, униатов, протестантов и иудеев. Это обстоятельство потребовало от российского правительства проведения более гибкой внутренней политики на присоединенных землях и полного пересмотра государственно-религиозных отношений в стране.

На присоединенных к Российской империи землях находилось около тридцати католических монашеских орденов [1: с. 92]. Наибольшее опасение вызывало Общество Иисуса, известное в России как орден иезуитов. В России всегда негативно относились к этому ордену, поскольку его члены давали обет беспрекословно подчиняться папе римскому. Это существенно отличало их от других католических орденов, уставы которых не содержали такого пункта, и вызывало обоснованные подозрения у российского правительства, стремящегося максимально снизить влияние Святого престола на своих подданных. Именно по этой причине Екатерина II дает распоряжение губернаторам Псковской и Могилевской губерний внимательно следить за иезуитами «яко за коварнейшими из всех прочих латинских орденов» [11: т. XIX, с. 509–510]. В черновом варианте это распоряжение выглядит более категорично: «...при первом от них, интересу нашему противном, подвиге вы имеете оных оптом выгнать из сих земель» (цит. по: [5: с. 131]). Но, несмотря на недоверие к ордену, Екатерина II не стала

спешить с изгнанием иезуитов из России. Как опытный политик, она решила не торопить события и подождать.

В июле 1773 года папа Климент XIV издал бреве *Dominus ac Redemptor*, которое упраздняло Общество Иисуса. Необходимо отметить, что папа римский издал этот документ под сильным давлением со стороны европейских монархов, которые стремились навсегда уничтожить орден. При этом Климент XIV принял решение упразднить орден не совсем обычным способом. По воле папы римского бреве *Dominus ac Redemptor* входило в силу не после его опубликования в Риме, как и было положено по католическим канонам, а только после его публичного провозглашения в каждой отдельной епархии. Принятие такого решения объясняется стремлением Климента XIV сохранить имущество ордена. При такой процедуре упразднения светским властям было сложнее завладеть собственностью иезуитов [4: с. 19–20]. Именно это решение папы римского косвенным образом способствовало сохранению ордена в Российской империи. Получив бреве Климента XIV, российские католические священнослужители не могли напрямую исполнить волю папы римского, так как, согласно закону, решение об исполнении папских распоряжений на территории Российской империи принимала лично Екатерина II [11: т. XIX, с. 688–689]. Несмотря на недоверие к членам ордена, российская императрица запрещает обнародовать бреве и тем самым сохраняет иезуитов на территории Российской империи. Что же повлияло на изменение отношения Екатерины II к «коварнейшему» ордену и каковы причины сохранения его в Российской империи?

Во-первых, необходимо отметить, что часть населения новоприсоединенных земель негативно восприняло изменение своего подданства и не спешило с принятием новой присяги. Согласно именному указу от 16 августа 1772 года нежелающим присягать новому правительству было разрешено беспрепятственно покинуть территорию в трехмесячный срок [11: т. XIX, с. 555]. Многие католические и униатские священнослужители уезжали в Польшу. Боясь спровоцировать массовое переселение, российское правительство было вынуждено постоянно переносить сроки присяги [8: ч. 1, с. 69]. Показывая пример своей пастве, члены ордена иезуитов первыми принимают присягу. Российское правительство было удивлено тем, какой эффект оказала эта присяга на местное население: католическое духовенство и миряне стали массово присягать императрице. По мнению церковного историка, священника М.Я. Морошкина, занимавшегося исследованием деятельности ордена иезуитов в России, этот поступок иезуитов и последующий эффект от него повлияли на решение Екатерины II сохранить орден на территории Российской империи, поскольку стало очевидно, каким авторитетом пользуется орден среди местного католического населения. При этом иезуиты показали свою лояльность новым властям и желание сотрудничать с ними, что позволило бы российскому правительству использовать в дальнейшем их авторитет для утверждения российских законов на присоединенных землях [8: ч. 1, с. 71].

Сами иезуиты утверждают, что принятие присяги было необходимо в силу так называемого долга пастыря, поскольку в противном случае, согласно

российским законам, они были бы высланы из страны и тысячи католиков остались бы без священников, так как в присоединенных землях ощущалась сильная нехватка католического духовенства [4: с. 57]. Английский историк, профессор И. Мадариага в своей работе, посвященной царствованию Екатерины II, обращает внимание на нехватку католического духовенства в белорусских губерниях. Она никак не комментирует принятие иезуитами присяги, но акцентирует внимание на том факте, что заменить иезуитских священников было нечем. Для окормления католической паствы правительству пришлось бы приглашать священников из Польши или из других стран. Такое положение вещей не могло устроить Екатерину II, стремящуюся максимально оградить католических подданных от влияния извне. Поэтому она решила оставить в России иезуитов, которые были юридически отторгнуты от Святого престола и стали неопасны [7: с. 818].

Следующей причиной сохранения ордена на территории Российской империи была антипапская пропаганда, которую активно вели белорусские иезуиты. Необходимость обоснования правомерности сохранения ордена на территории России вопреки бреве Климента XIV вынуждала членов ордена доказывать, что решение правителя государства, на территории которого расположен орден и которому члены ордена принесли присягу, является обязательным для исполнения [6: с. 131]. В дальнейшем белорусские иезуиты стали подвергать сомнению законность притязаний Святого престола на территории, находящиеся за пределами папских владений, утверждая, что «папство не есть существенный догмат латинства» и «папа есть епископ, не отличающийся ничем особенным от белорусского епископа» [8: ч. 1, с. 111–113]. В результате попытки белорусских иезуитов оправдать свое существование в России приобрели ярко выраженный антипапский характер. По словам М.Я. Морошкина, «орден, имевший главной своей целью защищение папы и его власти, теперь стал ниспровергать самые основания папской власти и колебал самый догмат латинской церкви о папстве» [8: ч. 1, с. 111].

Антипапские высказывания иезуитов способствовали укреплению власти российского правительства на присоединенных землях. Они помогали убеждать новых российских подданных, особенно униатов, что католическая церковь и папство не одно и то же. Высказывания иезуитов против власти папы римского способствовали, по мнению правительства Екатерины II, переходу униатов в православную веру [5: с. 136]. К тому же, разделяя католическую церковь и папство, белорусские иезуиты в своих произведениях полностью оправдывали действия Екатерины II, стремящейся вывести из-под юрисдикции Святого престола своих католических подданных [5: с. 132]. В анонимной записке, хранящейся в РГАДА, ордену иезуитов отводится особая роль в деле формирования новой католической церкви в России. В ней говорится, что «иезуиты в Белоруссии... с их уставом, без поддержки Рима должны будут создать религию, не известную в христианском мире и даже отделенную...

от сообщества Римской церкви неисполнением Буллы... Они также вовлекут в эту участь тех римских католиков, которые с ними общаются в целях либо духовной помощи, либо образования. Таким образом, должна будет появиться новая секта» (цит. по: [6: с. 129–130]). Как видно из этой записки, правительство Екатерины II решило использовать ликвидированный в Европе орден для создания отдельной католической церкви, которая будет подчиняться только правительству России и будет ограждена от какого-либо влияния извне. Кроме того, Екатерина II как искусный политик на примере ликвидации ордена иезуитов видела зависимость папы римского от европейских дворов, что еще больше укрепило ее решение максимально снизить влияние Святого престола на российских католиков.

Еще одной причиной, побудившей Екатерину II сохранить орден, была прославленная педагогическая деятельность иезуитов. В официальных документах и письмах педагогические способности иезуитов и забота Екатерины II о просвещении молодежи в Белорусских губерниях объявляются единственной причиной сохранения ордена на территории России. Например, в письме полномочному послу в Варшаве графу Штакельбергу от 14 февраля 1780 года Екатерина II пишет: «...булла Папы Климента XIV о иезуитах не была опубликована в империи Нашей, и общество того времени сохранено в неприкосновенной целости, яко полезное и удобнейшее для воспитания тамошнего юношества, в чем никто еще заменить их не мог... коль всегда посредством ордена иезуитского преподавалось лучшее просвещение...» [9: с. 438–439]. По мнению священника Морошкина, высказывания Екатерины II о необходимости сохранения ордена иезуитов исключительно ради просвещения молодежи на присоединенных землях являются всего лишь ширмой, за которой императрица скрывала истинные мотивы своих действий относительно ордена. Он очень низко оценивает педагогическую деятельность иезуитов в белорусских губерниях. Тем самым Морошкин полностью исключает педагогический аспект деятельности иезуитов как фактор, повлиявший на решение Екатерины II сохранить орден [8: ч. 1, с. 63].

Католический исследователь, член ордена иезуитов М. Инглот, напротив, утверждает, что это была одна из главных причин [4: с. 29]. Конечно, как представитель ордена, Инглот гордится системой образования иезуитов, а политические аспекты сохранения ордена в России деликатно обходит стороной. Но полностью отрицать тот факт, что Екатерина II была высокого мнения о преподавании в иезуитских школах не стоит. В письме к своему постоянному корреспонденту барону М. Гримму от 12 апреля 1775 года императрица пишет, что школы иезуитов незаменимы, а самих монахов называет драгоценным зерном [10: с. 67]. Доказательством того, что Екатерина II высоко ценила способности иезуитов в области образования служит, на наш взгляд, тот факт, что следить за проведением реформы начальной школы в белорусских губерниях она поручила ордену иезуитов [12: с. 148].

По мнению российского исследователя, специалиста по истории ордена иезуитов в России В.Б. Лушпая, Екатерина II не стала отказываться от педагогических услуг иезуитов, потому что не собиралась экспериментировать с образованием на присоединенных землях и вносить изменения в устоявшуюся и привычную местному населению систему преподавания. В белорусских губерниях не было закрыто ни одного католического учебного заведения, а приоритет иезуитских школ активно поддерживался со стороны правительства [5: с. 135]. Российская исследовательница М.А. Петрова замечает, что Екатерина II как монарх, заботящийся о просвещении своих подданных, не могла допустить разрушения налаженной сети учебных заведений в стране с очень низким процентом грамотности [10: с. 68]. Хотелось бы особо подчеркнуть, что преподавание в иезуитских школах и коллегиях было бесплатным, иезуиты не делали различия между сословиями и конфессиями и обучали всех желающих, к тому же имелась особая квота на бесплатное проживание и полное обеспечение детей обедневших дворян [2: с. 123–124]. Это обстоятельство было важным для местного населения. Показательным является тот факт, что в иезуитских школах учились дети протестантов, а после 1772 года — и дети православных. К тому же Екатерина II отдавала должное не только педагогической, но и воспитательной деятельности иезуитов. Она рассчитывала, что монахи смогут привить католической молодежи уважение к новой власти, о чем неоднократно говорили в своих письмах к Екатерине II сами иезуиты [3: с. 93].

Как мы видим, сохранение ордена иезуитов не являлось следствием интриг его членов или простым капризом Екатерины II, а было хорошо продуманным политическим решением. Ликвидация ордена папой Климентом XIV делало его и фактически, и юридически независимым от Святого престола. При этом иезуиты показали свою лояльность новым властям, первыми приняв присягу, а также желание сотрудничать с ними. Высказывания против папы помогали убеждать новых российских подданных, особенно униатов, что католическая церковь и папство не одно и то же. Антипапская пропаганда способствовала переходу униатов в православие и оправдывала действия российского правительства, стремящегося юридически оградить католических подданных от влияния Рима и сделать католическую церковь зависимой от светской власти. Все это делало орден в глазах российского правительства не только не опасным, но и полезным. Обладая авторитетом среди местного населения, иезуиты способствовали установлению российских законов на присоединенных территориях.

Образовательная деятельность иезуитов также способствовала сохранению ордена в России. Екатерина II, заботившаяся о воспитании и образовании молодежи, высоко ценила педагогические таланты иезуитов и покровительствовала их школам и коллегиям.

Нехватка католического духовенства в белорусских губерниях косвенным образом повлияла на решение императрицы сохранить орден: гораздо безопаснее, если католических подданных будут окормлять монахи ордена, не зависящего от Рима, чем приглашать священников из-за границы.

Однако, сохранив орден в России, Екатерина II ограничила его деятельность белорусскими губерниями, где этот орден традиционно существовал. Как и все остальные католические ордена, он подчинялся российским законам и находился в том же правовом положении, что и православные монахи.

Литература

1. *Андреев А.Р.* История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX века. М.: Русская панорама, 1998. 256 с.
2. *Блинова Т.Б.* Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения). Гродно: ГрГУ, 2002. 425 с.
3. *Ершова И.Ю.* К вопросу о причинах сохранения ордена иезуитов в России в правление Екатерины II // Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, Е.С. Токарева. М.: Наука, 2006. С. 91–101.
4. *Инглот М.* Общество Иисуса в Российской империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире. М.: Изд-во Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 630 с.
5. *Лушпай В.Б.* Иезуиты в политике Екатерины II // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 130–137.
6. *Лушпай В.Б.* Антипапская пропаганда белорусских иезуитов во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 124–133.
7. *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины II. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 964 с.
8. *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени: в 2 ч. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии. Ч. 1. 1867. 518 с.; Ч. 2. 1870. 528 с.
9. Переписка по делу об открытии в Белоруссии иезуитского новициата // Сборник Русского исторического общества. Т. 1. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1867. С. 421–459.
10. *Петрова М.А.* Отношение к иезуитам Екатерины II и ее ближайшего окружения // Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, Е.С. Токарева. М.: Наука, 2006. С. 61–90.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.
12. *Шлафли Д.Л.* Педагогическое наследие иезуитов в России Екатерины Великой // Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, Е.С. Токарева. М.: Наука, 2006. С. 140–148.

Literatura

1. *Andreev A.R.* Istoriya ordena iezuitov. Iezuity' v Rossijskoj imperii. XVI – nachalo XIX veka. M.: Russkaya panorama, 1998. 256 s.
2. *Blinova T.B.* Iezuity' v Belarusi (Ix rol' v organizacii obrazovaniya i prosveshheniya). Grodno: GrGU, 2002. 425 s.
3. *Ershova I.Yu.* K voprosu o prichinax soxraneniya ordena iezuitov v Rossii v pravlenie Ekateriny' II // Rossiya i iezuity'. 1772–1820 / отв. red. M. Inglot, E.S. Tokareva. M.: Nauka, 2006. S. 91–101.
4. *Inglot M.* Obshhestvo Iisusa v Rossijskoj imperii (1772–1820 gg.) i ego rol' v povsemestnom vosstanovlenii Ordena vo vsem mire. M.: Izd-vo In-ta filosofii, teologii i istorii sv. Fomy', 2004. 630 s.

5. *Lushpaj V.B.* Iezuity' v politike Ekateriny' II // *Voprosy' istorii.* 1999. № 8. S. 130–137.
6. *Lushpaj V.B.* Antipapskaya propaganda belorusskix iezuitov vo vtoroj polovine XVIII veka // *Voprosy' istorii.* 2001. № 8. S. 124–133.
7. *Madariaga I.* Rossiya v e'poxu Ekateriny' II. M.: Novoe lit. obozrenie, 2002. 964 s.
8. *Moroshkin M.Ya.* Iezuity' v Rossii s czarstvovaniya Ekateriny' II i do nashego vremeni: v 2 ch. SPb.: Tip. II otd-niya Sobstvennoj E. I. V. kancelyarii. Ch. 1. 1867. 518 s.; Ch. 2. 1870. 528 s.
9. *Perepiska po delu ob otkry'tii v Belorussii iezuitskogo noviciata* // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva.* T. 1. SPb.: Tip. A. Transhelya, 1867. S. 421–459.
10. *Petrova M.A.* Otnoshenie k iezuitam Ekateriny' II i ee blizhajshego okruzheniya // *Rossiya i iezuity'.* 1772–1820 / otv. red. M. Ingot, E.S. Tokareva. M.: Nauka, 2006. S. 61–90.
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe.* 1649–1825 gg.: v 45 t. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1830.
12. *Shlafti D.L.* Pedagogicheskoe nasledie iezuitov v Rossii Ekateriny Velikoj // *Rossiya i iezuity'.* 1772–1820 / otv. red. M. Ingot, E.S. Tokareva. M.: Nauka, 2006. S. 140–148.

M.M. Nizhinskaya

**Conservation of the Jesuit Order in the Russian Empire as a Reflection
of the State-Religious Policy in the Annexed Western Territories
in the Second Half of the XVIII Century**

The article considers the causes, which had affected for the conservation of the Jesuits in the Russian Empire in the second half of the XVIII century. The author made a conclusion that the reasons for the persistence of the Jesuit order had in base both domestic and foreign influence.

Keywords: Russian Empire; Catherine II; religious policy; Jesuit Order; Catholicism.

УДК 94(47)"1917/1991"

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.03

Н.И. Музафарова

Позиции молодежных организаций в условиях революционных преобразований (1917–1925)

В статье рассматриваются молодежные общественно-политические движения, возникшие в процессе революционных событий. Основное внимание уделено организациям молодежи, попавшим под влияние радикальных партий, в частности комсомола. Показаны воззрения и тактические действия оппозиционных объединений, не согласных с политическим режимом советской власти.

Ключевые слова: объединения молодежи; комсомол; христомолы; обновленцы; союз безбожников; антирелигиозные кампании.

В начале XX века Россия вступила в период острых катаклизмов, вызванных военными и революционными потрясениями, проявлением общенационального кризиса. В этих условиях молодежь как самая активная часть общества старалась найти свое место в сложной ситуации политических, социальных перемен, и для определения своей позиции нередко стихийно объединялась в разные неоднородные кружки и группы. Многоукладность экономики и наличие разных по социальному, конфессиональному и национальному статусу народов страны способствовали возникновению разрозненных организаций молодежи. Единства социально-политических, экономических воззрений у них не было, и сами объединения не имели четко налаженной структуры. Инициаторами создания кружков, разных групп были представители студенческой молодежи, интеллигенция, продвинутые активисты из рабочих.

Представители рабочей и отчасти крестьянской молодежи под влиянием революционной эйфории готовы были идти на штурм властных учреждений, разорять и грабить имущество дворян, капиталистов и других состоятельных граждан. Студенческая молодежь не была однородной, большая часть ее разделяла воззрения либералов, некоторые стояли на позиции радикалов.

Определенную группу составляли сторонники монархического режима, которые усматривали единственно верный путь развития и спасения страны в русле официальной идеологии — православие, самодержавие, народность.

Не претендуя на широкое представление заявленной темы, автор статьи рассматривает воздействие революционных событий на ориентацию и действия молодежи, попавшей под влияние радикальных партий, в частности большевиков.

Партия большевиков ставила глобальные задачи разрушения самодержавного строя и установления диктатуры пролетариата. Она учитывала текущее социально-политическое положение в стране и в зависимости от этого старалась повлиять на оппозиционные силы с целью консолидации с ними в борьбе за новую власть. Лидер РСДРП В.И. Ленин, будучи противником религии, в предреволюционные годы считал возможным идти на компромисс с отдельными представителями духовенства, которые выступали против клерикализма самодержавия. Он критиковал Русскую православную церковь (РПЦ) за ее поддержку монархического строя и оправдание насилия эксплуататорских классов по отношению к простому народу. Являясь гениальным тактиком и учитывая низкий политический уровень рабоче-крестьянской массы, Ленин призывал привлечь в партию социал-демократов активных представителей молодежи, верующих оппозиционеров, включая священнослужителей.

Большевики обращали внимание на кризисные явления в православной церкви, использовали их в агитационной работе, шли на диалог с представителями высших иерархов. С установлением Советской власти коммунисты (в соответствии со своей программой, принятой в 1919 г.) взяли жесткий курс на преодоление религиозных воззрений как чуждой социалистическому мировоззрению идеологии. Эти требования были поставлены и перед молодежными организациями, в частности адресованы комсомолу. Коммунистический союз молодежи партия большевиков рассматривала как свой резерв и помощник, а потому осуществляла общее руководство и привлекала его ко всем проводимым мероприятиям.

Увлеченные революционными идеями, группы молодежи вовлекались в общественно-политическое движение, классовую борьбу задолго до революции. Союзы молодежи создавались стихийно, часто распадались, более организованные группы возникли весной 1917 года в Петрограде, Москве, на Урале на базе рабочих коллективов. В октябре 1918 года активисты союзов молодежи собрались на съезд и объявили о создании Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). Так официально была провозглашена общественно-политическая организация — комсомол.

Важнейшей задачей руководства большевистской партии комсомолом считалось атеистическое воспитание членов союза молодежи и вовлечение их в социалистическое строительство. Выступая на III съезде комсомола (1920), В.И. Ленин провозгласил: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической

морали». На вопрос отрицают ли коммунисты всякую мораль, он разъяснил, что они отрицают ее в том смысле, «в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога» [1: с. 309]. Ленин определил стратегическую линию комсомола, воодушевив его членов идеей построения в ближайшие десятилетия коммунистического общества. Союз молодежи выполнял указания большевиков, выступал против традиций старого мира за переустройство быта, ратовал за повышение грамотности комсомольцев и выработку у них принципиальной позиции непримиримого отношения к религии. Комсомольские ячейки нацеливались на строительство социализма ударными темпами. Для решения предстоящих задач необходимо было широкое вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в комсомол.

Революционные преобразования, рассчитанные на построение и победу социализма в ближайшие десятилетия, обусловили применение ударных темпов и форсированных методов в решении комплекса задач в сфере политической, экономической и культурной жизни. В числе первостепенных объявлялись задачи преодоления религиозных воззрений трудящихся, и прежде всего молодежи. Партия большевиков рассматривала религию как идеологию, защищающую интересы эксплуататорских классов, вредную и несовместимую с марксизмом-ленинизмом. Вместе с тем, учитывая укорененность религиозных воззрений в сознании народа, партийные органы рекомендовали проводить работу по борьбе с религиозными предрассудками тактично, избегая оскорбления религиозных чувств верующих. Официально было заявлено о необходимости «осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков, добиваясь этого посредством пропаганды... заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения...» [2: с. 95]. По отношению к коммунистам и комсомольцам было установлено строгое требование прекратить всякие связи с религией.

Первоначально борьба с религией предполагалась в идеологической сфере. Тем не менее радикальные изменения в политической, социальной, экономической и культурной сферах повлияли на взаимоотношения с религиозными организациями, трансформируясь в политику государственного атеизма. Первыми декретами советская власть лишила конфессиональные организации имущества, земель, финансовых накоплений, объявляя все это общенародной государственной собственностью. Свообразным итогом регулирования взаимоотношений религиозных конфессий и государства было принятие декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (январь 1918). В документе провозглашались принципы свободы совести, аналогичные тем, которые в странах Запада были приняты в результате буржуазных революций. Однако в России данный декрет утвердил государственный атеизм, а его реализация стала проводиться с помощью жестких методов воинствующего материализма.

Расхождения между объявленными принципами свободы совести и политикой глобального наступления на религию вызвало протест духовенства

и части верующих, приведя к расколу в народе. Церковные иерархи обращались с воззваниями к пастве, дабы привлечь верующих для защиты интересов религиозных учреждений. В то же время между людьми старшего поколения и молодежью возникали противоречия. Молодежь тянулась к новшествам, порой не осознавая своих действий, вставала на путь грубых нарушений гражданских прав. Создавались объединения безбожников, антирелигиозные кружки, группы лиц сторонников пролетарской культуры (пролеткультовцы). Партийные и советские органы старались направить все движения в одно русло, дабы сохранить новую власть диктатуры пролетариата.

В намерениях смягчить возникшие противоречия между церковью и государством советское правительство пошло на уступки некоторым конфессиям. Так, по отношению к сектантам, оппозиционным к РПЦ, была принята новая тактика. Сторонники некоторых сектантских организаций были освобождены от воинской повинности, более того, им разрешалось на льготных условиях создавать трудовые хозяйственные артели и кооперативы. Предоставленные сектантским организациям льготы способствовали росту числа их адептов из разных слоев населения. Внутри самих сект происходили разительные перемены. Для привлечения большего числа молодежи сектанты совершенствовали тактику вербовки новых членов. Изобретательность и активность в новых методах вербовки проявили баптисты, евангелисты, адвентисты. Они организовывали разные кружки, к примеру рукоделия, кройки и шитья, домоводства, пения, обучению грамоте и др. В надежде на получение дополнительных уступок и каких-либо привилегий некоторые сектантские объединения заявляли о готовности вступить в ряды большевистской партии. Так, лубковцы, создав трудовую артель, ходатайствовали о приеме их в РКП (б) [6: с. 7].

Объявленная лояльная политика советских органов к верующим и некоторые уступки, сделанные конфессиональным организациям, вызывали одобрение ряда зарубежных деятелей. В подтверждение сказанного приведем отзыв американского епископа Вильяма Монтомгери Брауна, выступившего в 1920 году с разоблачением использования религии во враждебных целях. В работе «Банкротство христианского супернатурализма» он одобрительно отозвался о мероприятиях советского государства, направленных на «выведение рабочих и крестьян из ада капитализма в рай социализма» (ГМИРА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 76. Л. 1). Епископ проповедовал идеи христианского социализма, выступал за справедливость, мир и демократию, призывал к сплочению верующих. Противники Брауна выступили с критикой его воззрений социалистических идей, в результате епископ был осужден церковным судом и объявлен сумасшедшим.

Рассматривая политику Советской власти по отношению к религии, отметим, что первоначальная установка лояльности к верующим и духовенству трансформировалась в политику воинствующего атеизма. Исходила она из объявленных задач форсированного строительства социализма, проведения культурной революции, включающей ликвидацию безграмотности населения,

внедрения социалистического мировоззрения в сознание людей. Эти вопросы обсуждались на конференциях, съездах и собраниях. В целях повышения идейно-политического уровня комсомольцев и активной молодежи стали издаваться популярные брошюры. В сети политического просвещения давались элементарные знания материалистического объяснения природы и общества, сведения из истории религий, их роли в самодержавном государстве. Для подготовки агитаторов и пропагандистов организовывались краткосрочные курсы, в печати публиковались антирелигиозные материалы, а также освещалась на конференции позиция партийных и комсомольских организаций о неприимимом отношении к религии. В Перми (сентябрь 1919 г.), например, были осуждены и исключены из партии коммунисты за совершение религиозных обрядов (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 126. Л. 2).

Комсомольцы активно включались в антирелигиозную работу, однако в силу своей горячности и отсутствия политических знаний они нарушали принципы свободы совести, вызывая недовольство верующих. Руководящие органы партии и комсомола пытались оградить их от грубых действий в борьбе против религии. Они требовали повышения знаний молодежи в разных системах существующего уровня образования, в программы которых вводился курс атеизма, настаивали на включении членов союза молодежи в агитационно-пропагандистскую работу. Вместе с тем нехватка квалифицированных специалистов и подготовка пропагандистов оставляли желать лучшего.

Антирелигиозная работа, направленная на реализацию положений декрета о свободе совести, предусматривала следующий комплекс мероприятий: внедрение новой социалистической обрядности; чтение лекций; организацию вечеров, концертов, встреч с именитыми людьми. Центрами их проведения становились дома культуры, избы-читальни, клубы, библиотеки, красные уголки. В связи с низкой грамотностью людей агитаторы устраивали громкие читки научно-атеистической литературы, но не могли дать ответы на возникающие вопросы слушателей. Такая ситуация не устраивала советскую власть, поэтому после Гражданской войны в стране стала проводиться массовая кампания по ликбезу. На производстве в приказном порядке после рабочей смены в течение одного-двух часов проводились занятия по ликвидации безграмотности. При этом лейтмотивом служил ленинский принцип: безграмотный человек стоит вне политики.

Значительную роль в изменении воззрений молодежных организаций играла печать. Она освещала деятельность партии и государства по политическим, международным, хозяйственно-экономическим вопросам. Комсомольские органы требовали от своих членов изучения материалов печати, понимания текущего положения и выполнения стратегических задач, поставленных перед страной. Остро ставился вопрос обучения рабочей и крестьянской молодежи (наряду с ликвидацией безграмотности) в школе, а в дальнейшем — в специальных учебных заведениях.

В годы Гражданской войны красная молодежь использовала такие формы идеологического воздействия на население, как митинги, собрания, диспуты, плакаты, листовки, беседы, инсценировки, частушки и др. Так, по воспоминаниям А.Ф. Сивкова, командира добровольческого отряда, действовавшего в тылу колчаковских войск в течение 1918–1919 годов, молодые бойцы-активисты проводили агитационную работу¹. Они выступали перед местным населением с беседами, выпускали стенгазеты, ставили инсценировки, сочиняли частушки на злободневные темы. Использование красноармейцами доступных форм агитации способствовало формированию революционных настроений среди населения. Немало было примеров, когда после проведения подобных акций коллективы рабочих поселков на Урале (Туринск, Уфалей, Салда, Невьянск, Серов, Нижний Тагил и др.) осуждали контрреволюционные выступления и оказывали поддержку органам советской власти (СГАСПИ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 237. Л. 80. Д. 235. Л. 24). Нововведения в общественной жизни импонировали большей части молодежи, но значительное число людей старшего возраста придерживались прежних стереотипов и традиций.

Одним из главных направлений в воспитании и формировании молодого поколения являлось становление новой советской школы. Созданные для простого народа церковно-приходские школы не могли обучить всех детей, а главное, шли вразрез с требованиями советской власти, поскольку воспитывали в детях страх божий, любовь к церкви и преданность царю. Новая школа ставила задачи качественного образования и воспитания всесторонне развитых, профессионально подготовленных личностей. В феврале 1918 года Государственная комиссия по просвещению приняла постановление «О светской школе», которое запрещало преподавание вероучения и совершения религиозных обрядов во всех учебных заведениях. Однако вероучение сохранялось в специальных богословских учебных заведениях. Инструкция по проведению постановления была издана в августе, но реализация откладывалась в связи с Гражданской войной. В сентябре 1918 года ВЦИК утвердил «Положение о единой трудовой школе», постановил расширить сеть школ с изъятием вероучения. В свою очередь, Народный комиссариат просвещения рассмотрел вопросы повышения грамотности среди нерусских народов и создания школ для национальных меньшинств [5: с. 17–19].

Таким образом, советская власть ориентировалась на обучение всей молодежи страны грамотности и в дальнейшем получение ею всесторонних знаний, воспитание людей нового поколения в духе преданности стране и коммунистических норм морали.

На этапе своего становления советская школа прошла разные испытания, изучая, апробируя опыт зарубежных стран. Главное — она обеспечивала равенство детей в получении образования независимо от расовой и национальной принадлежности, имущественного и социального положения и в конечном

¹ Информация получена в ходе личных бесед автора статьи с А.Ф. Сивковым.

счете заняла почетное место в мировой системе обучения и воспитания. В процессе обучения у детей воспитывалось высокое чувство патриотизма, чему способствовали пионерские и комсомольские организации. Вместе с тем в учебных заведениях допускались перегибы в воспитании гуманистических норм нравственности, толерантности в русле идей воинствующего атеизма. Вовлечение школьников в антирелигиозные мероприятия, с одной стороны, способствовало отходу их от религии, с другой — приводило к отрыву молодежи от традиций и богатой духовной культуры народа. Более того, нередко учащихся вынуждали вступать в общественные организации (пионерскую, комсомол, союз безбожников) и отказываться от участия в семейных традиционно-религиозных праздниках и обрядах. Это приводило к разладу между родителями и детьми, старшим и молодым поколениями, а в дальнейшем сказалось на девальвации нравственности и духовных гуманистических ценностях народа.

Белоэмигрантская молодежь обвиняла комсомольские организации в утрате традиций и культуры русского народа. После революции 1917 года в Чехословакии и Франции эмигранты создали молодежные организации под эгидой Русского студенческого христианского движения за рубежом. В Париже организация называлась «Христианский союз молодых людей». На форумах эти организации принимали обращения к православному русскому народу, в которых заявляли о своем радении о сохранении нравственности и необходимости воспитания подрастающего поколения в идеалах христианской морали. На съезде Русского студенческого христианского движения за рубежом (Чехословакия, 1923 г.) констатировалось, что в России создана школа «духовного растрепания в виде пионерского и комсомольского движения, и коммунизм пытается духовно овладеть подрастающим поколением, растрепать его душу и сердце». Съезд поставил задачи: «Служение Русской православной церкви, подготовке ее защитников, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом» [4: с. 1]. Названные организации стабильно функционировали, поддерживали связи с РПЦ, проявили активность по подготовке 1000-летия принятия христианства на Руси. Юбилейные мероприятия они нацеливали на возрождение православной церкви в былом ее величии и духовной культуры русского народа.

Оппозиционные организации по отношению к комсомолу и другим радикальным объединениям возникали и в нашей стране. К таковым можно отнести обновленцев — новое течение, возникшее в православии до революции. Оно было вызвано недовольством части духовенства клерикальной властью, приведшей к кризису РПЦ и ее расколу. Эти иерархи считали необходимым демократизировать церковную жизнь, но единого мнения по вопросам стратегии и тактики у них не было. Разногласия обновленческих лидеров привели к возникновению двух течений — богоискательство и богостроительство.

Богоискательство уходило в идеалистическую философию, уводило почитателей в сакральный мир символов. Богостроители пытались соединить идеи социализма с христианским учением, тем более что постулаты раннего

христианства были близки идеям социализма. Ярким представителем богостроительства был А.И. Введенский, умело сочетавший принципы христианства и социализма. Идеи богостроительства импонировали А.В. Луначарскому, который считал, что социализм и религия в единстве могут быть более понятными и доступными для народа. Эту позицию не разделял Ленин и критиковал Луначарского за отход от марксизма-ленинизма. В результате идеи богостроительства в среде большевиков не получили распространения. Молодежь подвергалась воздействию новых течений, нередко попадала под какие-либо влияния, однако, будучи не искушенной во многих мировоззренческих вопросах, не могла определиться со своей позицией.

Большевики обращали внимание на кризис в православной церкви, использовали его в агитационной работе, шли на диалоги с представителями высших иерархов. Революционные преобразования в стране усилили кризис, что привело к официальному расколу в РПЦ и созданию в 1922 году Временного высшего совета церквей (ВВСЦ). Лидеры обновленцев (С.Е. Калиновский, В.Д. Красницкий, А.И. Введенский и др.) старались адаптироваться к условиям советской власти, заявили о признании ее декретов, пересмотрели канонические нормы христианства.

А.И. Введенский, будучи харизматичным лидером, создал организацию «Живая церковь» и в противовес партийным и комсомольским организациям объединил юношей и девушек в христомолы. В проповедях он отождествлял заповеди христианского социализма с нормами коммунистической морали. Неискушенные в познании тех или других учений молодые люди попадали под влияние обновленцев. Обновленческие христомолы проводили диспуты с представителями разных ориентаций и вероучений. Примером для подражания служили выступления А.И. Введенского в диспутах с коммунистами А.В. Луначарским и Е.М. Ярославским. Оппоненты хорошо знали положения Библии и марксизма и отличались умением аргументированно отстаивать свои воззрения. Особый интерес вызывали диспуты Введенского и Луначарского, на выступления которых заранее собиралось большое число народа. Диспуты могли длиться несколько часов, вызывая живой интерес слушателей.

Традиционалисты РПЦ критиковали обновленческое течение как грубейший отход от христианских догматов. Нововведения обновленцев были чужды и непонятны многим верующим. Вызывали недоумение такие изменения в религиозно-канонических нормах, как перекрашивание церквей в красный цвет, установка звездочек вместо крестов в храмах и на надгробных памятниках и др. Многие верующие проявляли недовольство действиями обновленцев и поддерживали традиционную церковь. Вместе с тем административные органы способствовали усилению раскола в православии с целью ослабления РПЦ. При оформлении передачи богослужебных помещений верующим для отправления культа органы власти предпочтение отдавали обновленцам, что вызывало междоусобицу и углубление кризиса в православной церкви.

Вербовку юношей и девушек в свои ряды вели многие религиозные организации и нередко перенимали методы комсомольцев: проводили беседы, лекции, диспуты, тематические вечера. В некоторых конфессиях занимались благотворительной деятельностью, объединяли девушек в сестричества, юношей — в братства для оказания помощи больным, одиноким и престарелым (аналоги современных волонтеров). Для большей заинтересованности адептов баптисты, евангелисты, адвентисты, пятидесятники создавали кружки ревнителей веры, техминимума, кройки и шитья. Сектантские организации выработали тактику вербовочной деятельности: от селения к селению, от дома к дому, от человека к человеку с добрым словом. Интересен афоризм баптистского пресвитера И. Гурикова: «Кто читает романы, у того пустые карманы, кто читает вражью науку, тот войдет в вечную муку, кто читает “Евангельчик”, тот будет ангельчик» [3: с. 28]. Таким образом, на молодое поколение старались воздействовать различные общественно-политические, религиозные круги.

В стране к 1920 году функционировало около 50 тыс. храмов, 25 тыс. сектантских общин, свыше 1,5 млн священнослужителей, которые вели идеологическую работу с населением. ЦК коммунистической партии требовал не ослаблять работу по распространению социалистической идеологии, учитывать изменения тактики духовенства, модернизацию вероучения и обращать внимание на культовую практику сектантов, обновленцев, которые сочетали ее с устройством развлекательных мероприятий (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 142. Л. 15–16, 20–21).

Комсомольские ячейки совершенствовали свои методы работы для пропаганды социалистических идей. Они стали проводить массовые антирелигиозные кампании, внедрять новые формы обрядности: «красные свадьбы», торжественное наречение имени новорожденным, чествования именитых лиц и др. Сочинялись и распространялись частушки, отражающие взгляды советской молодежи. К примеру:

Не пойду я ни к попам,
Не пойду к баптистам.
А уж если запишусь —
Только к коммунистам.

В резкой форме выражались идеологические установки:

Бога нет, царя не надо...
Всех святейших под каблук.
— Не давай попам пощады, —
Говорил мне политрук.

(Уральский рабочий. 1924. 25 апреля и 4 октября)

Комсомол играл большую роль в перестройке всех сфер общественно-политической, хозяйственно-экономической и культурной жизни. Он заложил трудовые традиции ударных «безбожных» бригад, стал инициатором новых

праздников, внес изменения в повседневный быт. Вместе с тем сказывались отсутствие опыта, недостаток знаний, что приводило к ошибкам и перегибам в его деятельности.

Отразилось это при проведении массовых кампаний «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи». Кампании представляли своеобразный протест против религии и главных христианских праздников. Первые опыты их проведения характеризовались шествием с плакатами, чучелами богов, резкими нападками на духовенство и верующих. Кульминацией процесса являлось сжигание религиозной атрибутики, что вызывало недовольство мирян (Правда. 1922. 15 ноября). Были случаи, когда комсомольцы врываются в храмы во время богослужения и пытались разогнать верующих. В Кунгурском округе, например, молодые люди не пропускали прихожан в церковь и, более того, имитировали расстрел Христа. Эти факты были осуждены партийными и комсомольскими органами, а кампании постепенно уступили место научно-популярным лекториям с использованием возможных по тому времени технических средств и наглядных пособий. В официальной печати стали публиковаться материалы и методические рекомендации по проведению цикла лекций и антирелигиозных мероприятий.

Однако революционный азарт, помноженный на неопытность и желание показать свою активность в борьбе с религией, перехлестывали разумные действия комсомольцев. ЦК партии и комсомола неоднократно указывали на допущенные ошибки и недостатки, которые вызывали недовольство верующих. В ряде регионов постепенно улучшалась культурно-просветительная работа, что выражалось в отказе от ударных форм борьбы с религией. В практику входило чтение цикла лекций в течение одной-двух недель с целевой установкой: в сельской местности уделять внимание агротехническим знаниям, в рабочих поселках — техническим достижениям. Заметно оживилась работа по созданию научно-технических кружков, организации художественной самодеятельности, вовлечению молодежи в ячейки безбожников.

Однозначную оценку объединениям безбожников дать невозможно: в их деятельности были как плюсы, так и минусы. Инициатором их создания был Е.М. Ярославский, который придерживался ленинского принципа непримиримого отношения к религии и скорейшего вытеснения ее из воззрений людей и жизни общества. Для решительного наступления на религию коммунистам и комсомольцам предъявлялись жесткие требования порвать всякие связи с вероисповеданием и вести постоянную атеистическую работу [7: с. 77]. Для крупномасштабной реализации задач необходимо было объединить «антирелигиозников», опираясь первоначально на членов партии и союза молодежи, а затем вовлечь другие группы населения. Предстояло создать и единый направляющий центр руководства.

Разрозненные кружки и группы «антирелигиозников» были объединены в 1924 году и провозглашены организацией друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). Рост их происходил благодаря добровольному и принудительному

вовлечению юношей, девушек, а также других социальных групп. В 1925 году ОДГБ была реорганизована в Союз воинствующих безбожников (СВБ), цель которого, по словам Е.М. Ярославского, заключалась в том, чтобы вести непримиримую борьбу с религией за окончательное ее преодоление. Своими действиями СВБ нанес урон духовной и материальной культуре, уничтожая памятники искусства, архитектуры и вытравливая морально-этические ценности народа. Пик борьбы с религией пришелся на вторую половину 1920-х – первую половину 1930-х годов. Под завесой преодоления религии в действительности процветала бытовая религиозность, а сами союзы безбожников прекратили существование перед началом войны.

Итак, революционные события 1917 года вызвали повышенную активность молодежи, которая в круговороте бурных социально-политических событий стремилась объединиться и найти свое место и призвание. Недостаточность знаний в понимании сложившейся ситуации приводили ее к колебаниям, нередко ошибкам в действиях. Вместе с тем воодушевленные идеями построения нового коммунистического общества, союзы молодежи с энтузиазмом втягивались в социалистическое строительство, показывали трудовой героизм и добивались рекордов. Для достижения светлого будущего страны они старались получить образование и востребованные для своего времени квалификации и профессию.

Литература

1. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат. 1973. Т. 41. С. 298–318.
2. Ленин В.И. Проект программы РКП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат. 1969. Т. 38. С. 81–124.
3. Религиозное и антирелигиозное движение в СССР и за границей. М.: Госиздат, 1929. 223 с.
4. Русское студенческое христианское движение. Устав. Прага. 1923. 15 с.
5. Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. [М.]: Наркомпрос, [1919]. 204 с.
6. Эрстов А.Г. На Тобольском фронте борьбы с религией. Антирелигиозные очерки и материалы. Тобольск: Общ-во изучения края при Госмузее Тобсевера ОкрОНО и Союза воинствующих безбожников, 1929. 109 с.
7. Ярославский Е.М. О религии. М.: Госполитиздат, 1957. 640 с.

Literatura

1. Lenin V.I. Zadachi soyuzov molodezhi. (Rech' na III Vserossijskom s'ezde Rossijskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi 2 oktyabrya 1920 g.) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. M.: Politizdat. 1973. T. 41. S. 298–318.
2. Lenin V.I. Proekt programmy' RKP (b) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. M.: Politizdat. 1969. T. 38. S. 81–124.
3. Religioznoe i antireligioznoe dvizhenie v SSSR i za granicej. M.: Gosizdat, 1929. 223 s.

4. Russkoe studencheskoe xristianskoe dvizhenie. Ustav. Praga. 1923. 15 s.
5. Sbornik dekretov i postanovlenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniju. [M.]: Narkompros, [1919]. 204 s.
6. *E'ristov A.G.* Na Tobol'skom fronte bor'by' s religiej. Antireligiozny'e ocherki i materialy'. Tobol'sk: Obshh-vo izucheniya kraja pri Gosmuzee Tobsevera OkrONO i Soyuzu voinstvuyushhix bezbozhnikov, 1929. 109 s.
7. *Yaroslavskij E.M.* O religii. M.: Gospolitizdat, 1957. 640 s.

N.I. Muzafarova

**Positions of Youth Organizations
in the Conditions of Revolutionary Transformations (1917–1925)**

The article deals with youth social and political movements that arose in the course of revolutionary events. The main attention is paid to youth organizations that came under the influence of radical parties, in particular the komsomol. The views and tactical actions of opposition associations that do not agree with the political regime of soviet power are shown in the article.

Keywords: associations of young people; komsomol; christians; revivalists; alliance of atheists; anti-religious campaigns.

УДК 94(47)"1917/1991"

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.04

Ф.В. Малхозова

Советы как политическое наследие революций¹

Понятие «власть Советов» за свою историю претерпело ряд трансформаций. Первоначально Советы (рабочих, крестьянских, солдатских и т. п.) депутатов представляли собой, скорее, политическую общественную организацию сословного представительства. Затем, после прихода к власти большевиков и ликвидации земств, Советы, унаследовав их структуру и компетенции, трансформировались в органы, призванные решать вопросы местного значения. В последующие десятилетия Советы постепенно стали частью не только государственной, политической, но и общественной структуры, представляя собой организацию непосредственного взаимодействия власти и общества, идеально подходящую для реализации тезиса о народовластии, являвшегося главным идеологическим постулатом СССР.

Ключевые слова: Советы; парламент; местное самоуправление; политический кризис; Верховный Совет; Съезд народных депутатов; советское государство.

В государственном-политическом строе России понятию «Совет» принадлежит выдающаяся роль как идеальной форме, в которой заключено демократическое управление. Принципы устройства крестьянской общины стали основой советского строя, и его идеологи, распространив идеи крестьянского самоуправления на политическую организацию, сделали Совет базовым звеном новой государственности. Органы государственной власти СССР — Советы депутатов трудящихся, от сельского Совета до Верховного Совета, являлись представительными органами народа.

По мнению В.И. Ленина, буржуазная парламентарная республика душист самостоятельную политическую деятельность масс и непосредственное участие в демократическом строительстве государственной жизни. Обратное — Советы рабочих и солдатских депутатов.

В России большевизм впервые столь определенно выступил против парламентаризма, объявляя его, наряду с монархией, наследием «антропофагии и пещерной дикости», «юридическим фетишизмом народной воли», институтом «формальной, репрезентативной демократии», «верой в мистику учреждений». При этом свою задачу большевики усматривали в провоцировании «острого

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Сравнительное изучение Октябрьской революции и распада СССР российскими и китайскими учеными».

кризиса революционного парламентаризма, неразрешимого методами демократии» [10: с. 155–156]. Эти направления кризиса парламентаризма, усиленные неправильной институциональной концепцией демократии, в полной мере проявили себя в России.

Прямая демократия для революционного времени столь же естественна и целесообразна, как представительная власть для мирного времени. В России к тому же «явочная» демократия перекликалась с «соборной» традицией [1: с. 201].

Понятие «власть Советов» за свою историю испытало ряд трансформаций. Советы рабочих, крестьянских, солдатских и др. депутатов первоначально представляли собой скорее сословно-представительную политическую общественную организацию. Затем, после прихода к власти большевиков и ликвидации земств, Советы, унаследовав их структуру и компетенции, трансформировались в органы, призванные решать вопросы местного значения.

Как органы власти, Советы были призваны решать задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни — административной, финансовой, хозяйственной, культурной. В то же время местные Советы становились не только органами государственной власти, но власти классовой — рабочих, крестьян, солдат, батраков, — которая противостояла власти эксплуататоров в лице свергнутого Временного правительства.

Согласно Конституции РСФСР 1918 года Россия объявлялась «Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [3: ст. 1]. Местные Советы получили бюджетные права, возможность обложения налогами и сборами для решения вопросов местного хозяйства. Первая российская Конституция предлагала конструкцию советской власти «Совет — Съезд Советов», устанавливая иерархию уровней Советов, начиная с волостного и выше, вплоть до всероссийского съезда. Низовые Советы состояли из депутатов, избираемых из трудящегося и эксплуатируемого народа сроком на три месяца и созывались один-два раза в неделю [3: ст. 57, 59]. Однако основная функция Советов депутатов, по Конституции 1918 года, — осуществление задач политической организации диктатуры трудящихся.

Период новой экономической политики стал временем наиболее яркого осуществления Советами роли органов местного самоуправления, которые регулировали многие стороны местной жизни. По мнению исследователей, «Советы, опиравшиеся на “классовые”, профессиональные и производственно-локальные (заводские) центры, имели, казалось бы, необходимую точку опоры за пределами малопривычной для народа парламентской системы. Но Советы, несмотря на свой видимый разрыв с прошлым, унаследовали страшный российский порок: тенденцию к соединению демагогии и популизма с бюрократизмом. Этому способствовала также неструктурированность законодательной инициативы исполнительных функций внутри Советов» [1: с. 201].

В 1936 году, когда была принята новая — сталинская — Конституция СССР, понятие «Советы депутатов» стало близко к понятию «органы государственного управления». Важным политическим новшеством 1936 года стало изменение правила формирования Советов, в соответствии с которым производственный принцип был заменен на территориальный. До этого периода Советы формировались путем выбора депутатов от трудовых коллективов, что позволяло им более достоверно представлять свои интересы в органах власти.

По Конституции 1936 года, Советы руководили деятельностью подчиненных им органов управления, местным хозяйственным и культурным развитием, устанавливали местный бюджет. Для текущей работы из числа депутатов Совет избирал исполнительный комитет (исполком), в который входили председатель, его заместители, секретарь, члены комитета. Исполкомы были подотчетны не только избравшим их Советам, но и вышестоящему исполнительному и распорядительному органу.

В отличие от непрофессиональных Советов исполкомы работали как постоянно действующие исполнительно-распорядительные органы, а когда полномочия соответствующих местных Советов заканчивались, исполкомы продолжали работать вплоть до их переизбрания Советами народных депутатов нового созыва. В результате центр тяжести переместился от Советов к исполнительным комитетам, их аппарату и в конечном счете местным партийным органам, которые диктовали проекты решений, а Советы превратились в безвластные органы, штампующие подготовленные для них проекты постановлений.

В течение следующих четырех десятилетий Советы стали не только частью государственной и политической, но и общественной структуры. Деятельность Советов народных депутатов в Советском государстве носила всеобъемлющий характер, она была закреплена соответствующей законодательной и нормативно-правовой базой, которая определяла их статус и полномочия. Советы были органом непосредственного взаимодействия власти и общества и реализовывали главный идеологический постулат СССР о народовластии.

Ярче всего взаимоотношение власти и общества проявлялось в таких сферах взаимодействия населения и Советов, как идеология, институт выборов, взаимоотношения с депутатами, участие населения в органах народного контроля, работе постоянных и временных комиссий Советов, а также различные формы взаимодействия власти и общества — письма, жалобы, обращения граждан, участие в сходах, собраниях, уличных, домовых и прочих комитетах и т. п. [6].

В период, предшествующий принятию Конституции 1977 года, преобразования в деятельности Советов шли в основном в двух направлениях: совершенствование деятельности рабочих органов Советов и привлечение

трудящихся к их работе путем участия в деятельности исполнительных комитетов, постоянных комиссий, сессий. 31 октября 1961 года на XXII съезде была принята третья Программа КПСС, в которой провозглашалось повышение роли Советов и отмечалось, что Советы, «сочетая в себе черты государственной и общественной организации», будут все больше выступать «как общественные организации при широком и непосредственном участии масс в их деятельности» [9: с. 102].

В программе были также намечены следующие направления совершенствования работы Советов:

- развитие демократических принципов избирательной системы;
- при каждом новых выборах в Советы обновление не менее одной трети депутатов, входящих в данный Совет, для прохождения миллионами тружеников школы управления государством;
- широкое и всестороннее обсуждение в печати и на собраниях личных и деловых качеств кандидатов в депутаты Советов;
- регулярная отчетность Советов и их депутатов перед избирателями;
- право избирателей на досрочный отзыв депутатов;
- систематическое обновление состава руководящих органов;
- расширение прав местных Советов депутатов трудящихся (местного самоуправления);
- регулярная отчетность исполнительных органов власти на сессиях Советов;
- расширение участия общественных организаций и объединений в законодательной деятельности Советов [9: с. 102–104].

Конституция 1977 года повысила статус Советов и расширила их полномочия, определив в качестве властного органа, который мог решать все основные вопросы государственной и общественной жизни. Отличительной чертой системы Советов являлось то, что в одном органе объединялись законодательная и исполнительная власти, с наделением контрольных функций. Второй особенностью системы стала всеобъемлющая вертикаль власти, проходящая все ее звенья — от местных Советов, начиная с сельского, до Верховного Совета СССР.

Но, несмотря на закрепленную Конституцией всеохватывающую власть, в условиях фактического подчинения Советов Коммунистической партии, власть их носила во многом декларативный характер. Взаимоотношения Советов и КПСС в период советской власти строились в соответствии с Конституцией, которая выстраивала следующую модель: «Советы составляют политическую основу СССР» [5: ст. 2], а «КПСС является ядром его политической системы, руководящей и направляющей силой» [5: ст. 6]. Данная конституционная формула позволяла КПСС полностью контролировать принятие любых решений в Советах, так как все руководство и состав Советов подчинялось ему по партийной линии.

Конституция СССР четко закрепила положение о том, что «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза» [Там же]. Поэтому, несмотря на прописанные нормы Конституций 1936 и 1977 годов, Верховный Совет СССР в реальности не являлся высшим органом власти в стране, а данные положения оставались украшением Основного Закона.

Во второй половине 1980-х годов в СССР начались коренные перемены в общественной и политической жизни страны. Одним из требований реформаторов, выступавших на выборах народных депутатов 1989–1990 годов, был призыв к возрождению Советов как представительных органов власти в государстве.

28 июня 1988 года начала работу XIX Всесоюзная партийная конференция. Главной ее темой стало обсуждение путей реформирования советской политической системы. В своем выступлении Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев призывал осуществить реформу политической системы и «восстановить полновластие Советов». На конференции была предложена реформа центральных органов власти.

В октябре 1989 года Верховный Совет РСФСР принял Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона РСФСР в Российской Федерации)», в соответствии с которым создавался Съезд народных депутатов РСФСР и были проведены выборы народных депутатов РСФСР (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303, 1305).

Первый Съезд народных депутатов РСФСР начал свою работу в мае 1990 года, на съезде был избран Верховный Совет, который должен был работать на постоянной основе.

К этому времени уже стало очевидно, что без кардинального обновления действующей Конституции РСФСР 1978 года, без ее замены не обойтись. Политическая обстановка в стране изменилась, из Конституции СССР было исключено положение о руководящей и направляющей роли КПСС, концепция развитого социализма уже была неприемлема, существенные изменения коснулись также социально-экономической жизни страны.

Решение о подготовке новой Конституции было принято на Первом съезде народных депутатов РСФСР в 1990 году, для этой цели была создана Конституционная комиссия под председательством О.Г. Румянцева как постоянно действующий орган Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации.

К октябрю 1990 года был подготовлен первый вариант проекта, который был деидеологизирован и носил резкий антикоммунистический характер. В проекте Конституции прописывалось четкое разделение ветвей власти, но оставалось неясным, какая роль отводится в этом случае Советам, которые совмещают в себе законодательную и элементы исполнительной власти. Такая

Конституция противоречила популярному во время избирательных кампаний 1989–1990 годов лозунгу «Вся власть Советам!».

После распада СССР в 1992–1993 годах важным фактором политического развития в России стала конфронтация высших институтов государственной власти — Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, с одной стороны, и Президента Российской Федерации и Правительства — с другой. Неразделенность функций законодательной и исполнительной власти, которые сохранялись до последних дней истории Советов, явились основой для конституционно-политического кризиса в России. С распадом СССР и возникновением Российской Федерации характер взаимоотношений между ветвями государственной власти не изменился, отсутствие четкого разграничения полномочий вызывало острую борьбу. Противостояние двух центров власти, Президента и Верховного Совета, имело принципиальное значение: здесь сталкивались две концепции политических преобразований, модели организации власти и способы проведения реформ.

К лету 1993 года были подготовлены два проекта Основного закона: парламентский, разработанный Конституционной комиссией Верховного Совета и так называемый президентский, подготовленный Конституционным совещанием. Предложенные в этих двух проектах модели разделения властей были чрезвычайно ассиметричны. Любой из этих проектов мог быть принят только вопреки противоположной стороне, так как стороны отказывались идти на компромисс.

Первый шаг к тому, чтобы разрубить этот узел, сделал президент Б.Н. Ельцин, который 21 сентября 1993 года обнародовал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Данным указом законодательные, распорядительные, контрольные функции съезда народных депутатов и Верховного Совета прекращались. Съезд распускался, вместо него создавался новый двухпалатный парламент — Федеральное собрание Российской Федерации, до избрания которого надлежало руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации (Российская газета. 1993. 23 сентября: с. 1).

Через несколько часов после телеобращения Ельцина и оглашения данного указа ровно в полночь, началась чрезвычайная сессия Верховного Совета РФ, которая постановила считать полномочия Президента Б.Н. Ельцина прекращенными с момента подписания Указа № 1400 на основании статьи 121.6 Конституции (Проекты Постановлений Президиума Верховного Совета РФ «О немедленном прекращении полномочий Президента РФ Б.Н. Ельцина» и «О проекте Постановления Верховного Совета РФ “О порядке применений статьи 11 Закона РФ “О статусе столицы РФ”» // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 36. Л. 1). Большинство народных депутатов России отказались подчиниться указу Президента и начали съезжаться на внеочередной X съезд народных депутатов. Здание Дома Советов, в котором заседали народные депутаты, было окружено

милицией, военными и оцеплено колючей проволокой, внутри было отключено энерго- и водоснабжение.

В сложившейся ситуации с посреднической инициативой выступил патриарх Алексей II. Многие общественные объединения, Советы народных депутатов и руководители субъектов Федерации предложили немедленно начать переговоры.

К сожалению, переговоры противоборствующих сторон, которые продолжались вплоть до захвата мэрии 3 октября, не привели к мирному исходу. В октябре 1993 года завершился очередной важный этап российской истории. С точки зрения этой характеристики залпы по Белому дому воспринимались весьма символично.

Местные Советы, копировавшие действия Верховного Совета России, также оказались пострадавшей в результате событий 3–4 октября 1993 года стороной.

9 октября 1993 года Президент издал указ «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» (Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3924), в соответствии с которым деятельность Советов всех уровней была прекращена.

Литература

1. Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1996. С. 179–205.
2. Еремян В.В., Федоров М.В. Местное самоуправление в России XII–XX вв. М.: РУДН, 1999. 295 с.
3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 12.05.2018).
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 01.07.2018).
5. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 12.05.2018).
6. Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977–1993 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 456 с.
7. Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–28.

8. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Т. 2. М.: Русь-Олимп; АСТ-Астрель, 2007. 554 с.
9. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.
10. *Троцкий Л.Д.* История Русской революции. Т. 1. М.: ТЕРРА; Республика. 1997. 336 с.
11. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. 2-е изд. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 815 с.

Literatura

1. *Buldakov V.P.* Istoriograficheskie metamorfozy' «Krasnogo oktyabrya» // Istorieskie issledovaniya v Rossii: tendencii poslednix let / pod red. G.A. Bordyugova. M.: AIRO-XX, 1996. S. 179–205.
2. *Eremyan V.V., Fedorov M.V.* Mestnoe samoupravlenie v Rossii XII–XX vv. M.: RUDN, 1999. 295 s.
3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim S''ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) // Sajt Konstitucii Rossijskoj Federacii. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (data obrashheniya: 12.05.2018).
4. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (utverzhdena postanovleniem Chrezvy'chajnogo VIII S''ezda Sovetov Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik ot 5 dekabrya 1936 g.) // Sajt Konstitucii Rossijskoj Federacii. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (data obrashheniya: 01.07.2018).
5. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozy'va 7 oktyabrya 1977 g.) // Sajt Konstitucii Rossijskoj Federacii. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (data obrashheniya: 12.05.2018).
6. *Matveev M.N.* Vlast' i obshhestvo v sisteme Sovetov narodny'x deputatov v 1977–1993 gg. Samara: Izd-vo «Samariskij universitet», 2005. 456 s.
7. *Medushevskij A.N.* Prichiny' krusheniya demokraticheskoj respubliki v Rossii 1917 goda // Otechestvennaya istoriya. 2007. № 6. S. 3–28.
8. *Pixoya R.G.* Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoj strany'. T. 2. М.: Рус'-Олимп; АСТ-Астрель, 2007. 554 с.
9. Programma Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza. М.: Gospolizdat, 1961. 144 с.
10. *Troczkij L.D.* Istoriya Russkoj revolyucii. Т. 1. М.: TERRA; Respublika. 1997. 336 с.
11. Е'поха Ел'цина. Очерки политической истории. 2-е изд. М.: Президентовский центр В.Н. Ел'цина, 2011. 815 с.

F.V. Malkhozova

Councils as the Political Heritage of the Revolution

In the state-political system of Russia, the notion «Council» has an important role, as an ideal form, in which democratic governance is concluded. The concept of Soviet power had several transformations in its history. Initially, the Soviets (workers, peasants, soldiers, etc.) of the deputies were a class political general organization. After the Bolsheviks came to power, the Soviets were transformed into local self-government. In the decades that followed, the Soviets gradually became a factor not only of the state, political, but also of the social structure, and constituted an organization of direct interaction between state power and society, ideally suited for implementing the thesis about the power of the people, which was the main ideological postulate of the USSR.

Keywords: Councils; parliament; local government; political crisis; supreme council; congress of people's Deputies; soviet state.

УДК 94 (571.54)

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.05

Н.С. Байкалов,**А.Л. Тихонов**

Строительный комплекс позднесоветской Бурятии: проблемы, достижения, перспективы (на материалах районов БАМа)¹

На формирование строительного комплекса Бурятии в позднесоветский период определяющее влияние оказало строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, охватившей ряд малоосвоенных северных районов республики. Первоначально республиканская база стройиндустрии не могла удовлетворить потребности стройки в стройматериалах. Проектировщики и руководство строительства делали акцент на организации поставок необходимой БАМу продукции из других регионов страны, что вело к удорожанию себестоимости строящихся объектов, затягиванию строительства, постоянному росту строительного брака и увеличению объема ремонтных работ. Выход был найден в форсированном возведении местных предприятий стройиндустрии, что позволило к середине 1980-х годов обеспечить поставками большинство строящихся объектов. Сооружение БАМа привело к складыванию крупного индустриального кластера на севере Бурятии, значительно ускорив развитие строительного комплекса региона в целом.

Ключевые слова: позднесоветская модернизация; комсомольские стройки; железнодорожный транспорт; региональные строительные комплексы; базы стройиндустрии; жилищное строительство.

Во второй половине XX века правительство Бурятской АССР решало масштабные задачи завершения модернизации региона. Массовое жилищное строительство и возведение новых промышленных объектов превратило строительную индустрию в ключевой сектор производства, что привело к укрупнению и централизации строительных предприятий. Организация строительного производства в сибирских регионах характеризовалась рядом особенностей, среди которых исследователи выделяют экстремальные природно-климатические условия и трудности проектно-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-49-030010р_а «Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурятии: от модернизационного проекта развитого социализма к постсоветской (ре)индустриализации», и Бурятского государственного университета, проект № 18-03-0502 «Повседневная жизнь молодых индустриальных городов Сибири: опыт БАМа (1970–1990-е гг.)».

изыскательной деятельности, размещение баз стройиндустрии на малонаселенных и слабоосвоенных территориях, потребности в развитии различных типов строительных баз и др. [12: с. 87].

Одним из наиболее серьезных испытаний строительного комплекса Бурятии стал грандиозный проект освоения северных районов, инициированный сооружением Байкало-Амурской магистрали (БАМ), в период с 1974 по 1989 год. Всесоюзная комсомольская стройка вовлекла в орбиту влияния, прежде всего, малонаселенные Северо-Байкальский и Баунтовский (с 1990 года — Муйский) районы, которые из-за своей отдаленности и транспортной недоступности были оторваны от основных производственных мощностей и сырьевых баз региона.

В структуре строительного сектора республики предприятия БАМа играли важную роль, что выражалось в общих объемах подрядных работ, численности работников и количестве строительного-монтажных организаций (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели развития строительного комплекса²

	1970	1980	1990
Объем подрядных работ, выполненных собственными силами строительного-монтажных организаций (млн руб.)	106,4	269,2	452,5
Численность работников в строительных организациях (тыс. человек)	22,2	39,8	46,0
Число строительного-монтажных организаций	58	125	186

Строительство БАМа способствовало росту числа строительных предприятий в Бурятии. Накануне начала реализации масштабного проекта в республике насчитывалось 30 первичных строительного-монтажных организаций с объемом работ в 64,4 млн руб. [8: с. 97]. Новые строительные производства размещались главным образом на территориях вдоль будущей магистрали.

Генеральным подрядчиком бурятского участка стройки являлся трест «Нижеангарсктрансстрой», который был создан приказом Минтрансстроя СССР № 217 в ноябре 1974 года. В состав предприятия был передан строительного-монтажный поезд (СМП) № 572 треста «Востсибтрансстрой» Главжелдорстроя Урала и Сибири [9: с. 2]. Первоначально трест располагался в райцентре Северо-Байкальского района, поселке Нижнеангарске, но вскоре перебазировался в будущую «столицу» бурятского участка магистрали, основной перевалочный пункт и центр снабжения стройки — поселок Северобайкальск (с 1981 г. — город). В разгар строительства БАМа общее количество работников треста достигало девяти тыс. человек (Архивный отдел администрации МО «Город Северобайкальск». Ф. 15. Оп. 1. Д. 262. Л. 8). «Нижеангарсктрансстрой» объединял 18 специализированных строительных и транспортных подразделений, включая 12 строительного-монтажных поездов,

² Составлено по: Республика Бурятия — 75 лет: стат. сб. Улан-Удэ, 1998. С. 246.

автобазу, управление механизации, управление производственно-технической комплектации и т. д. Среди основных задач, стоящих перед трестом, были укладка главного пути протяженностью более 600 км, рубка просек под земполотно, строительство автодороги и ЛЭП-220, обустройство базовых поселков строителей, возведение временного и постоянного жилья, объектов железнодорожного и социально-бытового назначения, организация собственных баз стройиндустрии и т. д.

Другим строительным гигантом республики являлось управление строительства (УС) «БАМтоннельстрой», выделившееся из Главтоннельмостростроя в январе 1975 года в соответствии с приказом Минтрансстроя № 12 (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1880. Оп. 1. Д. 46. Л. 1). Местом постоянной дислокации предприятия был выбран Нижнеангарск, поскольку шесть из восьми тоннелей БАМа, включая самый протяженный в России — Северомуйский, располагаются на территории республики. К середине 1980-х годов организация являлась одной из крупнейших на БАМе, численность работников превышала семь тыс. человек (ГАРБ. Ф. Р-1880 Оп. 1. Д. 467. Л. 10). В составе управления находилось восемь тоннельных отрядов, две автобазы, управление механизации, управление производственно-технологической комплектации и другие подразделения, необходимые для тоннелестроения [10: с. 313–318].

Отсыпкой земляного полотна под железную дорогу, прокладкой автомобильных дорог, подъездных путей, разработкой карьеров занимались подразделения треста «ЗапБАМстроймеханизация», образованного в ноябре 1974 года в городе Усть-Куте. На бурятском участке БАМа из 11 механизированных колонн (МК) треста работало семь, общей численностью более двух тыс. человек, в том числе МК-137 в Северобайкальске, МК-142 в Нижнеангарске, МК-138 и 161 в Новом Уояне, МК-136 и 163 в Таксимо и т. д. [7: с. 279–280].

Для сооружения мостов, водопропускных труб и прочих искусственных сооружений в составе Главмостростроя в октябре 1974 года был сформирован трест «Мостострой-9», объединявший 11 мостотрядов (МО) и более пяти тыс. работников. На севере Бурятии располагались три коллектива мостостроителей: МО-52 в Северобайкальске (основные объекты — 839-километровый виадук на обходном пути через Северомуйский тоннель, мосты через реки Тью и Гоуджекит), МО-53 в Новом Уояне (мост через Верхнюю Ангару), МО-97 в Таксимо (автомобильный и железнодорожный мосты через Витим) [7: с. 309–311].

Строительство постоянных поселков и железнодорожных станций осуществлялось в форме шефской помощи 13 союзных республик и 22 автономных административных единиц РСФСР, включая Москву и Ленинград [5: с. 49]. В обязанности шефских организаций входили планирование, финансирование и осуществление строительного-монтажных работ, обеспечение стройки рабочей силой и необходимыми строительными материалами. В Бурятской АССР

шефами курировалось возведение следующих населенных пунктов: Северобайкальск (Ленинград), Кичера (Эстонская ССР), Ангоя (Азербайджанская ССР), Новый Уоян (Литовская ССР), Янчукан (Армянская ССР), Таксимо (Латвийская и Белорусская ССР).

Самым крупным объектом шефского строительства был город Северобайкальск. Коллектив ленинградских строителей, организованный первоначально в трест (1975), а затем в передвижную механизированную колонну (ПМК) «ЛенинградБАМстрой» (1976), насчитывал более тысячи человек. За период с 1975 по 1990 год силами ПМК было введено в эксплуатацию 30 крупнопанельных жилых домов 122-й серии, 21 жилой дом со встроенными помещениями социально-бытового и культурного назначения, две общеобразовательные школы, четыре дошкольных учреждения, железнодорожный и автомобильный вокзалы и ряд других важных объектов [13: с. 222].

Связи между центральными и северными районами республики традиционно были слабыми. Например, еще в 1950-е годы начинается разработка асбестового месторождения в Баунтовском районе. Однако из-за удаленности от основных транспортных магистралей доставка асбеста на предприятия Бурятии не производилась, продукция поступала в соседнюю Читинскую область (РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 19. Д. 234. Л. 17–22). Два десятилетия спустя ситуация не изменилась, и все материалы для нужд стройки завозились на бурятский участок из других регионов страны. В условиях неразвитости транспортной системы районов БАМа организация поставок грузов была сопряжена с рядом непреодолимых трудностей, особенно в первые годы строительства. На месте производилось и перерабатывалось лишь до 90 тыс. куб. м круглого леса в год, 5–6 тыс. куб. м сырого торфяного утеплителя, 70 тыс. куб. м строительного песка, что не соответствовало потребностям строительства [5: с. 57]. В результате строительные предприятия регулярно не выполняли планы по сооружению объектов производственной и социальной инфраструктуры. По отдельным трестам объемы освоенных средств составляли 30–40 % в год [1: с. 24–27].

Из протоколов сессий районных советов депутатов, партийных собраний и производственных совещаний предприятий можно увидеть, что вопрос о создании местной базы стройиндустрии не сходил с повестки.

Наиболее оперативно собственная база стройиндустрии была организована в «БАМтоннельстрое», что было связано с потребностями тоннельщиков в бетоне и железобетонных конструкциях. При каждом тоннельном отряде создавался свой бетонорастворный завод или узел, механический цех, обслуживающий технику и изготавливающий арматуру и другие металлические детали, а также пилорама и столярные мастерские.

Своя строительная промышленность сформировалась в ПМК «ЛенинградБАМстрой». Поскольку осуществлявшаяся из Ленинграда доставка стеновых панелей и прочих комплектующих строящихся зданий была дорогостоящей, в 1976 году в Северобайкальске были построены цех железобетонных

изделий, арматурный цех, пилорама, механические мастерские, камнедробилка и песочный карьер. Это позволило строителям ПМК уже к концу 1979 года сдать в эксплуатацию первый крупнопанельный многоэтажный жилой дом.

Внутренняя база стройиндустрии «Нижнеангарсктрансстроя» сформировалась с большим опозданием только к середине 1980-х годов, что было связано с длительными бюрократическими процедурами согласования проектной документации, межведомственной разобщенностью, перебоями в финансировании, а также чрезвычайной загруженностью генподрядного треста. Во второй половине 1970-х годов Северобайкальское отделение специального конструкторско-технологического бюро Главбурятстроя приступило к разработке проектно-сметной документации ряда объектов строительной индустрии. Одной из первых в конце 1970-х годов была создана строительная база при СМП-575, в составе которой находились бетоносмесительная установка, полигон железобетонных изделий мощностью в десять тыс. куб. м товарного бетона в год, а также столярный цех по производству оконных и дверных блоков, переплетов, рам, обрезной доски и других материалов. В 1980 году была построена и введена в эксплуатацию производственная база в СМП-581. В 1982–1984 годы свое производство стройматериалов было организовано при СМП-708. В него вошли асфальтобетонный завод мощностью 60 тыс. тонн и бетонорастворный узел по производству 40 тыс. куб. м бетона в год [5: с. 57].

Большинство существовавших производственных баз были не в состоянии удовлетворить потребности расширяющегося строительства. Их проектирование и сооружение производилось силами самих подразделений по графе «временные здания и сооружения», что определило относительно низкий технический уровень работ и отсутствие постоянной программы объема выпускаемой продукции. Чаще всего такие базы представляли собой небольшие хозяйства в местах дислокации строительных подразделений.

Главной базой стройиндустрии на севере Бурятии был призван стать Уоянский комбинат производственных предприятий (КПП). В 1978 году было принято решение о строительстве КПП в поселке Новый Уоян. В составе комбината предусматривались цеха по производству железобетонных изделий мощностью 22 тыс. куб. м, по производству арболитовых стеновых панелей мощностью 7 тыс. куб. м, по деревообработке и столярному делу [Там же]. Строительство КПП осуществлялось по проекту «Иркутскгипротранса» силами СМП-572 в течение семи лет — с 1979 по 1986 год. Главной причиной, тормозившей выход комбината на проектную мощность, был недостаток древесины, которая поступала от лесозаготовительных организаций республики нерегулярно.

Недостаток строительных материалов частично компенсировался республиканскими предприятиями, расположенными вне зоны сооружения магистрали. Улан-Удэнский завод металлических мостовых конструкций (ЗММК), Локомотивовагоноремонтный завод (ЛВРЗ), Улан-Удэнский судостроительный

завод, Тимлюйский цементный и шиферный заводы, Таловский завод железобетонных изделий, объединение «Забайкаллес» работали под девизом «Заказам БАМа — зеленую улицу».

До появления железной дороги единственным транспортным путем для поставки грузов на север Бурятии был морской: из порта Култук по озеру Байкал в порт Курлы (Северобайкальск). Специально для этих целей судостроительным заводом г. Улан-Удэ были изготовлены катера и баржи [3: с. 105].

В 1973 году для будущей стройки был построен ЗММК. Мощность предприятия составила 60 тыс. тонн металлоконструкций в год. Первоначально заводу не удавалось справиться с основными технико-экономическими заданиями и номенклатурой выпускаемой продукции. Тем не менее наблюдался ежегодный прирост объемов производства, о чем свидетельствуют статистические данные [12: с. 56]. По оценкам специалистов, более двух третей мостов бурятского участка БАМа было изготовлено на данном заводе [6: с. 278].

Тимлюйский цементный завод поставлял свою продукцию для большинства строительных объектов зоны БАМа. В частности, Байкальский, Северо-Муйский и Мысовые тоннели выстроены с использованием тимлюйского цемента. Продукция завода также использовалась в строительстве жилья в бамовских поселках.

На удовлетворение потребностей БАМа был ориентирован Таловский завод железобетонных изделий, первая очередь которого была запущена еще в 1958 году в поселке Таловка Бурятской АССР. В разгар строительства магистрали завод сумел выйти на проектную мощность, выпуская ежегодно от 40 до 60 тыс. куб. м железобетона. Например, в 1983 году завод направил на стройку 38 тыс. железобетонных конструкций из произведенных 62 тыс. куб. м (ГАРБ. Р-248. Оп. 20. Д. 3404. Л. 1). Специально для БАМа на предприятии был освоен выпуск высококачественных пустотелых железобетонных опор для контактной сети [3: с. 106].

В целях обеспечения строительства лесом и пиломатериалами Бурятский обком КПСС в октябре 1974 года обратился с просьбой в Минтрансстрой СССР. В результате были определены лимиты на использование бамовцами лесных массивов из леспромхозов комбината «Забайкаллес» Баргузинского и Курумканского районов Бурятской АССР [11: с. 615].

Несмотря на значительные сдвиги в развитии стройиндустрии, сохранялись серьезные проблемы в области снабжения, проектировки и качества строительных работ (ГАРБ. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 467. Л. 19–20). Архитектурная документация большинства городских населенных пунктов не соответствовала принятым нормам. В планах развития поселений отсутствовали проекты инженерного оборудования — центральных сетей канализации, водоснабжения, тепловых сетей. Например, только в 1979 году генпроектировщик Сибгипротранс задержал проектно-сметную документацию по стационарным поселкам Северо-Байкальского района объемом в 12 млн руб. (ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 12. Д. 2. Л. 226).

Строительство без необходимых технических изысканий и документации приводило и к более серьезным последствиям. Например, узловую железнодорожную станцию со сменой электровозной тяги на тепловозную планировалось разместить в поселке Муякан Баунтовского района Бурятии. Однако после разрушения первых построенных в Муякане зданий, вызванного непригодностью местного грунта, проект был перенесен в поселок Таксимо, где осуществлялся без необходимой проектно-изыскательной документации [2: с. 52].

Качество строительных работ было низким, на что постоянно обращали внимание народные контролеры, журналисты, представители профсоюзных организаций. Много нареканий по качеству вызывали капитальные жилые дома и общественные здания в Новом Уояне, построенные СМП «ЛитваБАМстрой». Выявленные на данных объектах нарушения стали основанием для возбуждения уголовного дела и объявления во всесоюзный розыск руководства предприятия [7: с. 138–139]. Заместитель руководителя группы оперативного контроля по БАМу Госстроя РСФСР А. Тавкин отмечал, что практически все шефские коллективы строили капитальные объекты без надлежащего контроля, допуская приписки и брак.

Тем не менее темпы строительства жилья в районах БАМа возрастали, что было вызвано внедрением коллективного подряда, переходом строительных предприятий на хозрасчет. Принятие Комплексной программы развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. стимулировало рост жилищного и гражданского строительства. По результатам 1988 года строительными подразделениями БАМа обеспечили прибыль более 90 млн руб., сдав в эксплуатацию 205 тыс. кв. м жилья.

Северобайкальский, Муйский и Баунтовские районы во второй половине 1980-х годов достигли своих максимальных объемов по вводу в действие жилых домов (табл. 2.)

Таблица 2

**Ввод в действие жилых домов по северным районам Бурятии,
тыс. кв. м общей площади³**

Район	1976–1980	1981–1985	1986–1990	1991–1995
Северо-Байкальский (включая Северобайкальск)	37,9	131,7	253,4	119,1
Баунтовский	24,4	27,4	69,4	24,0
Муйский	–	–	45,1	20,6
Всего по Бурятии	1646,7	1826,0	2590,0	1350,2

Как видно из таблицы 2, в период интенсивного строительства БАМа северные районы смогли значительно увеличить свою долю в общереспубликанских показателях. Во второй половине 1980-х годов Северо-Байкальский

³ Составлено по: Республика Бурятия — 75 лет: стат. сб. Улан-Удэ, 1998. С. 249.

район занял второе место в республике, уступив только столице Бурятии, городу Улан-Удэ.

Таким образом, строительство БАМа позволило существенно изменить количественную и качественную структуру строительного комплекса Бурятии. За короткий период в северных районах республики были развернуты крупные строительные предприятия и тресты, располагавшие многотысячным коллективами транспортных строителей. Работа на неосвоенных территориях заставляла строителей не только строить железную дорогу, но и с нуля создавать объекты социальной сферы, а также самостоятельно искать способы снабжения стройки необходимыми материалами. Такое распыление средств и ресурсов не могло не сказаться на объемах и качестве возводимых объектов. Республиканский строительный комплекс оказался не готов обеспечить стройку необходимой продукцией, что было связано с незначительными объемами производства и неразвитостью транспортной инфраструктуры. Однако к середине 1980-х годов местное производство стройматериалов сумело выйти на планируемые мощности, обеспечив поставками большинство объектов БАМа. Сооружение магистрали стало катализатором развития строительного комплекса в Бурятии в целом, а также способствовало появлению крупного индустриального кластера на севере региона.

Литература

1. Байкалов Н.С. Жилищное строительство в поселках бурятского участка БАМа: проблемы и решения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 2. С. 24–27.
2. Байкалов Н.С. Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМа (1974–1989 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. 198 с.
3. БАМ — дорога нашей судьбы: вчера и сегодня. Ч. 1. Северобайкальский регион Восточно-Сибирской железной дороги / авт.-сост. А.И. Белозеров. Новосибирск: Изд-во Сибирского государственного университета путей сообщения, 2012. 508 с.
4. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И.В. Гордиенко. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 217 с.
5. БАМ продолжается / сост. Г.Л. Санжиев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. 222 с.
6. История Бурятии: в 3-х т. / отв. ред. Б.В. Базаров. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.
7. Кривой А.С. БАМ от А до Я. Иркутск: Вост.-Сиб. издательская компания, 2004. 368 с.
8. Народное хозяйство Бурятской АССР. 1923–1983: юбил. стат. сб. Улан-Удэ: Статуправление Бурятской АССР, 1983. 146 с.
9. По рельсам времени приходят поезда / ред.-сост. В.В. Островский. Иркутск: Иркутский дом печати, 2001. 480 с.

10. Сквозь горы, сквозь годы. К 25-летию «БАМтоннельстрой» / ред.-сост. В.В. Островский. Иркутск: Иркутский дом печати, 1999. 320 с.
11. Собрание действующего законодательства Бурятской АССР. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 628 с.
12. *Тищенко О.В.* Особенности освоения и наращивания производственных мощностей строительного комплекса Иркутской области в 1950–1980 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. № 2. С. 87–92.
13. Трасса мужества. Бурятский участок БАМа / ред.-сост. П.Л. Натаев. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 271 с.

Literatura

1. *Bajkalov N.S.* Zhilishhnoe stroitel'stvo v poselkax buryatskogo uchastka BAMA: problemy' i resheniya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2011. № 8. Ch. 2. S. 24–27.
2. *Bajkalov N.S.* Formirovanie social'noj infrastruktury' poselenij Buryatskogo uchastka BAMA (1974–1989 gg.). Ulan-Ude': Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2007. 198 s.
3. БАМ — дорога нашей судьбы: вчера и сегодня. Ч. 1. Северобайкальский регион Восточно-Сибирской железной дороги / авт.-сост. А.И. Белоzerov. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshheniya, 2012. 508 s.
4. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. I.V. Gordienko. Ulan-Ude': BNCz SO RAN, 1999. 217 s.
5. БАМ продолжается / сост. G.L. Sanzhiev. Ulan-Ude': Buryat. kn. izd-vo, 1987. 222 s.
6. История Бурятии: в 3-х т. / отв. ред. B.V. Bazarov. Т. 3: XX–XXI vv. Ulan-Ude': BNCz SO RAN, 2011. 464 s.
7. *Krivoj A.S.* БАМ от А до Я. Irkutsk: Vost.-Sib. izdatel'skaya kompaniya, 2004. 368 s.
8. Народное хозяйство Бурятской АССР. 1923–1983: yubil. stat. sb. Ulan-Ude': Statupravlenie Buryatskoj ASSR, 1983. 146 s.
9. По рельсам времени приедет поезд / ред.-сост. V.V. Ostrovskij. Irkutsk: Irkutskij dom pečhati, 2001. 480 s.
10. Сквозь горы, сквозь годы. К 25-летию «БАМтоннельстрой» / ред.-сост. V.V. Ostrovskij. Irkutsk: Irkutskij dom pečhati, 1999. 320 s.
11. Собрание действующего законодательства Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. Т. 1. 628 с.
12. *Tishhenko O.V.* Особенности освоения и наращивания производственных мощностей строительного комплекса Иркутской области в 1950–1980 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. № 2. С. 87–92.
13. Трасса мужества. Бурятский участок БАМа / ред.-сост. P.L. Nataev. Ulan-Ude': Resp. tip., 2005. 271 s.

*N.S. Baikalov,
A.L. Tikhonov*

**The Building Sector of the Late-Soviet Buryatia: Problems, Achievements, Prospects
(on the Materials of the BAM Regions)**

The construction sector of Buryatia during the late Soviet period was decisively influenced by the Baikal-Amur railway project. The mainline covered a number of underdeveloped northern areas of the republic. In the early stage the building industry of Buryatia did not satisfy the railway construction demands. Designers and managers tried to organize construction supply of BAM from other regions of the country. It caused a rise in the cost of project, delay in construction, the continuous growth of defective production and a volume of repair work. The decision was found in the rapid formation of local construction industry enterprises, which produced the main kinds of necessary building materials. There was formed a large industrial cluster in the north of Buryatia during the construction of the BAM, which accelerated the development of the whole construction sector of the region.

Keywords: late-Soviet modernization; komsomol construction sites; railway transport; regional building sectors; the construction industry centers; housing construction.

УДК 94(470)"1992/..."

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.06

Е.А. Омельченко

Проблема интеграции международных мигрантов в новейшей истории России

В последние 25 лет Россия активно включена в глобальные миграционные процессы. Многие иммигранты слабо владеют русским языком, не знакомы с российской историей и культурой, не адаптированы к укладу жизни россиян. Нормативная база для деятельности в сфере адаптации и интеграции сформирована, но системная работа пока не ведется. Автор анализирует причины этой ситуации в историческом контексте и обосновывает важность интеграции международных мигрантов на современном этапе развития российского государства.

Ключевые слова: международная миграция; языковая и социокультурная адаптация; межкультурное взаимодействие; интеграция средствами образования.

Миграционные процессы, происходившие в течение трех последних десятилетий, затронули многие стороны общественно-политической жизни России. Играя три принципиально различные роли в миграционной цепочке, Российская Федерация занимает уникальное место на постсоветском пространстве. Она является одновременно и страной, принимающей иммигрантов, и страной эмиграции (преимущественно в страны дальнего зарубежья), и страной транзита для тех, кто пытается попасть в европейские страны. Каждая из этих ролей имеет как свои положительные, так и отрицательные стороны [8: с. 365].

В течение 1990-х годов в Россию въехало более 5 миллионов иммигрантов, из которых 3,3 миллиона составляли русские. Это официальная статистика, но, по мнению многих экспертов, реальная цифра была как минимум в два раза выше [10: с. 60, 168]. При этом миграционный приток русских из стран ближнего зарубежья не покрывал их естественной убыли в Российской Федерации.

С 2000 по 2010 год численность иностранных граждан, легально осуществляющих трудовую деятельность в России, возросла с 213 300 человек до 1 640 800 человек [19: с. 302]. Среди иммигрантов первого десятилетия XXI века уже преобладали выходцы из сельской местности, плохо знающие российскую культуру и русский язык. Динамично росла доля приезжих из Средней и Центральной Азии (с 6,3 % в 2000 году до 54,8 % в 2010 году) [19: с. 302]. В 2015 году подавляющее большинство (82 %) мигрантов, въезжающих в Россию, были выходцами из стран СНГ. Почти треть из них составляла молодежь в возрасте от 18 до 29 лет (36 %).

Современные специалисты в области демографии и народонаселения практически единодушны во мнении, что иммиграция — один из основных источников восполнения населения Российской Федерации. Различные сценарии демографического развития России (без учета иммиграции) предполагают, что к 2050 году общая демографическая нагрузка увеличится в 1,5–1,9 раза: если сейчас на 1000 человек трудоспособного возраста приходится примерно 680 иждивенцев, то к 2050 году этот показатель будет составлять 1000–1300 человек на 1000 людей трудоспособного возраста [5: с. 131]. При современном уровне рождаемости и смертности естественный прирост, ставший в 2009–2013 годах положительным, может остаться таковым только на непродолжительное время и на уровне, близком к нулю. Причина в том, что перспективы изменения численности населения в России обусловлены долгосрочными трендами, наметившимися еще со времен Второй мировой войны [13: с. 6–7]. И общий демографический тренд таков, что, несмотря на повышение рождаемости и снижение смертности в последние годы, еще на протяжении нескольких десятилетий численность населения России (особенно находящегося в трудоспособном возрасте) будет зависеть в основном от миграционного прироста. Иммиграция на ближайшие десятилетия остается важнейшим источником компенсации сокращения трудовых ресурсов, обеспечения потенциала экономического развития, сохранения стабильности в отдельных регионах [15: с. 8].

В некоторых сопредельных России государствах, являющихся основными поставщиками рабочей силы для российского рынка труда, роль русского языка и качество образования на русском языке продолжает снижаться. К нам приезжает все больше молодых людей, получавших школьное образование в условиях сокращения количества часов, отведенных на изучение русского языка, отсутствия должного методического сопровождения, современных учебных пособий и возможностей для повышения квалификации педагогов-русистов. Немаловажным является также фактор непопулярности русского языка в политических системах государств, приобретших независимость в 90-е годы двадцатого столетия. Такое отношение к русскому языку, зафиксированное в законодательстве сопредельных России государств, в некоторой степени является следствием общего отношения к российской политике и России, а не к гражданам своих стран. В целом во многих государствах постсоветского пространства сохраняется противоречие между уровнем владения русским языком и возможностью получать образование на русском языке [16: с. 122].

В первые годы после распада Советского Союза близость образа жизни и социализация в условиях единой советской культуры способствовали быстрым процессам адаптации иммигрантов в принимающую среду, хотя в некоторых случаях наблюдались и конфликтные ситуации. Например, далеко не все общины молокан и духоборов, иммигрировавших из Закавказья, смогли быстро адаптироваться на новых местах жительства в центральных областях России, и причиной этого, в частности, было определенное сопротивление

и неприятие их местным населением, несмотря на языковую и культурную близость. Но постепенно все больше среди иммигрантов становилось молодых людей из бывших советских республик, которые родились уже в постсоветский период и значительно хуже, чем их родители, знали русский язык. Это, наряду с их принадлежностью к «видимым меньшинствам», стало определенным раздражающим фактором для части российского общества и спровоцировало рост ксенофобных настроений [11: с. 694].

Анализ источников и литературы вкупе с многолетними наблюдениями автора свидетельствуют о том, что на протяжении всех лет, прошедших со времени распада Советского Союза, отношение к иммигрантам менялось в худшую сторону. При этом в районах с преимущественно русским населением оно было хуже, чем в более многонациональных республиках России. Так, по данным исследования Института социологии РАН «20 лет реформ глазами россиян» в 2011 году 68 % откровенно признались, что «испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей» [3: с. 796]. Проблема мигрантов стала одной из центральных в период перевыборов в Государственную думу в конце 2011 года и на выборах президента РФ в начале 2012 года.

По данным опроса осени 2014 года под руководством Л.М. Дробизевой, открыто о неготовности к трудовому и бытовому общению с людьми иной национальности заявляли от 7 до 19 % опрошенных [2: с. 84]. Например, работать под началом руководителя иной национальности были согласны чуть более половины русских москвичей, иметь друга другой национальности — 62 %, к смешанным бракам готовы — не более 37 %. Цифры не вызывают энтузиазма, но нужно учитывать, что выявленное скрытое недовольство и настороженность далеко не всегда свидетельствует о конкретно ксенофобных настроениях. Часто такая настороженность — просто следствие социальной нестабильности и финансового неблагополучия, т. е. наблюдается феномен переноса неудовлетворенности из социальной области в этническую.

Приведенные данные показывают, что усилия по адаптации и интеграции мигрантов, безусловно, должны стать частью политики как в московском, так и в российском масштабе. Если не удастся адаптировать к российским условиям иноэтничных трудовых мигрантов, это станет серьезным вызовом для страны. Прежде всего, необходимо обеспечить адаптацию и интеграцию тех выходцев из сообществ с другими традициями, культурой, нормами поведения, которые связывают свое будущее и будущее своих семей с Россией.

Восполнение населения Российской Федерации за счет мигрантов из среднеазиатских республик — это проблема с точки зрения социальной и культурной адаптации новых жителей, но эта проблема существенно меньше, чем та, что возникнет при необходимости адаптировать жителей многих других государств. Например, советское наследие оставило в республиках Средней Азии довольно высокий уровень грамотности: в Узбекистане грамотными являются

96 % взрослого населения, в Кыргызстане — более 99 %, тогда как, например, в соседнем Афганистане этот уровень не превышает 26 % [1].

В сфере миграционной политики Российская Федерация руководствуется рядом подписанных и ратифицированных международных нормативных документов. Так, в соответствии с нормами международного права Российская Федерация обязана выполнять Всеобщую декларацию прав человека 1948 года и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, а также Конвенцию ООН 1951 года о статусе беженцев и Протокол к ней от 1967 года, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Всего в стране действуют более 230 правовых актов, регулирующих миграцию, в том числе 57 федеральных законов. Тем не менее, по мнению экспертов, единая и четкая система воздействия на миграцию до сих пор не сформирована [12: с. 42].

Вопросы адаптации и интеграции международных мигрантов сейчас достаточно много обсуждаются как на государственном, так и на общественном уровне. Это связано, прежде всего, с началом активного периода реализации Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 года, утвержденной в 2012 году [7]. Положения данной Концепции содержат выводы, согласно которым в ближайшие 15 лет процессы депопуляции и старения населения в отсутствие значительного миграционного прироста усилятся; продолжится быстрое сокращение населения в стратегически значимых регионах Дальнего Востока и Сибири. В тексте Концепции делается вывод о том, что в таких условиях привлечение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится важным источником восполнения потерь численности населения страны.

Документ ориентирует в связи с этим на радикальные перемены в политике и практике управления миграционными процессами. Предполагается, что реализация новых подходов должна основываться на требованиях и критериях, исключающих потенциальные этнокультурные и другие риски. Предусмотрено расширение взаимодействия с международными организациями в сфере миграции и использование их потенциала. В особенности это связано с ожидаемым принятием новых юридических инструментов и программ регулирования миграции, соблюдением стандартов по обеспечению прав мигрантов, закрепленных конвенциями и международными соглашениями. Особое место отведено системе образования.

Приоритет в Концепции государственной миграционной политики РФ отдается привлечению в нашу страну квалифицированных иностранных работников на долгосрочной основе с продолжительным или постоянным сроком их проживания в стране. Поставлены задачи «использования миграционного потенциала системы образования» как «источника квалифицированных и интегрированных в стране иностранных граждан», содействия повышению уровня образования мигрантов и членов их семей, преодоления

антииммиграционных настроений в обществе, а также предотвращения ее питательной среды — незаконной миграции. Намечена линия на увеличение контингента обучающихся из числа иностранных граждан, преимущественно из стран СНГ, на совершенствование образовательными организациями условий их подготовки. Сочтено целесообразным отказаться от законодательных ограничений для занятости во время обучения и после его завершения, поскольку это снижает привлекательность получения образования в России для иностранных студентов. Предусматривается упрощение правил переселения иностранных граждан в Россию и создание условий для семейной иммиграции и обучения детей в школе.

В специальном разделе Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года ориентирует на осуществление программных шагов в области культурно-языковой и социальной адаптации и интеграции всех категорий мигрантов, в том числе на необходимость знания ими истории и культурных традиций, соблюдение правовых норм страны пребывания. Одновременно указывается на важность взаимной адаптации и «создания программ по формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом». Последнее — наибольшее упущение в содержании законопроекта, о чем неоднократно уже упоминали в своих выступлениях эксперты по вопросам миграционной и национальной политики [14]. И это в ситуации, когда и без специальных наблюдений в обществе ощущается проблема неприятия местным сообществом приезжих иммигрантов.

В соответствии с российским законодательством с 2012 года иностранные граждане, прибывшие в страну из государств, у которых заключены соглашения с Россией о безвизовом въезде, обязаны были для осуществления трудовой деятельности в сферах жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли и бытового обслуживания (предполагающих непосредственный контакт с россиянами) владеть русским языком на уровне не ниже базового. С 1 января 2015 года эта мера распространена на всех иностранных граждан, в том числе из визовых государств, исключением стали только студенты и высококвалифицированные специалисты. Подтверждать знание русского языка необходимо также для оформления вида на жительство и получения разрешения на временное проживание [21].

В 2014 году был внесен ряд изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В частности, широкие полномочия по регулированию трудовой миграции были переданы непосредственно регионам. Одновременно были усилены меры противодействия незаконной миграции: ужесточены правила въезда в РФ для тех, кто нарушил законодательство (запрет на пять или десять лет), что в течение двух лет более чем на 30 % повысило число мигрантов, легально оформляющих право на трудовую деятельность [15: с. 11]. Также был внесен ряд изменений в закон о гражданстве: упрощенный порядок установлен

для индивидуальных предпринимателей, инвесторов, квалифицированных специалистов, а также тех, кто получил профессиональное образование в российских образовательных организациях [20]. Оценки последствий изменений, происходящих в миграционной политике Российской Федерации, достаточно противоречивы. Миграционная политика постепенно — иногда путем проб и ошибок — дифференцируется по инструментам регулирования, зачастую разнонаправленным.

Предпринятый анализ показывает, что вопросы адаптации и интеграции мигрантов в последнее десятилетие постепенно становятся предметом целенаправленной политики Российского государства, войдя в качестве разделов в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года, указ Президента России «Об обеспечении межнационального согласия» от 7 мая 2013 года, Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Особенность концептуального подхода к интеграции мигрантов в России состоит в том, что интеграция мигрантов рассматривается как инструмент противодействия и профилактики межнациональных конфликтов [6: с. 54].

Наиболее актуально на данный момент, по мнению автора, выработать и согласовать стратегические приоритеты и компетенции ведомств в ходе реализации конкретных задач по интеграции мигрантов, предотвращению их социальной эксклюзии, облегчению доступа детей из семей мигрантов к получению качественного образования. Вместе с тем Министерство образования и науки (теперь — Министерство просвещения) Российской Федерации не выпустило ни одного подзаконного акта или даже методических рекомендаций, которые регулировали бы сферу адаптации и интеграции иноэтнических мигрантов средствами образования, помогали бы школе (с нормативной, управленческой и финансовой точки зрения) сделать эту работу эффективной и отвечающей интересам государственной политики Российской Федерации. Мировой опыт свидетельствует, что успешная адаптация и интеграция мигрантов зависит от работы на низовом уровне, где ключевым игроком становятся органы местного самоуправления [15: с. 15]. В сфере образования многое способны сделать и местные, региональные департаменты управления образованием. Они должны поддерживать через механизм государственных работ, целевых субсидий и грантов те образовательные организации, которые уже работают в сфере адаптации и интеграции мигрантов средствами образования и способны играть роль профильных ресурсных центров для других образовательных организаций.

Взаимодействие международных мигрантов с российским обществом — проблема, требующая постоянного и серьезного анализа. Исследователи говорят о низком интеграционном потенциале принимающего российского общества, слабых адаптивных возможностях части мигрантов, специфических социальных практиках взаимодействия мигрантов и принимающего населения,

что накладывает определенные социокультурные ограничения на успешную политику в сфере интеграции иммигрантов [11: с. 699]. По заключениям ряда экспертов, усилия Российской Федерации, затрачиваемые на поддержание процессов трудовой миграции в пределах соблюдения прав человека и социальной стабильности внутри страны, видятся предельно допустимым минимумом для страны, которая хочет называть себя цивилизованной [13: с. 17].

По мнению экспертов, важнейшей характеристикой эффективности миграционной политики является взаимодействие мигрантских общин и принимающего населения, которое зависит от стратегии как общества и его различных институтов, так и самих мигрантов. Выше уже говорилось о том, что отношение к инациональным мигрантам, включая российских граждан из южных регионов, крайне настороженное [4: с. 128], и имеется определенная тенденция к ухудшению этого отношения. При этом необходимо учитывать тот факт, что в российских городах — основных центрах притяжения миграционных потоков — формируется и стремится к кристаллизации и воспроизводству субкультура мигрантов-прагматиков, рассматривающая принимающую среду преимущественно как экономический ресурс, а не как среду обитания [9: с. 5]. Усилия по адаптации и интеграции мигрантов — потенциальных участников такого сообщества — вдвойне важная задача для принимающего общества. К сожалению, в российском обществе пока недостает понимания того, что для достижения интеграции необходимо взаимное приспособление, включающее в себя принятие обеими группами права всех этнических групп на собственную культурную идентичность [18: с. 25].

В последние несколько лет активное участие в организации курсов русского языка для адаптации мигрантов принимает Русская православная церковь, в городах и регионах с большой долей мусульманского населения в это включились и исламские религиозные деятели, в том числе путем открытия просветительских курсов при мечетях. Как грибы после дождя растут многочисленные адаптационные центры на базе национально-культурных объединений, но, к сожалению, далеко не всегда там разворачивается реальная работа с привлечением профессиональных педагогов и нацеленностью на результат. Найти учебные центры или организации, где трудовые мигранты могли бы получить реальную образовательную помощь, непросто. Как показывает даже беглое исследование этого рынка, предлагаются в основном услуги индивидуальных репетиторов. Специальных групп для трудовых мигрантов, тем более таких, которые в своей программе учитывали бы необходимую иностранцам работникам терминологию, в столице мало. Специализированные тренинги социально-культурной адаптации — тем более экзотика по нынешним временам. Схожая тематика тренингов есть в предложениях ряда психологических служб, но опять же — специфики трудовых мигрантов и уровня знания ими русского языка (а это важно для успешного прохождения тренинга) они, как правило, не учитывают. Введение обязательного экзамена по русскому языку

для трудовых мигрантов становится стимулом для развития образовательных центров, предлагающих услуги по изучению языка. Очень важно, чтобы была сформирована система контроля и оценки качества образовательных услуг таких центров, чтобы препятствовать развитию коррупции и непрофессионализма на этом направлении.

Для решения задач социально-культурной адаптации мигрантов крайне важно создать в Российской Федерации адаптационную инфраструктуру — сеть учреждений или центров, где бы мигранты могли получить необходимую образовательную и информационно-просветительскую помощь, посещая интенсивные курсы иностранных языков, тренинги социально-культурной адаптации, консультации социальных работников, психологов и юристов. Зарубежный опыт показывает, что подобные центры обычно создаются при официальных государственных учреждениях, занимающихся регистрацией мигрантов, при этом их бюджет лишь на небольшую часть зависит от государственного финансирования. В российских реалиях эта концепция отчасти реализована в многофункциональных миграционных центрах, но никакой деятельности в сфере адаптации и интеграции мигрантов они не ведут.

Адаптационная инфраструктура нужна не только тем трудовым мигрантам, которые занимают низко- и среднеоплачиваемые должности. Практика показывает, что иностранным работникам, имеющим высокую квалификацию, также зачастую негде изучать русский язык, знакомиться с обычаями, культурой, историей принимающей их страны, изучать богатое цивилизационное наследие России. Ожидается, что доступные комплексные образовательные услуги по языковой и социально-культурной адаптации в Москве в ближайшее время будут весьма востребованными. Особенно это касается предложений по изучению русского языка с учетом терминологии и понятийного аппарата, используемых в той или иной сфере экономики.

Специалисты, занимающиеся изучением вопросов адаптации мигрантов, утверждают: сейчас государство декларирует задачи в области интеграции, но не обеспечивает механизмы их реализации [17: с. 26]. Автор настоящей статьи согласна с мнением о том, что обучение трудовых мигрантов русскому языку должно быть социальным, а не коммерческим проектом, поскольку последствия такого подхода будут для нашей страны безусловно позитивными и оправдают затраченные ресурсы.

Анализ положения в сфере интеграции иноэтничных мигрантов в России и за рубежом показывает, что, несмотря на то что Россия позднее, чем другие страны Европы и Америки, включилась в глобальные миграционные процессы, перед современными миграционными вызовами все государства находятся примерно в одинаковом положении. В списке управленческих стратегий взаимодействия проблема интеграции иноэтничных мигрантов в принимающее общество выдвигается на первое место, и от успешного решения этой проблемы начинает сильно зависеть благополучие самого принимающего общества и государства.

Состояние дел в политике интеграции как неотъемлемой составляющей миграционной политики в целом свидетельствует, что в России, как и в других странах и регионах мира, проявляется двойственный характер, а также нехватка выверенной стратегии. Учитывая общность языка, близость системы профессионального образования, культурных и трудовых традиций на постсоветском пространстве, создание единого рынка труда на этой территории было бы вполне реально. Но для этого необходимо преодолеть значительные трудности, связанные как с националистическими идеями, активно поддерживаемыми в ряде национальных государств постсоветского пространства (даже вопреки логике экономического развития), так и ряд важных структурных проблем внутри Российской Федерации.

Значительная часть проблем аккультурации и адаптации мигрантов, согласования интересов различных социальных групп решается в развитых странах не на национальном уровне, а на уровне органов самоуправления, что в Российской Федерации практически невозможно. И, безусловно, важным условием успешности политики интеграции является решение фундаментальных социальных проблем в самом российском обществе и государстве. Важно понимать, что миграции народов, их этнокультурное взаимодействие — неотъемлемые ключевые факторы пространственной дифференциации и общественно-политической жизни России конца XX – начала XXI столетия.

Литература

1. Доклад Программы развития ООН 2009 года // Организация Объединённых Наций — официальный сайт. URL: <http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/> (дата обращения: 21.11.2015).
2. Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.
3. Дробижева Л.М. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Миграция в России 2000–2012 гг.: хрестоматия / под ред. И.С. Иванова: в 3 т. Т. 1. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 789–801.
4. Дробижева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119–129.
5. Зачем и почему? Ответы традиционные и завтрашнего дня // Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития: аналитический доклад / под ред. С.Н. Градиловского. М.: Фонд «Наследие Евразии», Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2005. С. 128–137.
6. Ивахнюк И.В. Перспективы миграционной политики России: возможные сценарии. М.: МАКС Пресс, 2010. 128 с.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Президентом РФ 13.06.2012 г. // «Гарант» — информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244> (дата обращения: 27.08.2016).

8. Коробков А., Мукомель В. Опыт миграционной политики США: уроки для России // Миграция в России 2000–2012 гг.: хрестоматия / под ред. И.С. Иванова: в 3 т. М.: Спецкнига, 2013. Т. 2. С. 365–391.
9. Кузнецов И. М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: ИС РАН, 2005. 50 с.
10. Миграционная ситуация в странах СНГ / под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Комплекс-Прогресс, 1999. 287 с.
11. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов // Миграция в России 2000–2012: хрестоматия / под ред. И.С. Иванова: в 3 т. Т. 1. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 692–702.
12. Назарова Е.А. Внешние мигранты в Москве и их влияние на современные социальные процессы: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010. 45 с.
13. Полетаев Д.В. Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / под ред. В.И. Мукомеля. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 5–19.
14. Резолюция Тюрюкановских чтений 2014 года // Межрегиональный интернет-журнал «7x7» новости, мнения, блоги. URL: <http://7x7-journal.ru/item/45166> (дата обращения: 20.10.2015).
15. Ромодановский К.О., Мукомель В.И. Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 5–17.
16. Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного исследования / под ред. Е.Б. Яенко, Е.В. Козиевской, К.А. Гаврилова. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2008. С. 121–125, 154–161.
17. Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 25–29.
18. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
19. Труд и занятость в России: стат. сб.. 2011. М.: Росстат, 2011. 637 с.
20. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ // «Консультант плюс» — разработка правовых систем. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927 (дата обращения: 17.09.2017).
21. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 20.04.2014 № 74-ФЗ, статья 15.1. «Подтверждение иностранными гражданами владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации» // «Консультант плюс» — разработка правовых систем. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 17.09.2017).

Literatura

1. Doklad Programmy' razvitiya OON 2009 goda // Organizaciya Ob''edinyonny'x Nacij— oficial'ny'j sajt. URL: <http://www.un.org/development/hdr/2009/> (data obrasheniya: 21.11.2015).
2. Drobizheva L.M. Potencial mezhnacional'nogo soglasiya: osmy'slenie ponyatiya i social'naya praktika v Moskve // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 11. S. 80–90.

3. *Drobizheva L.M.* Problemy' tolerantnosti v otnoshenii k migrantam // Migraciya v Rossii 2000–2012 gg.: xrestomatiya / pod red. I.S. Ivanova: v 3 t. T. 1. Ch. 2. M.: Speczkniga, 2013. S. 789–801.
4. *Drobizheva L.M.* E'tnicheskaya solidarnost', grazhdanskaya konsolidaciya i perspektivy' mezhe'tnicheskogo soglasiya v Rossijskoj Federacii // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2014. № 1. S. 119–129.
5. Zachem i pochemu? Otvety' tradicionny'e i zavtrashnego dnya // Politika immigracii i naturalizacii v Rossii: sostoyanie del i napravleniya razvitiya: analiticheskij doklad / pod red. S.N. Gradirovskogo. M.: Fond «Nasledie Evrazii», Centr strategicheskix issledovanij Privolzhskogo federal'nogo okruga, 2005. S. 128–137.
6. *Ivaxnyuk I.V.* Perspektivy' migracionnoj politiki Rossii: vozmozhny'e scenarii. M.: MAKS Press, 2010. 128 s.
7. Konceptiya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Utverzhdena Prezidentom RF 13.06.2012 g. // «Garant» — informaciono-pravovoj portal. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244> (data obrashheniya: 27.08.2016 g.)
8. *Korobkov A., Mukomel' V.* Opy't migracionnoj politiki SShA: uroki dlya Rossii // Migraciya v Rossii 2000–2012 gg.: xrestomatiya / pod red. I.S. Ivanova: v 3 t. M.: Speczkniga, 2013. T. 2. S. 365–391.
9. *Kuznecov I. M., Mukomel' V.I.* Adaptacionny'e vozmozhnosti i setevy'e svyazi migrantskix e'tnicheskix men'shinstv. M.: IS RAN, 2005. 50 s.
10. Migracionnaya situaciya v stranax SNG / pod red. ZH.A. Zajonchkovskoj. M.: Kompleks-Progress, 1999. 287 s.
11. *Mukomel' V.I.* Adaptaciya i integraciya migrantov // Migraciya v Rossii 2000–2012: xrestomatiya / pod red. I.S. Ivanova: v 3 t. T. 1. Ch. 2. M.: Speczkniga, 2013. S. 692–702.
12. *Nazarova E.A.* Vneshnie migranty' v Moskve i ix vliyanie na sovremenny'e social'ny'e processy': avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. M., 2010. 45 s.
13. *Poletaev D.V.* Migrantofobiya i migracionnaya politika // Migranty', migrantofobii i migracionnaya politika / pod red. V.I. Mukomelya. M.: NP «Central'ny'j dom advokata», Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, «Academia», 2014. S. 5–19.
14. Rezolyuciya Tyuryukanovskix chtenij 2014 goda // Mezhhregional'ny'j internet-zhurnal «7x7» novosti, mneniya, blogi. URL: <http://7x7-journal.ru/item/45166> (data obrashheniya: 20.10.2015).
15. *Romodanovskij K.O., Mukomel' V.I.* Regulirovanie migracionny'x processov: problemy' perexoda ot reaktivnoj k sistemnoj politike // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2015. № 5. S. 5–17.
16. Russkijazyk v novyx nezavisimyx gosudarstvax: rezul'taty' kompleksnogo issledovaniya / pod red. E.B. Yaenko, E.V. Kozievskoj, K.A. Gavrilova. M.: Fond «Nasledie Evrazii», 2008. S. 121–125, 154–161.
17. *Ryazancev S.V.* Oazyk'ovoj integracii migrantov kak novom orientire migracionnoj politiki Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. № 9. S. 25–29.
18. Strategii mezhhkul'turnogo vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii: sb. nauchny'x statej / pod red. N.M. Lebedevoj, A.N. Tatarko. M.: RUDN, 2009. 420 s.
19. Trud i zanyatost' v Rossii: stat. sb.. 2011. M.: Rosstat, 2011. 637 s.

20. Federal'ny'j zakon «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» ot 31.05.2002 № 62-FZ // «Konsul'tant plyus» — razrabotka pravovy'x sistem. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927 (data obrashheniya: 17.09.2017).

21. Federal'ny'j zakon «O pravovom polozhenii inostranny'x grazhdan v Rossijskoj Federacii» ot 20.04.2014 № 74-FZ, stat'ya 15.1. «Podtverzhdenie inostranny'mi grazhdanami vladeniya russkim yazy'kom, znaniya istorii Rossii i osnov zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii» // «Konsul'tant plyus» — razrabotka pravovy'h sistem. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (data obrashheniya: 17.09.2017).

E.A. Omelchenko

The Problem of International Migrants' Integration in the Contemporary History of Russia

Russia is an active participant of global migration processes during last 25 years. Many immigrants are poorly fluent in Russian language, they are not aware of Russian history and culture, they are not adapted to the Russian way of life. There are enough legislative documents in the sphere of adaptation and integration activities, but there are no systematic activities implemented yet. The author analyzes the grounds of this situation in the historical context and justifies the importance of integration for international migrants at the contemporary stage of the development of the Russian Federation.

Keywords: international migration; linguistic and sociocultural adaptation; intercultural interaction; integration by means of education.

Т.А. Шеркова

**Додинастический
и раннединастический Египет
в контексте биполярности
мифологического сознания**

Статья посвящена анализу изобразительных текстов на ритуальных предметах и структуре переходных обрядов додинастической и раннединастической культуры Египта в контексте концепции бинарности мифологического сознания.

Ключевые слова: модель мира; оппозиции; медиатор; переходные обряды; символические языки.

Мир устной памяти насыщен символами.

Ю. М. Лотман¹

В древности Египет обозначался различными терминами, что указывает на разные аспекты в определении названия страны. Так, именование Кемет (Kmt) — Черная Земля — связано с идеей плодородия и, очевидно, с культом Осириса в этой его ипостаси. Изображения бога часто окрашивали черной и зеленой краской. Вместе с тем Египет определялся словами, употребленными в двойственном числе: *t3wy* — Две Земли, т. е. Верхний и Нижний Египет, и *ibdwi* — Два Берега (Нила). В историко-событийном смысле название «Две Земли» фиксирует объединение Верхнего и Нижнего Египта в ходе сложения двуединого Раннего царства. Процесс собирания египетских земель начался в додинастический период при распространении на север южно-египетской культуры Нагада, ассимилировавшей культуру Низовья. В культурной памяти древних египтян эти события запечатлелись в мифической истории, отраженной на образно-символическом языке изобразительных текстов и рисунчатого письма.

¹ См.: [7: с. 367].

На печатях первого царя I династии Аха (ок. 3200–3000 гг. до н. э.) зафиксирован иероглифический знак $sm3 \downarrow$ — соединять(ся), объединять(ся) [21: р. 48]. Позднее знак $sm3 t3wy$ на иконических изображениях фланкирован фигурами богов Хора и Сетха, — извечных противников, которые в данном контексте примирились, символизируя единство Верхнего и Нижнего Египта². Мотив примирения Хора и Сетха известен по изображениям Раннего царства. На некоторых печатях первого царя II династии Хасехемуи (2853–2825 гг. до н. э.)

эти боги восседают на знаке srH в имени Хора царской титулатуры, где обычно изображен только Хор-сокол. Но в этих случаях представлены оба бога: Хор-сокол и животное Сетха (рис. 1). Их головы увенчаны коронами Верхнего и Нижнего Египта, символизируя двуединство Египта.

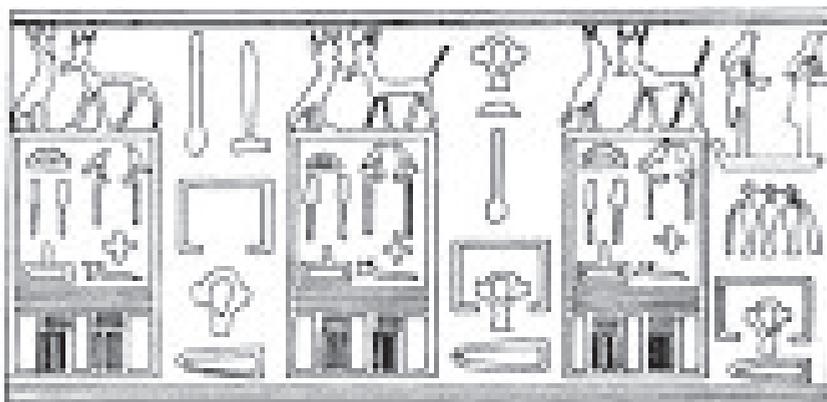

Рис. 1. Печать царя Хасехемуи (по П. Каплони)
[22: taf. 78/291; 80/302; 83/311, 313]

Перечень примеров дуальности, оппозиции в представлениях о единстве, гармонии, равновесии, целостности можно продолжать, ибо они базируются на архетипическом биполярном принципе мифологического сознания дописьменного периода, унаследованном письменной эпохой культуры. Роль письменности тогда играли символы — природные явления, рукотворные объекты и ритуалы, сакрализирующие культурную память [7: с. 365]. Для наиболее адекватной интерпретации археологических предметов и изобразительных текстов додинастического и раннединастического времени необходимо основываться на принципах, разработанных в целом ряде областей гуманитарного знания, в том числе структурной антропологии, культурологии, сравнительной мифологии, фольклористики, этнологии, а также глубинной психологии. Новаторский метод синтеза наук имеет многочисленные положительные результаты применительно к разным бесписьменным культурам древности Старого и Нового Света. Данное исследование, носящее прикладной характер, имеет

² Рельеф на постаменте статуи Сенусерта I из Лишта, около 1950 г. до н. э.

целью реконструировать мифологическую модель мира додинастического и раннединастического Египта на базе материальных источников в аспекте концепции биполярности мифологического сознания.

Тысячелетний опыт и наблюдение за природными и социальными явлениями сфокусировал мифологическое мышление на выявлении противоположных чувственных образов при восприятии окружающего мира. Эти фундаментальные бинарные оппозиции: пространственные (верх – низ, юг – север, восток – запад), временные (день – ночь), социокультурные (мужское – женское, жизнь – смерть) и пр. — создавали многоуровневые символические конструкции, семантические цепочки, порожденные мифологическим сознанием представления о мироустройстве и месте в нем человека. Первостепенной важности оппозиция «хаос – космос» наделялась особой значимостью, поскольку космос, упорядоченный мир представлял собой максимальную сакральную ценность, истоки которого восходили к первовременам сотворения мира предками и богами, передавшими знания и жизненные навыки последующим поколениям людей. Поэтому на первый план в коллективном сознании выступали обычаи, опыт, регламентировавшие и упорядочивавшие жизнедеятельность коллектива с помощью астрального календаря и ритуала [7: с. 365–368].

О возможности вторжения хаоса в космос повествует пророческий текст: «Солнце закроется тучами и не будет больше сиять, чтобы люди могли видеть; а человек не живет, когда (Солнце) закрыто тучами. Река Египта высохнет...» [1: с. 116]. Египет неоднократно переживал как природные негативные изменения, так и социальные катаклизмы. Мифологическое сознание воспринимало их в пространстве мифа, который объяснял эти события борьбой между созидательными и разрушительными силами, персонифицированными богами. И мифы о конфликтах между парами богов семантически тождественны оппозиции хаоса и космоса. В присущих мифологической биполярной логике о борьбе и снятии конфликта между противоположностями принципах содержится идея циклического обновления космоса в круговом движении пространства – времени, в котором антиномии закольцованы. Парность конфликтующих противоположностей — это то испытание, через которое проходит мир как целостность. К этой структуре биполярности хаоса и гармонии восходят все феномены бытия общества. Бинарная мифологическая логика отразилась в мотиве близнечества, ставшего основой осирических ритуализированных мифов и Гелиопольской космогонии.

Оппозиции, противоречащие устоям мироздания, гармонии и порядку снимались путем включения в бинарную систему представлений третьего элемента, символа, медиатора, разрешающего конфликты между противоположностями [5: с. 195–207; 9: с. 168–169]. Это мифические герои, трикстеры, животные-помощники, жертвенные животные, ритуальные предметы, образы, связанные с пространственными представлениями о границе и пограничье и пр.

Для дописьменного периода Египта важнейшими являются изобразительные тексты на ритуальных предметах, таких как церемониальные палетки.

Представленные на них сцены связаны с мотивом охоты, сражений, преследования и терзания хищниками травоядных животных, иначе говоря, сюжеты противоборства, противостояния. Это разделение на три типа «размывается» присутствием хищных птиц и животных-помощников, выступающих на стороне победителей в сцене сражений (палетка сражения [24: pl. D, E; 13: с. 323–326]), а в сцене преследования копытных хищниками, в том числе фантастическими животными, обнаруживается фигура охотника в маске шакала или собаки с длинной трубой у рта (Малая иераконпольская палетка [24: pl. F.; 13: с. 319–322]). Таким образом, даже эти примеры позволяют говорить о том, что данные мотивы передают не бытовые сцены, а в символической форме содержат ритуально-мифологические представления, отраженные в композициях, построенных на принципе оппозиции противоположностей с включением медиаторов: животных-помощников и охотника. Говоря о семантическом тождестве мотива охоты и сражения, воспользуемся цитатой К. Леви-Стросса: «охота приносит пищу, хотя похожа на войну, которая приносит смерть» [5: с. 198], — позволяющей интерпретировать сцены на церемониальных палетках как выражение оппозиции «жизнь – смерть» в целостной модели мира.

Принцип оппозиции представлен на церемониальных палетках³, раскрывающих смысл изобразительных текстов. В ряде случаев мы имеем дело с лаконичными воплощениями модели мира в виде космограммы. Так, на аверсе палетки «Четырех шакалов» из Лувра (см. рис. 2) изобразительные элементы расположены в системе осевой зеркальной симметрии. Центральным элементом является пальма, фланкированная парой жирафов, позади которых изображены две пары шакалов. Морды верхней пары находятся на уровне кроны пальмы, а нижней, перевернутой, обращены к ее корням. На реверсе изобразительные элементы организованы в центрическую композицию. Ее центром является рельефное кольцо, над которым бежит лев, а под кольцом — перевернутое фантастическое животное с телом и головой хищника из семейства кошачьих и длинной змеевидной шеей, так называемый серпопард. И здесь, на периферии поля палетки, представлены четыре шакала. Между мордами верхней пары стоит длинноногая птица ибис.

Воплощенные на одном предмете, композиции взаимосвязаны, скоординированы между собой. Сочетание осевой и центрической композиции передает представления о целостном мироздании, организованном пространством – временем, космосе с сакральным центром и периферией в его вертикальном и горизонтальном членении. Космическое древо и солярный круг, занимающие доминирующее положение в осевой и центрической композициях, в сочетании с символикой также сакральных образов, к ним тяготеющим, позволяют толковать изобразительный текст как космограмму. Лев и серпопард,

³ Здесь анализируется и интерпретируется изобразительный текст одной церемониальной палетки, хотя схожие композиции представлены и на ряде других палеток.

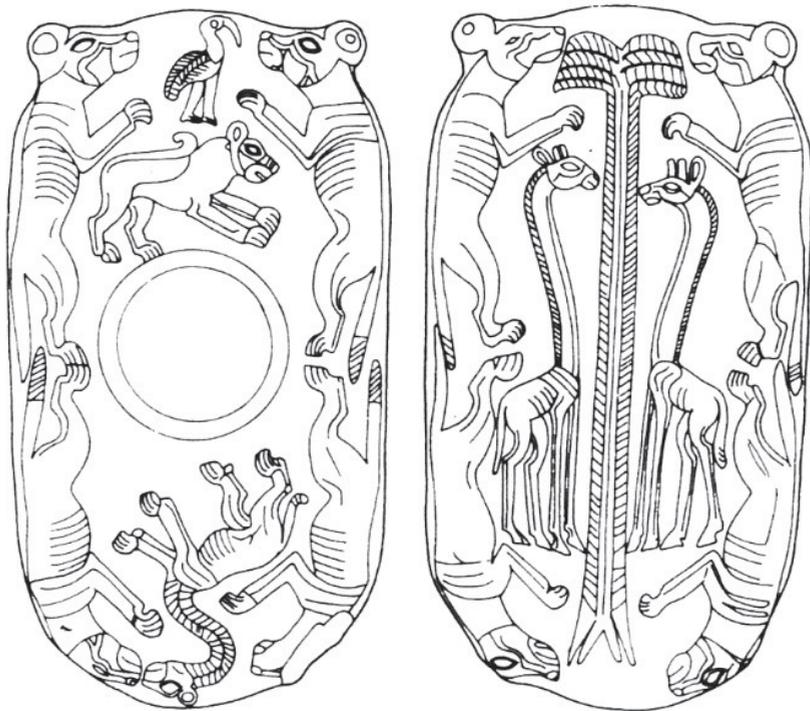

Рис. 2. Церемониальная палетка из Лувра (прорисовка автора)
[24: pl. В, С; 13: с. 317–319]

«вращающиеся» вокруг центрального кольца — солнечного круга, наделенные огненно-солярной символикой⁴, как птица и крона пальмы, причастны к небесному пространству, космическому верху; ствол дерева и жирафы маркируют средний мир. Корневая система дерева и перевернутая фигура фантастического животного символизируют нижний, загробный мир. В целом смысл изображительного текста читается как картина упорядоченного мира, отраженная в композициях, где все элементы в виде символических образов сбалансированы между собой в системе осевой и центрической симметрии относительно центрального элемента — космического древа на аверсе и солярного круга на реверсе. Фигуры шакалов или собак, имеющие двойственную природу медиаторов, фиксируют границу между освоенным, культурным пространством и иным миром, не-пространством, хаосом [11: с. 160–163].

Дерево как ось в вертикальном измерении модели мира символизирует триединство, в котором средний, земной мир играет роль медиатора между

⁴ Церемониальные палетки происходят от туалетных, на которых растирали зеленую краску («малахитовую зелень») для ритуального окрашивания век глаз. Церемониальные палетки утратили эту функцию и стали культово-ритуальными предметами. Подробнее о ритуальном окрашивании глаз и символическом отождествлении глаза и солнца см. [13: с. 269–282].

космическим верхом и низом. Это пространство ритуала, где происходит разрешение конфликта между оппозицией «жизнь – смерть» и осуществляется трансформация — возрождение в циклическом ходе мифологического времени.

Что же объединяет все проанализированные изобразительные тексты, передающие различные мотивы? В них заложено описание модели мира, выраженное различными средствами и композиционно построенное по бинарному принципу с использованием приема симметрии. В этом описании целостность состоит из оппозиций через согласование горизонтального и вертикального членения мира с выделением центра и периферии, космического верха и низа как зон противоположных, связанных соответственно с жизнью и смертью. Эти части космического пространства имеют центром средний мир, мир людей, где во время переходных обрядов снимается напряжение между хаосом и космосом, восстанавливается миропорядок.

Церемониальные палетки (наряду с другими ритуальными предметами) использовались во время обрядовых церемоний, о чем свидетельствуют их местонахождение на археологическом памятнике⁵ — в храме бога Хора в Иераконполе (древний Нехен). Они найдены в тайниках вместе с другими ритуальными предметами поздней додинастики и раннединастического времени [25: р. 3]⁶. Здесь же, в Иераконполе, который был мощным воцелством Южного Египта, исследован «додинастический город», включавший несколько элитарных некрополей. Но ядром его был церемониальный центр, существовавший на протяжении нескольких фаз культуры Нагада, от фаз Пв – Пд до фазы III — протодинастического времени (ок. 3300–3200 гг. до н. э.) — и даже в начале Раннего царства. Здесь проводились ритуалы, связанные с культом социальных лидеров, символическим (тотемным) образом которых был Хор-сокол. К ним были приурочены жертвоприношения животных как центральный момент ритуалов.

Р. Фридман полагает, что реконструировать святилище можно по изображению на церемониальной булаве царя I династии Нармера, найденной в основном тайнике храма в Иераконполе, где он взирает на происходящие действия [20: р. 29, fig. 12]. Особый интерес представляет фрагмент, на котором перед сидящим в наосе Нармером изображены три фигуры бегущих мужчин, фланкированных по три предмета в виде полумесяца. Это пограничные маркеры *dnbw*⁷, которые изображали в сценах ритуального бега царя во время

⁵ Большинство церемониальных палеток не имеют археологической фиксации. Они стали объектами научной информации, будучи приобретенными у торговцев древностями.

⁶ Среди votивных предметов была упомянутая выше Малая иераконпольская палетка и палетка царя Нармера.

⁷ Этимология именования этих предметов в точности не известна. Возможно, название этих предметов связано со словом *dnbw*, обозначавшем южные территории [19: р. 322]. Можно также предположить, что имеется какая-то связь со словом *dbn* — ходить вокруг места, окружать [19: р. 311].

царского праздника *sd*. На деревянной табличке из Абидоса царь I династии Ден совершает бег между маркерами (рис. 3). На оттиске цилиндрической печати этого царя представлены две сцены: в левой половине царь бежит за быком, а в правой — он устремлен к сидящему павиану, протягивающему царю открытую чашу (рис. 4). Симметричное построение композиции раскрывает основные этапы сложного обряда: бег царя за быком⁸, символизировавшим мощь царя, и получение им дара от павиана, в облики которого выступал бог Тот с функциями жреца, наделявшего царя магическими знаниями. Но в данном случае маркеры не изображены.

Ритуальный бег происходил в открытом дворе святилищ, храмов и погребальных царских комплексов. Смысл его связан с объединением Верхнего и Нижнего Египта царями первых двух династий, поскольку на площадке находились древние святилища обеих земель — *pr-wr* и *pr-nsr*. Говоря шире, на высшем уровне представлений ритуальный бег символизировал восстановление космического миропорядка. Этим символическим действием царь должен был продемонстрировать способность и готовность управлять двуединым Египтом. Божественный по природе царь, который считался земным воплощением солнечного бога Хора, являлся медиатором между миром людей и миром богов.

Наиболее раннее изображение сцены переходного обряда, праздника *sd* представлено на полихромном панно из крупного погребения № 100 в некрополе «додинастического города» [25: pl. LXXV–LXXIX], датированного фазой Нагада Пс. На одной из лодок изображен наос, в котором находится бегущий мужской персонаж (рис. 5). Эта деталь большого панно (длина его около 5 м), на котором изображены лодки со святилищами, как и на расписных сосудах типа D, сцены сражений, охоты, как на церемониальных палатках. Общий контекст изображений указывает на ритуальный их характер, связанный с фигурой социального лидера, вождя, который был погребен в этой могиле.

Истоки праздника *sd* восходят к глубокой древности, включая представления о витальной силе вождя, отразившиеся в ритуальном беге [8: с. 79]. Ритуальный бег как часть церемонии, связанной с подтверждением прав претендента на престол, известен в ряде африканских традиционных культур [23]. В основе своей этот обычай отражал достаточно универсальные представления о носителе верховной власти как обладателе магической силы, маны, которой были наделены священные цари как гаранты процветания общества.

⁸ Возможно, мотив бега царя за быком отражает древнейшие представления об охоте для добычи его хвоста. На некоторых изображениях Раннего царства царь представлен с хвостом. Фонетическая основа слова хвост — *sd*, такая же, как и в написании словосочетания праздника *sd* — *hb-sd*, сопровождающегося детерминативами в виде бассейна и пары наосов [19: р. 256]. Таким образом, праздник мог называться «добычей хвоста», что отражает символический смысл древнейших представлений о получении могущества вождя, претендовавшего на подтверждение легитимности своего правления. М.Э. Матье отвергала подобную трактовку, полагая, что этот праздник был связан с богом Седом, имевшим обличие шакала-Упуаута [8: с. 85, сн. 1].

Рис. 3. Табличка царя Дена (по В. Эмери) [17: fig. 37]

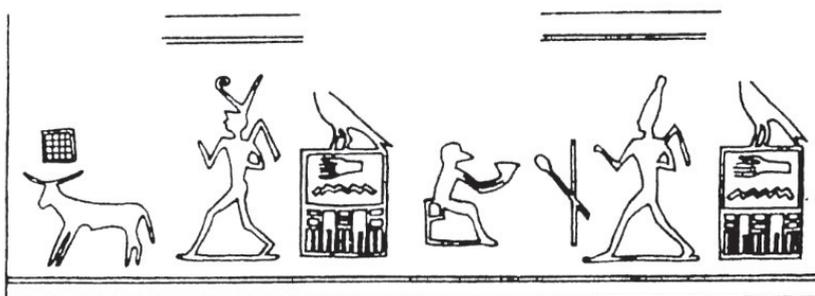

Рис. 4. Цилиндрическая печать царя Дена (по В. Эмери) [18: р. 38, fig. 26/21]

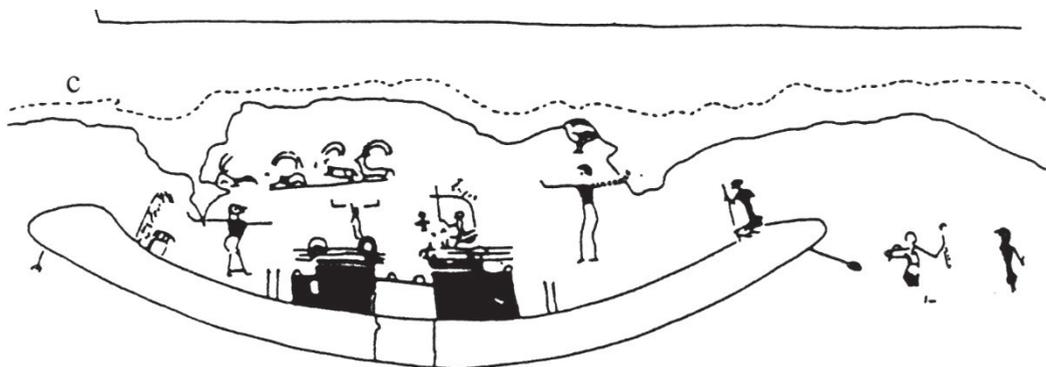

Рис. 5. Фрагмент панно из погребения № 100 в Иераконполе (по Б. Адамс и К. Чиалович) [16: р. 36–40]

Поэтому в празднике *sd* концентрировались все аспекты функций верховного правителя — вождя, позднее царя. Праздник *sd* семантически близок к обрядам, связанным с земледельческим циклом. «Гибель, смерть воспринимается как посев, за которым следуют умножающие посеянное всходы и жатва» [3: с. 356]. Идея символического воскресения через смерть составляла смысловое ядро в ритуальной практике.

Трехчленное деление «жизнь – смерть – возрождение» находит свое выражение в архетипической структуре переходных обрядов, сакральный смысл которых состоит в выходе из прежнего мира и вступлении в новый. Медиатором этой оппозиции является порог (лат. *limen* и его многочисленные образные синонимы — дверь, проход, пилоны и прочие элементы архитектуры). Таким образом, весь сценарий переходных обрядов состоит из трех этапов: прелиминарного (отделение от прежнего мира), лиминарного (обряды, совершаемые в промежуточный период) и постлиминарного (включение в новый мир) [4: с. 24]⁹. К такого рода переходным обрядам принадлежал и праздник *sd*. Сущность его состояла в том, что вождь-царь, подтверждая легитимность своего правления, должен был претерпеть символическую смерть, чтобы возродиться в новом качестве (подтвержденном статусе). Подобные переходные обряды для вождей существовали в традиционных африканских обществах, которые позволяют обозначить их параллелизм древнеегипетскому празднику *sd*. Отделение вождя от коллектива на первой фазе переходило в пороговое состояние лиминальности, уподобляемой смерти в синонимических символах: утробном состоянии, невидимости, тьме [12: с. 168–170]. Разумеется, этот обряд, особенно на фазе лиминальности, был связан с сильными психологическими переживаниями. Основатель аналитической психологии К.Г. Юнг полагал, что лиминальность как безвремяе, пороговость соответствует бессознательному [14: с. 26–35] — творцу мифов, архетипических образов, причастных к представлениям о смерти.

Биполярность наделяла мифологическое сознание познавательными функциями, дифференцируя все сущее в мире на антиномии, которые примирял символ — нечто иррациональное, рожденное в глубинах человеческой психики¹⁰. Эта структура стала основой для описания модели мира, отраженная в ритуальной практике, призванной упорядочить, обновить, гармонизировать мироздание. Для носителей архаического и даже классического периода древнеегипетской культуры ритуал играл центральную роль, ибо «только в ритуале достигается переживание целостности бытия и целостности знания о нем, понимание как благо и отсылающее к идее божественного как носителя блага» [11: с. 17]. В дописьменной культуре ритуальные предметы и изображения на них, описывающие картину мира, манипуляции ими в сочетании

⁹ В терминологии Э. Линча, это отделение, социальное безвремяе (лиминальность), приобщение [6: с. 95–96].

¹⁰ По утверждению К.Г. Юнга, миф имеет чисто психологическую природу и пользуется данными метеорологических и астрономических явлений лишь как материалом для своего выражения [15: с. 207].

с другими действенными средствами: песнопением, танцами — совокупностью элементов сценария ритуала — все это вызывало эмоциональный настрой, переживание, состояние погруженности в сакральный мир предков и богов. Каждый праздник, писал Я. Ассман, следуя неизменному порядку, повторяется как орнаментальный мотив в бесконечном узоре [2: с. 16]. Семантическое сближение праздников-ритуалов и орнаментов как нельзя лучше раскрывает базовый принцип архаического сознания — чувство ритма, ритмического характера жизни общества, ритмического аспекта художественного освоения мира, его упорядоченности, равномерного чередования соразмерных элементов в композициях, построенных на приеме симметрии, которая, как и орнамент, включает в себя момент чередования оппозиционных образов и символов в гармоничном, сбалансированном единстве. В художественной форме биполярное мифологическое сознание структурировало мир, противостоящий хаосу, различными средствами, используемыми в композициях: ритмом, симметрией, орнаментом. Это были символические языки социальной коммуникации в знаковой системе культуры додинастического и раннединастического Египта.

Литература

1. *Ассман Я.* Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999. 365 с.
2. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
3. *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
4. *Геннеп А. Ван.* Обряды перехода. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
5. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Восточная литература, 1983. 535 с.
6. *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. М.: Восточная литература, 2001. 141 с.
7. *Лотман Ю.М.* Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культур // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2004. С. 363–371.
8. *Матье М.Э.* *heb-sed* (из истории древнеегипетской религии) // Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М.: Восточная литература, 1996. С. 71–91.
9. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 1995. 406 с.
10. *Топоров В.Н.* Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 530 с.
11. *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7–61.
12. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
13. *Шеркова Т.А.* Рождение Ока Хора. Египет на пути к раннему государству. М.: Праксис, 2004. 370 с.
14. *Юнг К.Г.* Психологический комментарий к «Бардо Тходол» // Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994. С. 26–35.

15. Юнг К.Г. Психологические типы. Минск: Харвест, 2003. 526 с.
16. Adams B., Cialowicz K.M. Protodynastic Egypt. L.: Shire Publications LTD, 1997. 72 p.
17. Emery W.B. Archaic Egypt. L.: Penguin Boks, 1961. 269 p.
18. Emery W. Excavation at Saqqara. The Tomb of Hemaka. Cairo, 1938.
19. Faulkner R.O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford: Griffith Institute, 2002. 324 p.
20. Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L.: British Museum Press, 1996. P. 16–35.
21. Griffith F. Ll. The Inscriptions // Petrie F.W.M. The Royal Tombs of the Earliest Dynasties. Pt. II. L.: Oxford, 1901. P. 48–54.
22. Kaplony P. Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit. Bd.III. Wiesbaden, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 1964. 80 s.
23. Mair L. Primitive Government. Baltimore: Penguin Books, 1964. 288 p.
24. Petrie F.W.M. Ceremonial Slate Palettes with Reliefs // Corpus of Proto-dynastic Pottery. L.: British School of Egyptian Archaeology, 1953. 23 p.
25. Quibell J.E., Green F.W. Hierakonpolis II. L.: Egypt Research Account, V, 1902. 123 p.

Literatura

1. Assman Ya. Egipet: teologiya i blagochestie rannej civilizacii. M.: Priscel's, 1999. 365 s.
2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vy'sokix kul'turax drevnosti. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 363 s.
3. Baxtin M. Formy' vremeni i xronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poe'tike // Baxtin M.M. Voprosy' literatury' i e'stetiiki. M.: Xudozh. lit., 1975. S. 234–407.
4. Gennep A. Van. Obryady' perexoda. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 198 s.
5. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. M.: Vostochnaya literatura, 1983. 535 s.
6. Lich E'. Kul'tura i kommunikaciya. Logika vzaimosvyazi simvolov. M.: Vostochnaya literatura, 2001. 141 s.
7. Lotman Yu.M. Al'ternativny'j variant: bespis'mennaya kul'tura ili kul'tura do kul'tur // Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo, 2004. S. 363–371.
8. Mat'e M.E'. *heb-sed* (iz istorii drevneegipetskoj religii) // Izbranny'e trudy' po mifologii i ideologii Drevnego Egipta. M.: Vostochnaya literatura, 1996. S. 71–91.
9. Meletinskij E.M. Poe'tika mifa. M.: Vostochnaya literatura, 1995. 406 s.
10. Toporov V.N. Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskix e'nciklopedij. T. 2. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2014. 530 s.
11. Toporov V.N. O rituale. Vvedenie v problematiku // Arxaicheskij ritual v fol'klorny'x i ranneliteraturny'x pamyatnikax. M.: Nauka, 1988. S. 7–61.
12. Te'rner V. Simvol i ritual. M.: Nauka, 1983. 277 s.
13. Sherkova T.A. Rozhdenie Oka Xora. Egipet na puti k rannemu gosudarstvu. M.: Praksis, 2004. 370 s.
14. Yung K.G. Psixologicheskij kommentarij k «Bardo Txodol» // Yung K.G. O psixologii vostochny'x religij i filosofij. M.: Medium, 1994. S. 26–35.
15. Yung K.G. Psixologicheskie tipy'. Minsk: Xarvest, 2003. 526 s.
16. Adams B., Cialowicz K.M. Protodynastic Egypt. L.: Shire Publications LTD, 1997. 72 p.
17. Emery W.B. Archaic Egypt. L.: Penguin Boks, 1961. 269 p.

18. *Emery W.* Excavation at Saqqara. The Tomb of Hemaka. Cairo, 1938.
19. *Faulkner R.O.* A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford: Griffith Institute, 2002. 324 p.
20. *Friedman R.* The Ceremonial Centre at Hierakonpolis Locality HK29A // *Aspects of Early Egypt*. L.: British Museum Press, 1996. P. 16–35.
21. *Griffith F. Ll.* The Inscriptions // *Petrie F.W.M.* The Royal Tombs of the Earliest Dynasties. Pt. II. L.: Oxford, 1901. P. 48–54.
22. *Kaplony P.* Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit. Bd.III. Wiesbaden, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 1964. 80 s.
23. *Mair L.* Primitive Government. Baltimore: Penguin Books, 1964. 288 p.
24. *Petrie F.W.M.* Ceremonial Slate Palettes with Reliefs // *Corpus of Proto-dynastic Pottery*. L.: British School of Egyptian Archaeology, 1953. 23 p.
25. *Quibell J.E., Green F.W.* Hierakonpolis II. L.: Egypt Research Account, V, 1902. 123 p.

T.A. Sherkova

Predynastic and Early Dynastic Egypt in the Context of Dual Mythological Consciousness

The article is devoted to the analysis of images on ritual objects and structure of the rites of passage of the Predynastic and Early Dynastic Egyptian culture in the context of dual mythological consciousness.

Keywords: model of world; oppositions; mediator; rites of passage; symbolic languages.

УДК 94(497.2)"15/19"

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.08

**С.А. Агуреев,
А.А. Болтаевский**

Проблема трансформации внешней политики Болгарии в период Первой мировой войны

Статья посвящена трансформации внешнеполитического курса Болгарии накануне и в период Первой мировой войны. Авторы приходят к выводу, что противостояние с другими Балканскими странами в ходе II Балканской войны привело страну к участию в Первой мировой войне, закончившееся для Болгарии геополитической катастрофой.

Ключевые слова: Болгария; Первая мировая война; геополитика.

В 1981 году во время празднования 1300-летнего юбилея Болгарии президент Франции В. Жискард д'Эстен справедливо назвал эту балканскую страну древнейшим из современных европейских государств. Отметим и еще один аспект: находившаяся на территории Древней Фракии (сегодня — Болгария) римская провинция Европа дала название всему континенту, ставшему настоящим центром цивилизации.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов положила начало новой Болгарии, освободившейся от османского ига. Берлинский конгресс ознаменовал начало эпохи межгосударственных конфликтов на Балканах, которые очень скоро получили заслуженное название порохового погреба Европы. По условиям Берлинского договора Османская империя сохранила формальный сюзеренитет над Болгарией: София могла иметь дипломатических представителей в европейских странах только с согласия Высокой Порты.

В 1900 году молодой болгарский преподаватель Г.Т. Данаилов выступил в Болгарском экономическом обществе с рефератом, в котором главным был следующий вопрос: «Как слабая Болгария может защититься от Австрии или Германии?» Ответ на него он видел в создании сначала таможенного союза, а затем и политической конфедерации балканских государств, опираясь на немецкий пример. Данаилов писал: «Румынии, Сербии, Греции, да даже и Турции угрожают, как и нам, наши конкуренты — Австро-Венгрия и Германия» (цит. по: [7: с. 430]).

Балканская война 1912 года, последовавшая вслед за ней Межсоюзническая война привлекли внимание всей Европы. Наблюдатели были уверены, что 1912–1913 годы должны были стать переломными для Балканских стран.

Победители сами вступили с друг другом в схватку, а Болгария в рамках Межсоюзнической войны пережила первую национальную катастрофу. Оценивая рискованную позицию болгарских политиков в этот момент, академик Г. Марков справедливо указывал, что они были проиграны Болгарией еще до их начала [11: с. 27].

Болгария, не получившая Македонию, остро жаждала реванша. П. Заболотский писал: «Лишиться Македонии в целом для болгар было все то же, что нам, русским, лишиться одного из своих культурно-исторических центров: ведь из Македонии шло болгарское возрождение, оттуда шли лучшие болгарские борцы, там была древняя Охридская патриархия, там интенсивно кипела культурная болгарская работа и никогда не умирал в душе болгарина сан-стефанский завет Царя-Освободителя» [4: с. 171].

Идеологическая подготовка активно велась на страницах прессы. Софийский официоз «Эхо Болгарии» писал 23 ноября 1916 года: «Незначительная Болгария была подготовлена к союзу с центральными державами как своим географическим положением, так и той ролью, которая ей была предназначена на Балканах» (цит по: [4: с. 17]).

Особенно остро стоял вопрос о выходе к Эгейскому морю, которым Болгария владела с 1913 по 1919 год. Болгарские авторы отмечают, что македонский вопрос заслонял собой беломорскую проблему (Эгейское море. — *Прим. авт.*), что в итоге сказалось на его статус-кво.

Русский корреспондент в Болгарии И. Калина сообщал в начале 1915 года: «Недоверие к России — не новость в болгарской политике. Но никогда, кажется, не было его здесь так много, как теперь. Им в той или иной мере охвачена чуть не вся болгарская интеллигенция, которая до сих пор еще продолжает видеть в злокозненности русской дипломатии одну из главных причин всех болгарских несчастий» [6: с. 295–296].

Болгарский Генеральный штаб разработал несколько оперативных планов в случае начала войны с соседними странами: оперативный план «А» — на случай войны с Турцией, план «Б» — с Грецией, план «В» — с Румынией, план «Г» — с Сербией. В целом для болгарского военно-политического руководства было ясно, что собственная армия не сможет отразить общую интервенцию балканских государств. Как указывал П. Гинденбург, «отставание Болгарии в сравнении с прочими западноевропейскими странами по уровню развития промышленности и технологий дополнительно осложняло внедрение и использование в ее национальной армии боевой техники и транспортных средств, необходимых для ведения современной войны» [2: с. 149]. Будущее показало справедливость его слов.

В августе 1915 года за основу болгарского плана действий был положен оперативный план «Б–Г», предусматривавший одновременные действия против Сербии и Греции. Для наступления на территорию Сербии были выделены Первая и Вторая армии общей численностью 257 тыс. человек. Третья армия, состоявшая из 100 тыс. человек, предназначалась для охраны румынской

границы. Охрана греческой границы была возложена на 2-ю пехотную Фракийскую дивизию и 10-ю пехотную Беломорскую дивизию.

28 сентября сербские войска вступили на территорию Болгарии в районе Белоградчика, но затем отступили. Болгарские части, в свою очередь, завладели стратегическими высотами Китка и 29 сентября вступили в Сербию. Таким образом, единственная возможность премьер-министра Болгарии В.Х. Радославова оправдать свои дальнейшие действия была упущена [10: с. 433].

Участие болгарской армии в Первой мировой войне можно разделить на два периода: маневренный (1 октября 1915 – конец 1916 г.) и позиционный (начало 1917 – сентябрь 1918 г.).

Несмотря на тесную финансово-экономическую зависимость от Германии, только летние успехи центральных держав в 1915 году способствовали окончательному решению царя Фердинанда и премьер-министра Радославова. Но прежде свои территориальные претензии Болгария предъявила Сербии, что практически исключало нахождение компромисса с Антантой.

Руководитель российского внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонов признавал, что к переходу Болгарии на сторону германского блока и последующему разгрому Сербии и Болгарии привели серьезные промахи антантовской дипломатии [1: с. 31].

Военный министр А.А. Поливанов констатировал в феврале 1916 года: «Среди событий, свершившихся в течение минувших месяцев, каждый русский человек с болью в сердце увидел измену болгарского правительства своему славянскому долгу. Не первый уже случай, когда спасенные Россией государства удивляют мир своей неблагодарностью, но эта измена славянского государства имела последствием одоление немцами двух славянских же государств — Сербии и Черногории...» (цит по: [1: с. 23]).

Вступление Болгарии в войну на стороне Берлина рассматривалось целым рядом политических деятелей как определенное поражение российской дипломатии. На четвертой сессии Государственной Думы IV созыва, проходившей после потери союзниками Балканского полуострова, положение в Юго-Восточной Европе не один раз становилось предметом острых обсуждений. Представитель самой крупной в IV Государственной Думе фракции земцев-октябристов Е.П. Ковалевский отмечал: «Неосведомленность нашего представителя в Софии, наивная его уверенность, что Болгария-де не может пойти против России, потому-де, что народ не пойдет, неверное суждение о пределах территориальных и политических претензий Болгарии и попытка опереться на неорганизованную, “слабую, как тростник”, — я употребляю выражения г. министра иностранных дел, — оппозицию, все это повело к тому, что Болгария не только откровенно перешла во враждебный стан, но устами своего премьер-министра Радославова провозгласила германское торжество над трупом России» [3: с. 143].

Сходной точки зрения придерживался и П.Н. Милуков: «Наша дипломатия обнаружила слабость и нерешительность, которая и дала возможность Болгарии вооружиться и выбрать тот момент для нападения, который она сама находила для себя более подходящим» [3: с. 224]. Вместе с тем он был вынужден признать: «И Фердинанд и некоторые другие балканские монархи, при всех своих личных связях с нашими врагами, все же должны считаться с национальными интересами. Они должны защищать национальные интересы своей страны. Болгары очень гибки и очень склонны к уступкам, но болгары практический народ... Оказалось, что болгары при помощи наших врагов восстановили этнографическую Болгарию в тех старых пределах, которые Россия давала ей по Сан-Стефанскому миру...» [3: с. 496].

Относительно территориальных уступок мнения российских политиков разделились. Известный своим болгарофильством П.Н. Милуков говорил: «1 сентября 1915 года дипломаты согласия явились к Радославу и сделали то, что я советовал сделать с самого начала. Они торжественно гарантировали Болгарии приобретение Македонии в границах договора 1912 года, совершенно независимо от того, как на это посмотрят Сербия и Греция. Я утверждаю, что если бы это предложение, сделанное в сентябре, когда положение было безнадежно, было сделано хотя бы в марте 1915 года, когда Болгария находилась под впечатлением взятия Перемышля (9 марта) и нашего появления у Босфора (15 марта), то Болгария была бы на нашей стороне, Сербия не была бы разорена, и, может быть, судьба Турции была бы теперь решена» [3: с. 497].

Но большинство представителей российского политического истеблишмента было склонно обвинять Болгарию в открытом предательстве и союзничестве с Германией.

В свою очередь, Центральные державы предложили Болгарии земли Македонии, а в случае вступления в войну Греции и Румынии на стороне Антанты — часть их территории, что в конечном итоге и обусловило позицию правительства В. Радославова.

Союз с Болгарией обеспечивал не только военный перевес Германии на Балканах, но и коридор для связей с Турцией, окруженной почти со всех сторон вражеским кольцом. Вступление Болгарии в войну осенью 1915 года вызвало изменение ситуации на Балканском полуострове в пользу Германии. Сербия была разбита, а остатки ее армии сначала были эвакуированы на остров Корфу, а затем в Салоники. Болгария вернула Македонию, где, в свою очередь, обрушила репрессии теперь уже на сербское население. Вновь присоединенные территории были разделены на 16 административных округов, к которым добавился Одринский округ, добровольно переданный Болгарии Турцией. Болгарская пресса всячески подстегивала общественное мнение страны, восхваляя расширение границ.

К лету 1916 года болгарские вооруженные силы были разделены на три армии общей численностью 670 тыс. человек: 1-я армия под командованием

генерала К. Бояджиева и 2-я армия генерала Г. Тодорова (обе армии состояли из 4 дивизий) были размещены на Салоникском фронте, 3-я армия генерала С. Тошева (в составе трех дивизий) размещалась на линии «Бургас – Варна – Русчук» и в дальнейшем участвовала в румынской кампании. Описываемый период отмечен наибольшим военным и политическим значением Болгарии в Четверном союзе. Осенью 1916 года после вступления в войну Румынии на стороне Антанты болгаро-немецкие части быстро разбили румынскую армию. Особенно большой резонанс имело взятие считавшейся неприступной крепости Тутракан с 40-тысячным румынским гарнизоном (подробнее об этой кампании см. в воспоминаниях С. Тошева [12]).

Одна из немецких газет так характеризовала это событие: «Блестящая победа при Тутракане вызвала большой энтузиазм во всей Германии. На улицах проходят народные манифестации в честь болгарской союзницы» [13: с. 143]. Болгария, однако, всегда была для Германии лишь орудием, а не партнером. Позднее главнокомандующий болгарской армией Н. Жеков писал своему немецкому коллеге фельдмаршалу П. Гинденбургу, что в Добрудже, как и в других местах, германские военные власти относятся к Болгарии не как к союзнице, а как к побежденной стране. Более того, Северная Добруджа была передана кондоминиуму победителей, несмотря на протесты болгарской стороны, что в итоге привело к падению кабинета Радославова.

Затянувшаяся война вызвала резкое ухудшение жизни в Болгарии. С июля 1914 по апрель 1918 года цены на хлеб выросли в 2 раза, на масло — в 7 раз, на картофель — в 11 раз.

Только за 1918 год в Болгарии от голода и болезней скончались около 182 тыс. человек, что было выше, чем потери болгарской армии за весь военный период (Работнически вестник. 1919. 3 ноября: с. 2). Определенное влияние на Болгарию оказала и Октябрьская революция в России. Газета социалистов «Работнически вестник» писала: «Болгарский народ никогда не забудет того, что великая революционная и социалистическая Россия первая подала ему братскую руку мира и этим решительно положила начало спасения и его и всего мира от ужасов войны» (Работнически вестник. 1917. 30 декабря: с. 2).

С лета 1918 года в Швейцарии болгарские представители вели переговоры с американскими делегатами о возможностях выхода из войны. В течение 1918 года происходило усиление Салоникской группировки Антанты, в которую вошли и греческие войска. В конечном итоге именно этот, казалось бы, удаленный театр сыграл важную роль в поражении Четверного союза.

В середине сентября 1918 года в Македонии при Добро Поле началось решающее наступление союзников, имевших серьезный перевес: на направлении главного удара соотношение сил Антанты и Четверного союза в пехоте было 2,3 : 1, в артиллерии и авиации — 5 : 1. В результате фронт был прорван. Анализируя события на Балканах в сентябре 1918 года, генерал Э. Людендорф признавал, что в тот момент «никто не заблуждался относительно серьезности

положения, создавшегося вследствие развала Болгарии» [8: с. 416]. В годы Первой мировой войны в Болгарии было мобилизовано 20 % населения, за 36 месяцев боевых действий погибло 101 234 солдата и офицера и 155 тыс. — оказались ранеными [9: с. 8]. Процент мобилизованного в армию населения Болгарии был выше, чем в Австро-Венгрии и Германии [5: с. 8].

Поражение в районе Добро Поле в середине сентября 1918 года вызвало серьезные солдатские волнения. Очень скоро центром восстания стал город Радомир, где был образован революционный совет, в состав которого входили представители партии тесных социалистов, Земледельческого союза и анархист. 27 сентября 1918 года в Радомире была провозглашена республика. Число восставших солдат достигало 30 тыс. человек, против которых правительство могло выставить не более 500 солдат [5: с. 26–27]. 28 сентября авангард восставших солдат расположился у села Владая всего в 15 км от Софии. В этот критический момент 29 сентября на помощь правящему режиму из Крыма прибыла 217-я германская дивизия. Отряды восставших оказались разбиты, через несколько дней пал и Радомир. В эти же дни в Салониках было подписано перемирие между Болгарией и Антантой, поставившее крест на геополитических амбициях Фердинанда. Последний вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Бориса. 19 сентября 1919 года представителям Болгарии передали сформулированные Антантой условия мира.

Изменения, внесенные союзниками на протест болгарской стороны, носили крайне незначительный характер: так, согласно ст. 83 Трианонского договора, Болгарии было разрешено сохранить на Дунае и вдоль побережья для полиции и надзора за рыболовством максимум 4 миноносца и 6 моторных лодок, при этом «все эти единицы будут лишены мин и минных аппаратов» [5: с. 31]. Согласно ст. 69, страна получала возможность образовать корпус пограничной стражи численностью не более 3 тыс. человек. Однако основные военные положения носили уничижающей характер: ст. 65 заявляла, что «обязательная для всех военная служба будет отменена в Болгарии. Болгарская армия будет строиться и комплектоваться в будущем только путем добровольного найма» [5: с. 25]. На страну были наложены огромные репарации в размере 2 млрд 225 млн франков.

Э. Людендорф справедливо указывал, что в годы Первой мировой «болгарская армия и сама Болгария хотели вести войну постольку, поскольку это отвечало их национальному стремлению сделаться великой державой Балканского полуострова. Ожидать какой-нибудь военной помощи от Болгарии на другом театре военных действий Четверного союза не приходилось» [8: с. 231]. Двадцать лет спустя новый виток укрепления германо-болгарских отношений привел к реализации давней болгарской мечты: возвращения Южной Добруджы, потерянной по итогам Второй Балканской войны. В результате Крайовского соглашения 7 сентября 1940 года утерянная житница вновь оказалась в составе родного края. Одновременно начался усиленный процесс национализации

Добруджи: из южной части активно переселялись румыноязычные поселенцы, а прибывали болгары из ее северной, оставшейся в составе Румынии, части. Однако идеи о создании Великой Болгарии и исторического реванша на Балканах не покидали представителей болгарской правящей элиты вплоть до окончания Второй мировой войны, ставшей катастрофой для всего болгарского народа.

Литература

1. *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1989. 312 с.
2. *Гинденбург П.* Из моей жизни. М.: Principium, 2013. 336 с.
3. Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. 816 с.
4. *Заболотский П.* Черногория и король Николай в борьбе за сербский и славянский идеал // Славянские известия. 1915 . № 14. С. 170–172.
5. История Болгарии: в 2 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1954. 779 с.
6. *Калина И.* Из Болгарии // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 293–302.
7. *Костов А.* Болгарские проекты экономической интеграции стран Балканского полуострова в начале XX в. // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.: сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 432–444.
8. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов. М.: Эксмо, 2015. 752 с.
9. Българската армия в Първата световна война. София: Военно издателство, 2015. 359 с.
10. *Геогиев Б.* Миражът за «Велика България». Животът и дейността на д-р В. Радо-славов (1854–1929). В. Търново: ИВИС, 2016. 600 с.
11. *Марков Г.* Поуки от Балканските войни 1912–1913 г. // Военноисторически сборник. 2003. № 1. С. 24–27.
12. *Тошев С.* Действията на III армия в Добруджа през 1916 година. София: Захарий Стоянов, 2007. 321 с.
13. *Хинева М.* Боевете при Тутракане през 1916 г. // Тутракан в историческото развитие на Добруджа. Тутракан: Националният военноисторически музей, 1995. С. 137–148.

Literatura

1. *Vasyukov V.S.* Vneshnyaya politika Rossii nakanune Fevral'skoj revolyucii. 1916 – fevral' 1917 g. M.: Nauka, 1989. 312 s.
2. *Gindenburg P.* Iz moej zhizni. M.: Principium, 2013. 336 s.
3. Gosudarstvennaya дума. Chetverty'j sozy'v. Chetvertaya sessiya. Stenograficheskiy otchet. Pg., 1916. 816 s.
4. *Zabolotskiy P.* Chernogoriya i korol' Nikolaj v bor'be za serbskiy i slavyanskiy ideal // Slavyanskiye izvestiya. 1915 . № 14. S. 170–172.
5. Istoriya Bolgarii: v 2 t. T. 1. M.: AN SSSR, 1954. 779 s.
6. *Kalina I.* Iz Bolgarii // Vestnik Evropy'. 1915. № 2. S. 293–302.

7. *Kostov A.* Bolgarskie proekty' e'konomicheskoy integracii stran Balkanskogo poluostrova v nachale XX v. // Balkany' v evropejskix politicheskix proektax XIX–XXI vv.: sb. statej / otv. red. R.P. Grishina. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2014. S. 432–444.
8. *Lyudendorff E'.* Moi vospominaniya o vojne 1914–1918 godov. M.: E'ksmo, 2015. 752 s.
9. B''lgarskata armiya v Pr''vata svetovna vojna. Sofiya: Voenno izdatelstvo, 2015. 359 s.
10. *Geogiev B.* Mirazh't za «Velika B''lgariya». Zhivot't i dejnostta na d-r V. Radoslavov (1854–1929). V. T''rnovo: IVIS, 2016. 600 s.
11. *Markov G.* Pouki ot Balkanskite vojni 1912–1913 g. // Voennoistoricheski sbornik. 2003. № 1. S. 24–27.
12. *Toshev S.* Dejstviyata na III armiya v Dobrudzha prez 1916 godina. Sofiya: Zaxarij Stoyanov, 2007. 321 s.
13. *Xineva M.* Boevete pri Tutrakane prez 1916 g. // Tutrakan v istoricheskato razvitie na Dobrudzha. Tutrakan: Nacionalniya voennoistoricheski muzej, 1995. S. 137–148.

S.A. Agureev,

A.A. Boltaevskiy

The Problem of Transformation of the Foreign Policy of Bulgaria during the First World War

The article is devoted to the transformation of the foreign policy of Bulgaria on the eve and during the First World War. The authors conclude that the confrontation with other Balkan countries during the Second Balkan War led the country to participate in the First World War, which ended in a geopolitical catastrophe for the country.

Keywords: Bulgaria; World War I; geopolitics.

УДК 94(7/8=134)"1918/..."

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.09

М.С. Глебов

Левые партийные фонды Германии и социальные перемены в Латинской Америке (на опыте начала XXI века)

В статье рассматривается деятельность левых немецких партийных фондов и их оценка преобразований в Латиноамериканском регионе в период с начала XXI века по настоящее время. Именно в это время в странах Латинской Америки проводится политика «новых левых», которая вызывает критику и давление развитых стран Запада, в том числе Германии. Именно поэтому анализ деятельности германских организаций в этом регионе представляет собой актуальную исследовательскую задачу.

Ключевые слова: ФРГ; Латинская Америка; политические фонды; «левый поворот»; экономический кризис; социальные перемены.

Крупнейшие общественные фонды в Германии, выделяющие в том числе стипендии для иностранцев, — это так называемые партийные фонды (*parteinahe Stiftungen*). Они, как следует из названия, существуют при крупных политических партиях страны и реализуют в числе прочих задач поддержку общественно активной студенческой и научной молодежи по всему миру (*Begabtenfoerderung*)¹. Партийные фонды Германии очень тесно сотрудничают с государством, являясь ключевым фактором немецкой публичной дипломатии. Они принимают активное участие в гуманитарном сотрудничестве между странами в области науки, культуры, работы со средствами массовой коммуникации, с молодежью. Фонды также работают в сфере установки контактов и развития отношений с политически близкими организациями за рубежом. Отдельное направление деятельности партийных фондов — экспорт политической культуры ФРГ. Кроме того, немецкие фонды являются аналитическими центрами.

Помимо вышеизложенного фонды работают в кризисных регионах. С 1990-х годов, например, в ходе боснийского кризиса они стали поддерживать демократизацию общества. Это означало поддержку демократических СМИ, гражданских и правовых движений и пр. на территории бывшей Югославии. Кроме внешнеполитических задач на фонды в настоящее время переложены и ряд задач внешней культурной политики.

¹ Германская служба академических обменов: официальный сайт. URL: <https://www.daad.ru/ru/fonds/> (дата обращения: 09.05.2018).

В свое время Гельмут Коль охарактеризовал политические фонды как «сокровище, которым все мы можем гордиться» [3: р. 2]. Эта характеристика вполне справедлива: фонды действительно сокровище для государства, интересы которого они реализуют в ходе своей зарубежной работы, для своих партий, да и для всего населения, получающего дивиденды как от политико-образовательной и культурно-политической работы фондов, так и от их стипендиальных программ для немецкой молодежи.

Латиноамериканский регион как экономически, так и политически имеет для Германии большое значение. Немецкие общины еще с конца XIX века являются самыми крупными и процветающими сообществами мигрантов в Чили, Аргентине и Венесуэле². Немцы внесли значимый вклад в развитие региона, инвестируя средства в банки, строительство портов и железных дорог. Немецкие мигранты участвовали в формировании политического влияния Германии в регионе.

По этим причинам после Второй мировой войны немецкие фонды начали свою работу именно в Латинской Америке. Еще до объединения Германии, с 1950-х годов, правительство ФРГ, согласно доктрине Хальштейна, занималось поиском союзников в экономически зависимых от нее странах Латинской Америки. Таким образом ФРГ стремилась утвердиться как единственное легитимное немецкое государство. Часто это вело к сотрудничеству с диктаторами, например такими, как Альфредо Стресснер.

Диктаторский режим в Парагвае был союзником не только ФРГ, но и США, которые выделяли средства на борьбу с коммунистической угрозой. Справедливости ради следует отметить, что многие политические фонды не поддерживали официальную дипломатию ФРГ. Так, фонд имени Фридриха Эберта занимался подготовкой парагвайской оппозиции к возможному свержению диктатуры. Чтобы не портить отношений с дружественным режимом, правительство ФРГ дистанцировалось от деятельности фонда [2: с. 89].

В XXI веке мягкая сила Германии также применяется против левых режимов Латинской Америки. Примером такого вмешательства стал путч в Гондурасе 28 июня 2009 года, когда президент этой страны Мануэль Селайя был захвачен и смещен военными. Поводом к смещению президента послужили слухи о референдуме относительно переизбрания текущего руководителя страны на следующий срок.

В действительности Селайя назначил на 28 июня не референдум, а опрос общественного мнения. Вопрос его звучал так: «Согласны ли вы с тем, чтобы на предстоящих всеобщих выборах была дополнительная урна для голосования по поводу созыва или не созыва Конституционной ассамблеи?» Лишь Конституционная ассамблея имеет полномочия вносить изменения в основной закон Гондураса.

² Allemagne-Argentine: en Amérique du Sud, l'Allemagne est un peu chez elle // Journal Slate. 13.07.2014. URL: <http://www.slate.fr/story/89823/allemande-argentine-amerique-sud-chez-elle> (дата обращения: 16.05.2018).

В 2005 году М. Селайя выдвигался на выборы президента от Либеральной партии Гондураса, впоследствии он изменил свою политическую ориентацию и пошел на сближение с режимами, входящими в Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA), в частности с Венесуэлой, Кубой, Боливией и Никарагуа. Позже Гондурас вступил в этот союз.

Немецкие политические фонды оказали поддержку путчистам. Еще до свержения М. Селайи фонд Эберта оказывал финансовую поддержку оппозиционным СМИ, которые участвовали в кампании по дискредитации президента. Они прямо и безосновательно обвиняли его в авторитаризме, популизме и в стремлении создать диктатуру. Ими использовался также прием передергивания фактов. Например, если в новостях упоминалось, что где-то произошло массовое убийство или арест коррупционера, то во всем обвинялся Селайя как «потворщик преступности и коррупции»³. Таким образом, немецкие НПО приняли участие в медиавойне против М. Селайи и способствовали признанию режима, утвердившегося в Гондурасе после свержения президента.

Фонд имени Фридриха Эберта, названный в честь первого президента Веймарской Республики, является проводником идеалов и ценностей социал-демократии: свободы, справедливости и солидарности⁴. Фонд участвует в мировом социал-демократическом и профсоюзном движении.

Фонд занимается аналитической работой. В частности, публикует отчеты глобального правового индекса, который дает представление о нарушении прав наемных работников во всем мире. Чем больше в государстве работодатели считаются с правами профсоюзов, тем больше будет равенства и справедливости в обществе, поэтому фонд считает важным выявлять, анализировать и публиковать нарушения прав работников. В отчете Глобального правового индекса за 16 июня 2017 года говорится о десяти худших для трудящихся странах⁵. Бразилия, Колумбия, Гватемала, Гондурас, Мексика, Перу и Венесуэла входят в список из 11 стран, где происходили убийства работников из-за их деятельности в профсоюзных организациях⁶.

Сам доклад посвящен различным нарушениям прав наемных работников по всему миру. Говоря о Латиноамериканском регионе, авторы доклада указывают на борьбу правительств с независимыми профсоюзами. К примеру,

³ Шумаков А. Гондурас-2009: отсроченная революция // Скепсис: научно-просветительский журнал. Июнь. 2010. URL: http://sceptsis.net/library/id_2797.html (дата обращения: 11.08.2018).

⁴ Friedrich-Ebert-Stiftung: официальный сайт. URL: <http://www.fes.de> (дата обращения: 09.05.2018).

⁵ Der Globale Rechtsindex 2017. 16.06.2017. URL: <https://www.fes.de/e/der-globale-rechtsindex-2017/> (дата обращения: 01.06.2018).

⁶ Der Globale Rechtsindex des IGB 2017. Die schlimmsten Länder der Welt für arbeitende Menschen. URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/survey_ra_2017_ger-2.pdf (дата обращения: 01.06.2018).

в Эквадоре усиливается борьба с рабочими ассоциациями, причем период с 2015 по 2016 год был самым агрессивным. Хотя право на организацию и забастовку предоставляется, его практически невозможно осуществить. В докладе особенно отмечается преследование рабочих, устраивающих забастовки на государственных предприятиях. Таким рабочим грозят уголовные сроки за саботаж, терроризм, захват государственных зданий и угрозу государственной безопасности. Также говорится о запрете коллективных переговоров между работниками предприятия и руководством. Главной проблемой для создания рабочими новых профсоюзов является бюрократия, о чем указывается в докладе. Также в Эквадоре зафиксированы случаи необоснованного ареста профсоюзных активистов⁷.

Обратим внимание на деятельность фонда имени Генриха Бёлля в Латиноамериканском регионе. Фонд Бёлля считает себя альтернативой традиционным политическим движениям, выступает за развитие экологически чистых технологий, за развитие прямой демократии и за создание справедливого общества⁸. 3 декабря 2013 года на сайте фонда была опубликована статья «Ресурсное проклятие Латинской Америки»⁹. В ней говорится о том, что страны Латиноамериканского региона, получающие значительную часть своих доходов от добывающей промышленности, как правило, показывают более низкий экономический рост и страдают от более высокого уровня бедности именно в тех местах, где расположены шахты. Это явление известно как «ресурсное проклятие». Лишь небольшое меньшинство пользуется доходами, в то время как большинство страдает от прямых последствий добычи нефти. В статье отмечается тот факт, что в случае Латинской Америки к числу других последствий «ресурсного проклятия» добавляется высокий уровень коррупции, стремление к авторитаризму и к нарушению социальных и личных прав человека¹⁰.

В статье говорится об экологическом ущербе от добывающей промышленности в регионе: загрязнении рек, сокращении биоразнообразия, отравлении земель сельскохозяйственного назначения. Все это сказывается на здоровье людей, проживающих в регионе. Это приводит к социальным конфликтам и к протестам коренных народов против добывающих компаний. В статье указывается, что власти не реагируют на протесты и на инициативу коренных народов провести референдумы по данному вопросу. Право на свободное волеизъявление закреплено за коренными народами в Конвенции № 169 Международной организации труда (МОТ), подписанной Перу, Боливией, Эквадором, Венесуэлой и другими латиноамериканскими странами. Но эти

⁷ Там же.

⁸ Фонд имени Генриха Бёлля: официальный сайт. URL: <http://ru.boell.org/ru/2014/01/27/missiya-fonda> (дата обращения: 12.01.2018).

⁹ Resource Curse in Latin America. 3. December 2013. URL: <http://eu.boell.org/en/node/61> (дата обращения: 12.12.2013).

¹⁰ Там же.

страны не в достаточной мере интегрировали его содержание в основные национальные законы и не считают его основой своей политики¹¹.

Фонд Розы Люксембург, который является партийным фондом Немецкой социалистической партии *Die Linke* (левые) также сотрудничает с левыми силами в регионе. Фонд выступает за реальную демократию, интеллектуальную свободу и социальную справедливость. На этих принципах фонд выстроил свою систему политического образования, где критически оцениваются реалии современного капитализма и неолиберальной глобализации¹².

Кроме того, фонд разрабатывает программы для руководящих кадров в сельскохозяйственных кооперативах Кубы [1: с. 174]; проводит конференции, например «Левые в правительстве», на которых также освещаются левоцентристские правительства в Латинской Америке.

В докладе и статье члена Национального совета от Рабочей партии Бразилии Вальтера Помара «Левые в правительстве: аналитическая статья о латиноамериканских государствах» утверждается: часть латиноамериканских левых подтвердили, что пребывание в правительстве является или может быть частью пути к социализму¹³. Делается акцент на идеологическом противоречии в утверждениях о том, что социализм означает социальное благосостояние и политическую демократию в рамках капитализма, и о том, что пребывание левых в правительстве является или может быть частью пути к социализму.

Автор данной аналитической статьи ставит следующие острые политические вопросы:

1. В какой степени присутствие представителей трудящихся классов в правительстве означает передачу им власти?
2. В какой степени участие левых в правительстве способствует изменениям в структуре общества, которые снижают гегемонию капитализма?
3. В какой степени эти изменения могут быть обращены вспять благодаря победе правых, что является скрытым риском в избирательной стратегии?
4. Вносят ли левые и популярные прогрессивные правительства Латинской Америки и Карибского бассейна вклад в переходный процесс в каждой стране, сохраняя политическую систему и способствует ли она преодолению нынешней ситуации, в которой мы улучшаем условия жизни большинства, но остаемся в рамках капитализма?

На второй подобной конференции фонд Розы Люксембург запросил отчеты о Никарагуа, Сальвадоре, Венесуэле, Эквадоре, Боливии, Парагвае, Аргентине, Бразилии и Уругвае, а также Чили.

¹¹ Resource Curse in Latin America. 3. December 2013. URL: <http://eu.boell.org/en/node/61> (дата обращения: 12.12.2013).

¹² Rosa-Luxemburg-Stiftung: официальный сайт. URL: <https://www.rosalux.de/en/foundation/more-about-us/> (дата обращения: 20.01.2017).

¹³ Valter Pomar. The Left in Government: Analysis of Latin American Country Reports // The Left in Government Latin America and Europe Compared. Documentation of the 2nd Conference. June 2010 / ed. Birgit Daiber. S. 73–97. URL: https://www.rosalux.eu/fileadmin/user_upload/upsurge-in-latin-america-2011.pdf (дата обращения: 01.06.2018).

В. Помар считает, что тот процесс политической трансформации, который произошел в Латиноамериканском регионе, имел скорее антиимпериалистический, или национал-капиталистический, антинеолиберальный потенциал, чем социалистический¹⁴.

Во всех странах региона наблюдается консолидация экономической роли государства не только как регулятора и стимулятора, но и как непосредственного производителя и владельца некоторых национальных ресурсов, таких как нефть, вода, газ и т. п.

Хотя это может быть представлено как часть реализации социалистической программы в некоторых странах, было бы правильнее говорить о росте государственного капиталистического сектора, что, как правило, необходимо, особенно когда правительство стремится к быстрому экономическому росту.

Что касается демократии, то, по мнению В. Помара, видны следующие тенденции во всех странах с левыми и прогрессивными правительствами: во-первых, увеличение демократических свобод; во-вторых, риторическая и фактическая радикализация со стороны социальных слоев, которые ранее обладали политической монополией; в-третьих, стратегия выборов потребляет много энергии и дополнительно вызывает искажения различных видов среди левых сил.

В докладе подчеркивается надуманность обвинений прогрессивных правительств Латинской Америки в авторитаризме или тоталитаризме¹⁵. Следует отметить и то, что ухудшение экономической ситуации в странах Латинской Америки может привести к победе правой оппозиции, хотя глобальный экономический кризис не всегда приводит к потере левыми власти¹⁶.

Итак, с одной стороны, левые партии и движения, которые пришли к власти в Латинской Америке, проводят реформы, направленные на распределение благ в виде финансовой помощи малоимущим, продвижение закона о минимальной оплате труда, о доступном здравоохранении и образовании. С другой стороны, структурные реформы, которые меняют структуру собственности или, по крайней мере, устанавливают новые отношения полномочий между социальными классами, являются не часто используемой мерой, даже если они регулярно упоминаются в политических речах.

Можно сделать вывод, что немецкие левые фонды, как и другие германские структуры, справедливо критикуют «новых левых» Латинской Америки за половинчатость преобразований, за то, что левые правительства провели лишь национализацию крупных компаний, без обобществления средств производства.

Аналитическая деятельность левых партийных фондов Германии выявляет наиболее острые социальные и политические противоречия в Латиноамериканском

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

регионе; фонды осуществляют мониторинг потенциальных конфликтов, прогнозируют динамику и вектор социальных преобразований.

Литература

1. *Погорельская С.В.* Германские политические фонды в Латинской Америке // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 164–175.
2. *Погорельская С.В.* Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии. М.: Наука, 2007. 207 с.
3. *Kohl H.* Ansprache beim Festakt am 28.02.1989 in der KAS. Sankt Augustin bei Bonn, 1989. 71 p.

Literatura

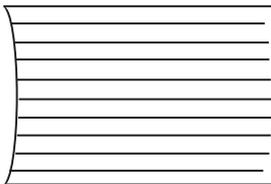
1. *Pogorel'skaya S.V.* Germanskie politicheskie fondy' v Latinskoj Amerike // Aktual'nye problemy Evropy. № 3. S. 164–175.
2. *Pogorel'skaya S.V.* Nepravitel'stvenny'e organizacii i politicheskie fondy' vo vneshnej politike Federativnoj Respubliki Germanii. M.: Nauka, 2007. 207 s.
3. *Kohl H.* Ansprache beim Festakt am 28.02.1989 in der KAS. Sankt Augustin bei Bonn, 1989. 71 p.

M.S. Glebov

Left Funds of Germany and the Social Changes in Latin America (on the Experience of the Beginning of the 21st Century)

This article highlights activity of the left German party funds and their evaluation of perform in Latin America during the period from the beginning of XXI century to the present time. At this time period «new left» governments in this region provided social reforms, which was under Western countries critics, including Germany. Thus, analysis of German organizations and funds activity in this region is an actual task of research.

Keywords: Germany; Latin America; Political funds; «left turn»; economic crisis; social changes.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

УДК 94(47)"17/1917"

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.10

**Рецензия на книгу:
Гросул В.Я. Общественное движение
в России первой половины XIX века.
М.: АИРО-XXI, 2017. 848 с.**

Научная деятельность Владислава Якимовича Гросула хорошо известна отечественным и зарубежным историкам. Его научные труды начинают публиковаться с 60-х годов XX века. Одно из его недавних исследований, посвященное проблемам общественного движения в России, опубликовано в 2017 году. Это капитальная монография, основанная на изучении огромного массива литературы, архивных материалов, ранее не включенных в научный оборот источников. Сам феномен «общественное движение» как объект научного исследования чрезвычайно многогранен, для его изучения требуется широчайшая научная эрудиция, умение использовать различные методологические подходы, огромный исследовательский опыт, чем в полной мере обладает почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор Гросул.

Владислав Якимович отметил интересный парадокс в изучении общественного движения в России: литература по российскому общественному движению поистине колоссальна, однако специальной монографии, комплексно рассматривающей данную проблему, не было. Большая часть исследований посвящена направлениям общественно-политической мысли (с. 808). Кроме того, понятие «общественное движение» трактуется учеными по-разному. В самом широком понимании это любые проявления в социальной жизни общества, в более узком — организованная деятельность представителей общества. При этом необходимо четко различать власть, общество и народ. Кроме того, применяются синонимичные термины — «общественное течение», «общественное направление». Другой спорный момент в определении понятия «общественное движение»

возникает при идентификации терминов «политическая партия» и «общественно-политическое движение».

Либералы играли важную роль в обществе. Они входили в правительство, так называемые либеральные бюрократы были в оппозиции правительству, участвовали в формировании общественного мнения, создавали общества, легальные и нелегальные. В России начала XIX века либералы составляли часть общества, т. е. являлись партией либералов, если рассматривать слово «партия» как производное от английского слова part — часть. И понятия «либерал», «либерализм» появились в англо-саксонской политической традиции. Однако разрозненные общества либералов в России начала XIX века не представляли собой политической партии. В учебнике по политическим партиям России дается такое определение: «партия — активная часть общества (группа людей), в большинстве случаев единомышленников, объединенная в политическую организацию, ставящую своей целью реализацию политических интересов не только своих членов, но и определенной части народа. Функциональное назначение партии — это завоевание и осуществление государственной власти; при этом партия руководствуется набором идеологием» [6: с. 6]. Конечно же, Негласный комитет при императоре Александре I — это не политическая партия, как, например, Конституционно-демократическая партия (кадеты) в России начала XX века.

В исторической литературе не раз возникали дискуссии о подходах в изучении общественного движения в России. В частности, ставился вопрос о правомерности сугубо марксистско-ленинского, классового подхода при оценке деятелей общественного движения, при определении общественно-политических направлений [7]. Советская историография говорила об «охранителях-крепостниках», цеплявшихся за старые феодальные порядки. При этом Николая Карамзина, классика отечественной историографии, не поворачивается язык назвать отсталым ретроградом, хотя он защищал крепостное право. Не раз высказывались сомнения в революционности декабристов или Александра Герцена, и таких дискуссионных тем в историографии предостаточно. В.Я. Гросул остается приверженцем исторического материализма и не меняет подход, сложившийся в советской историографии, который заключается в том, чтобы рассматривать общественное движение в России по трем направлениям: консервативное, либеральное и революционно-демократическое (радикальное).

Либеральное направление в монографии В.Я Гросула рассмотрено, если можно так выразиться, фундаментально. Некоторые аспекты этого сложного, многослойного общественного движения весьма интересны. Среди специалистов нет единого мнения по поводу того, что включает в себя понятие «либерализм». Философское наполнение этого термина, сформулированное в эпоху Просвещения, достаточно простое: стремление человека к свободе. Выразители марксистского подхода трактуют либерализм как общественно-

политическое течение, выражающее интересы буржуазии. Многие современные исследователи видят в либерализме систему политических институтов и принципов управления.

Либерализм в России первой половины XIX века имеет свои особенности по сравнению с либерализмом классическим, европейским. Имеется в виду славянофильство как общественное движение, выходящее за рамки классического либерализма и приближающееся к консерватизму или даже панславянству.

Принципиально важный вопрос, рассматриваемый в монографии, — время появления либерализма в России. Автор придерживается точки зрения большинства исследователей на то, что признаки либерального движения, либеральной общественной мысли возникают в России начиная с XVIII века. В то же время В.Я. Гросул не разделяет точку зрения одного из первых исследователей российского либерализма В.В. Леонтовича о том, что начало российского либерализма следует отсчитывать с 1762 года, т. е. с начала правления Екатерины II [4: с. 27]. Безусловными либералами были деятели российского просвещения — М.В. Ломоносов и другие представители Академии наук. Стихотворец и дипломат А.Д. Кантемир провозглашал идеи либерализма задолго до эпохи Екатерины II. С другой стороны, В.Я. Гросул критикует тезис о позднем возникновении либерализма в России, а именно с середины XIX века. Сторонники этой точки зрения говорят о чужеродности российского либерализма, его неадаптивности к российским условиям. Между тем отторжение крепостнических порядков, стремление к ограничению абсолютной власти монарха были свойственны даже высшей российской аристократии XVIII века.

Анализ либерального движения в России первой половины XIX века проводился В.Я. Гросулом в нескольких аспектах: главные либеральные деятели, организации и центры распространения влияния либералов, печатные органы, служившие рупором либерализма, всесторонняя характеристика идеологии либерализма. Конечно же, под самым пристальным вниманием исследователя оказалась деятельность. Особый интерес вызывает взаимосвязь его деятельности и знаменитого реформатора М.М. Сперанского. Можно сказать, что Александр I заменил Михаилом Сперанским весь Негласный комитет. Несомненно, все «молодые друзья» императора, члены комитета, обсуждали с Александром I реформы государственного аппарата, введение конституции, упразднение крепостного права, но эти устремления так и остались на стадии проектов, как «Уставная грамота» Н.Н. Новосильцева. Сперанский, как известно, успешно провел министерскую реформу, Государственный совет, созданный по его проекту, просуществовал до 1917 года.

По поводу отставки Сперанского в литературе существуют различные гипотезы. основополагающая идея этих гипотез состоит в том, что его принесли в жертву консерваторам накануне вторжения Наполеона I в Россию,

и принимается в основном всеми исследователями. Споры идут о том, что послужило импульсом к отставке. В.Я. Гросул, прекрасно зная источники, анализирует письмо воинствующего противника либерализма Ф.В. Ростопчина Александру I (с. 284). Имеются две копии этого письма, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, в которых В.Я. Гросул находит разночтения. Других копий не сохранилось, хотя известно, что это письмо широко распространялось в обществе. Нарочито резкий стиль письма, содержащий чуть ли не угрозы самому императору, вызывал сомнения в авторстве Федора Ростопчина. В.Я. Гросул доказывает, что письмо было написано Ф.В. Ростопчиным и, несмотря на фальсифицированные обвинения в шпионстве М.М. Сперанского, Александру I пришлось убрать либерального реформатора.

Отношение Александра I к общественным течениям в России было довольно двойственным, если не противоречивым. Провозглашая либеральные ценности, он обрушивает гонения на либералов, торжествующие консерваторы также отправляются в отставку, как, например, упоминавшийся выше граф Ф.В. Ростопчин. Своего последнего фаворита, графа А.А. Аракчеева император заставлял создавать военные поселения и писать проекты по отмене крепостного права. В.Я. Гросул считает 1812 год переломным во внутренней политике Александра I, эволюционировавшей от либерализма к реакции, что, конечно, не означало исчезновения либерализма в общественном движении.

Продолжало свою деятельность в либеральном духе «Вольное экономическое общество», возникшее еще при Екатерине II. Обращают на себя внимание исследователя общества, создаваемые «ревнителями просвещения», как тогда говорили: «Арзамас», «Зеленая лампа» и другие. Состав этих обществ был довольно пестрым: от будущих декабристов М.Ф. Орлова, С.П. Трубецкого и других радикальных либералов до будущих столпов консерватизма — графа С.С. Уварова, да и взгляды основателя «Арзамаса», поэта В.А. Жуковского, в дальнейшем эволюционировали от либерализма к консерватизму. Кроме обзора либеральных обществ в монографии представлена галерея политических портретов либеральных деятелей. Это и высшие государственные сановники, и профессора университетов, и деятели культуры. Примечательно, что статья об авторе реформы государственных крестьян П.Д. Киселёве отсутствует в энциклопедии российского либерализма, тогда как в монографии В.Я. Гросула этому столпу правительственного либерализма уделено большое внимание (с. 295).

Характеризуя либеральное движение в России начала XIX века, историки используют термин «дворянский либерализм», так как подавляющее большинство представителей либерального движения были дворянами. В.Я. Гросул акцентирует внимание на либералах-дворянах, вышедших из крепостных крестьян. Русская культура знает немало знаменитостей из крепостных: художник В.А. Тропинин, архитектор А.Н. Воронихин, актриса П.И. Жемчугова и другие. Так называемая крепостная интеллигенция была настроена против

крепостного права, были среди ее представителей люди, открыто выражавшие свои взгляды. А.В. Никитенко, из крепостных, ставший академиком, излагал либеральные идеи студентам Петербургского университета. Н.И. Сабуров, управляющий на казенном заводе в Перми, был арестован за сочинения в защиту естественного права и критику самодержавия. А.В. Лоцманов, оставаясь крепостным, сумел получить образование и работал учителем. Его обвинили в создании тайного общества, целью которого было уничтожение крепостного права. Такого рода либеральных деятелей В.Я. Гросул характеризует как деятелей переходного типа от либерализма к революционности.

В монографии достаточно четко выкристаллизовываются основные признаки российского либерализма первой половины XIX века. Это осуждение крепостного права и борьба за его отмену, всевозможное способствование экономической модернизации страны и еще одна немаловажная черта — стремление к политическим свободам. Такого рода устремления были характерны в той или иной степени для всех общественных направлений и для консерваторов в том числе. Споры шли о методах, о сроках преобразований. В историческом дискурсе не раз высказывались мнения о принадлежности славянофилов к консервативному направлению. Кроме того, что славянофильская идеология предполагала сохранение самодержавия, многие из идеологов славянофильства, например А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, владели крепостными крестьянами, получали доход с поместий, хозяйство которых было основано на подневольном труде [1: с. 60]. Однако большинство исследователей, и В.Я. Гросул в том числе, относят славянофилов все-таки к либералам, имея в виду их отрицание крепостного права. Царские сановники неодобрительно относились к славянофилам, по крайней мере, относить славянофилов к охранителям никак нельзя.

Кроме литературных журналов, книгоиздательств, в монографии уделяется внимание общественно-литературным салонам. Наиболее значимым из этих центров общественного мнения был салон А.П. Елагиной, матери знаменитых славянофилов братьев И.В. и П.В. Киреевских. А.И. Герцен в своем бессмертном романе «Былое и думы» оставил яркие зарисовки словесных битв славянофилов с западниками в салоне Елагиной. В отличие от печати, подвергавшейся цензуре, в салонах была слышна свободная речь, это имело большой общественный резонанс.

Консервативное направление, по мнению автора монографии, изучено недостаточно. В советское время консерваторы оценивались только как реакционеры, крепостники, противники всего нового. Сборник обобщающих исследований по консерватизму, который был задуман еще в советское время и в котором автором одной из работ был В.Я. Гросул, не достиг желаемых результатов, в том числе и в силу субъективных причин, как отмечал сам В.Я. Гросул (с. 411). Исследования по консерватизму носят утилитарный характер, когда историки изучают отдельные черты или проблемы консерватизма,

избегая комплексного подхода. Зачастую проблемы российского консерватизма рассматривались в плоскости «национализм — космополитизм». Главную черту российского консерватизма начала XIX века В.Я. Гросул видит в борьбе за незыблемость социально-экономических отношений, патриотизм и мораль, которые консерваторы ставили на первое место, а в реальной общественной борьбе все это оказывалось вторичным.

Консервативное направление общественного движения, как и либеральное, было неоднородным. Внутри консервативного движения были противоречия и конфликты. Казалось бы, литературное общество «Беседа» оказывало сильное влияние на формирование внутренней и внешней политики императора Александра I. Если один из основателей этого общества, знаменитый поэт Г.Р. Державин еще при Екатерине II занимал государственные должности, то его главный идеолог — адмирал А.С. Шишков — стал министром при Александре I благодаря общественной деятельности в «Беседе». Адмирал Шишков был известен как противник либералов, но он также выступал против консерватора князя А.Н. Голицына. В монографии князь А.Н. Голицын характеризуется как консерватор-мистик (с. 480). Созданное при поддержке князя Голицына Библейское общество вызывало острое неприятие у российских консерваторов как подрывающее православную веру. Князь Голицын, назначенный Александром I министром духовных дел и народного просвещения, был заменен на адмирала Шишкова.

В монографии отмечена тенденция эволюции либералов к консерватизму. «Главный либерал империи» Александр I после победы в наполеоновских войнах оставил идеи введения конституции в России, отмены крепостного права до того времени, когда Россия будет готова к либеральным преобразованиям. Среди таких консерваторов, которые были либералами, В.Я. Гросул называет великого русского историка Н.М. Карамзина, великого русского поэта А.С. Пушкина, министра просвещения С.С. Уварова и многих других. Либеральная идеология во многих ее проявлениях приводила к отказу от национальной идентичности. «Философические письма» П.Я. Чаадаева вызвали огромный общественный резонанс еще и потому, что поднимали проблему антагонизма между либерализмом и консерватизмом. Издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин, где было опубликовано первое из «Философических писем», подвергся репрессиям со стороны государства, хотя направление журнала было консервативным [2: с. 7]: на страницах журнала такие апологеты идеологии официальной народности, как М.П. Погодин, С.П. Шевырëв и другие, резко критиковали либеральные доктрины.

В годы правления Николая I консерватизм становится государственным кредо. Особенно это проявилось в создании специального государственного органа, призванного контролировать общественное движение, — Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В монографии представлена развернутая характеристика, так сказать, консерваторов

по должности. А.Х. Бенкендорф был своеобразным альтер эго Николая I. Служить царю не за страх, а за совесть было главным убеждением Главноуправляющего Третьим отделением. Причем Александр Бенкендорф был хорошо осведомлен о либеральных идеях, он по-своему понимал критику декабристов, стараясь сделать из нее прагматические выводы для самодержавия. В отчетах Третьего отделения для царя неоднократно высказывалась мысль о крепостном праве «как пороховом погребе для государства» (с. 512). Сменивший Бенкендорфа А.Ф. Орлов также был боевым генералом. В день восстания на Сенатской площади Алексей Орлов командовал конной атакой на каре мятежников. Благодаря ему его брат, декабрист М.Ф. Орлов, не понес наказания. Ненавистник консерватизма А.И. Герцен характеризовал первого шефа жандармов Л.В. Дубельта как интеллектуала и эффективного управленца, выражаясь современным языком (с. 514). Общий вывод по консервативному направлению общественного движения заключается в том, что консерватизм поддерживался государством, но уступал свои позиции в общественном движении. Интеллигенция, особенно демократы-разночинцы, резко отрицательно относились к доктрине консерватизма.

Революционное движение В.Я. Гросул осветил в целом с позиций советской историографии, однако с некоторыми уточнениями. Главу, посвященную революционному движению, он назвал «Русский политический радикализм», уточняя, что это только начало революционного движения. В соответствии с советской традицией В.Я. Гросул усматривает начало революционизма в деятельности А.Н. Радищева. Декабристские организации он считает первыми революционными организациями в России. Большое внимание в монографии уделено общественным объединениям, которые не были декабристскими, но действовали в том же духе: общество «Чок» 1810 год (с. 620), кружок В.Ф. Раевского, «Общество русских рыцарей» и другие. Говоря о значении движения декабристов, В.Я. Гросул отмечает постдекабристский феномен, когда в общественном движении начинает развиваться революционное направление, импульс которому, безусловно, придало стремление декабристов революционным путем изменить Российскую империю.

Самыми известными и значительными революционерами, продолжателями дела декабристов были два титана революционной мысли — А.И. Герцен и М.А. Бакунин. Отличительной чертой их революционной деятельности было то, что наибольшее влияние на революционное движение в России они оказали, находясь в эмиграции. Этому посвящен специальный раздел в монографии — «Роль политической эмиграции и ее связь с внутривосточными силами». Александр Герцен обеспечивает финансами возможность для Бакунина уехать за границу. Вслед за Бакуниным Герцен становится политическим эмигрантом. В исторической литературе не раз поднимался вопрос о взаимоотношениях русских революционеров с европейскими социалистами, в частности о противостоянии Карла Маркса и Михаила Бакунина.

При этом большинство исследователей признают влияние идей К. Маркса на Бакунина [5: с. 37]. В монографии тщательно анализируется деятельность Вольной русской типографии. То что во время Крымской войны общественное мнение было настроено против царского правительства, во многом заслуга политической эмиграции. Влияние эмигрантов на революционное подполье в России уже выходило за рамки исследовательской задачи монографии. Заключительный сюжет книги В.Я. Гросула касается проблем формирования революционной идеологии, которые нашли отражение в трудах М.В. Довнар-Запольского и В.И. Семевского.

Отразить все многообразие общественного движения — неподъемная задача, однако в целом Владиславу Якимовичу это удалось. Недостаточное внимание, на наш взгляд, в монографии было уделено такому феномену, как масонство в российском общественном движении. При этом автор довольно часто указывает на принадлежность к масонству тех или иных деятелей общественного движения, правда, оговариваясь, что тема масонства в литературе излишне демонизирована. В то же время историография о масонстве насчитывает немало объективных, научных исследований, которые использует и автор. Уже хрестоматийным стал пример о том, что будущий декабрист П.И. Пестель и будущий глава Третьего отделения А.Х. Бенкендорф были масонами в одной и той же ложе — «Соединенные друзья». Они порвали с масонством по разным причинам, но масонские ложи продолжали действовать. Российские самодержцы не раз пытались запретить деятельность масонов в Российской империи, но безуспешно. Поскольку в России после запрета масонства нельзя было официально вступить в масонскую ложу, Михаил Бакунин вступает в масонскую ложу в Италии [3: с. 45]. Насколько масонство было консервативным или либеральным, вопрос о том, кто кого использовал — революционеры масонство или масоны революционеров, — нуждается в дальнейшем изучении.

Монография В.Я. Гросула является значительным вкладом в исследования по истории России, открывает дальнейшие пути научного поиска, показывает способы решения сложных историографических проблем.

О.В. Серов

Литература

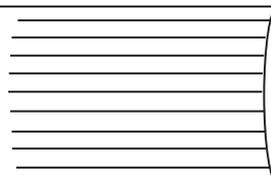
1. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 289 с.
2. *Каменский З.А., Надеждин Н.И.* Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М.: Искусство, 1984. 208 с.
3. *Карпачёв С.П.* Путеводитель по масонским тайнам. М.: ЦГО, 2003. 381 с.
4. *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. 444 с.

5. *Пирумова Н.М.* Михаил Бакунин. М.: Наука, 1966. 163 с.
6. Политические партии России: история и современность. М.: РОСПЭН, 2000. 631 с.
7. *Секиринский С.С.* «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // *Общественная мысль России: Истоки, эволюция, основные направления.* М.: РОСПЭН. 2011. С. 99–110.

Literatura

1. *Dudzinskaya E.A.* Slavyanofily' v obshhestvennoj bor'be. М.: Му'сл', 1983. 289 с.
2. *Kamenskij Z.A.* N.I. Nadezhdin. Oчерк filosofskix i e'stetcheskix vzglyadov (1828–1836). М.: Iskusstvo, 1984. 208 с.
3. *Karpachyov S.P.* Putevoditel' po masonskim tajnam. М.: CGO, 2003. 381 с.
4. *Leontovich V.V.* Istoriya liberalizma v Rossii 1762–1914. М.: Russkij put', 1995. 444 с.
5. *Pirumova N.M.* Mixail Bakunin. М.: Nauka, 1966. 163 с.
6. Политические партии России: история и современность. М.: ROSPE'N, 2000. 631 с.
7. *Sekirinskij S.S.* «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // *Общественная мысль России: Истоки, эволюция, основные направления.* М.: ROSPE'N. 2011. С. 99–110.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2018, № 4 (32)**

Агуреев Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Байкалов Николай Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Бурятии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Уде.

E-mail: baikalov@bsu.ru

Болдов Иван Александрович — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: Boldov.Vania@yandex.ru

Болтаевский Андрей Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философских и социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного университета пищевых производств.

E-mail: boltaev83@mail.ru

Глебов Максим Сергеевич — аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: regresnet@inbox.ru

Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

E-mail: fa-m@yandex.ru

Музафарова Нелли Ильинична — доктор исторических наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: muzafarovan@mail.ru

Нижинская Маргарита Михайловна — магистрант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.

E-mail: nijinka@mail.ru

Омельченко Елена Александровна — кандидат исторических наук, профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: etno1@dol.ru

Серов Олег Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

E-mail: gelo.olser@gmail.com

Тихонов Алексей Леонидович — кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания гимназии № 14 г. Улан-Удэ.

E-mail: lotr-ya@mail.ru

Шеркова Татьяна Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН.

E-mail: sherkova@inbox.ru

AUTHORS
of «Vestnik Moscow City University»,
Series «Historical Studies», 2018, № 4 (32)

Agureev Stanislav Aleksandrovich — Ph.D. (History), an associate professor, docent of the department of World and Russian History, Moscow City University.

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Baikalov Nikolay Sergeevich — Ph.D. (History), an associate professor, head of the department of History of Buryatia, Buryat State University, Ulan-Ude.

E-mail: baikalov@bsu.ru

Boldov Ivan Aleksandrovich — a postgraduate of the department of History of Russia, Moscow City University.

E-mail: Boldov.Vania@yandex.ru

Boltaevskiy Andrei Andreevich — Ph.D. (History), docent of the department of Philosophy and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow State University of Food Production.

E-mail: boltaev83@mail.ru

Glebov Maksim Sergeevich — a postgraduate of the all-university department of World and Russian History, Moscow City University

E-mail: regresnet@inbox.ru

Malkhozova Fatima Viktorovna — Ph.D. (History), senior staff scientist, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: fa-m@yandex.ru

Muzafarova Nelli Iiinichna — Doctor of History, full professor, professor of the all-university department World and Russian History, Moscow City University.

E-mail: muzafarovan@mail.ru

Nizhinskaya Margarita Mikhailovna — a magistrant of the all-university department of World and Russian History, Moscow City University.

E-mail: nijinka@mail.ru

Omelchenko Elena Altksandrovna — Ph.D. (History), professor of the department of Cultural Studies, Moscow Pedagogical State Univirsity.

E-mail: etno1@dol.ru

Serov Oleg Vyacheslavovich — Ph.D. (History), docent of the department History of Russia, Moscow City University.

E-mail: gelo.olser@gmail.com

Tikhonov Alexey Leonidovich — Ph.D. (History), teacher of History and Social Studies, Secondary School № 14, Ulan-Ude.

E-mail: lotr-ya@mail.ru

Sherkova Tatjana Alekseevna — Ph.D. (History), senior staff scientist of the Centre of Egyptological Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sherkova@inbox.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: vestnik.mgpi.ru.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к заместителю главного редактора *Федору Александровичу Михайловскому* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
2018, № 4 (32)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

И.Е. Посоха

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1
Телефон: 8-499-181-50-36
Сайт: vestnik.mgpu.ru

Подписано в печать: 24.12.2018 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆

Бумага офсетная

Объем 7 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.